

INTERNATIONAL LAW JOURNAL

2025, Том 8, № 1

Подписано к публикации: 14.02.2025

Главный редактор журнала

Серебренникова Анна Валерьевна
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьевич (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор

Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор

Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор

Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент

Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор

Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор

Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор

Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор

Глебов Игорь Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор

Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор

Джалилов Эльвис Алимович (РФ, г. Тольятти) – кандидат юридических наук, доцент

Жамулдинов Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, доцент

Захарова Светлана Александровна (РФ, Екатеринбург) – кандидат юридических наук, доцент

Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор

Кириллова Ирина Александровна (РФ, г. Курск) – кандидат юридических наук, доцент

Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор

Кожевников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент

Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор

Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор

Машовец Асия Океановна (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, доцент

Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Орёл) – доктор юридических наук, доцент

Минязева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор

Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор

Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Мишина Наталья Вячеславовна (РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент

Мустафаева Айтен Инглаб (Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор

Небратенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор

Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор,

Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Барнаул) – доктор юридических наук, доцент

Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор

Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор

Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор

Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор

Файзиев Шохруд Фармонович (Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат юридических наук, доцент

Флоря Евгений Константинович (Молдова, г. Кишинев) – кандидат юридических наук, доцент

Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор

Шошин Сергей Владимирович (РФ, г. Саратов) – кандидат юридических наук, доцент

«International Law Journal» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., Elibrary.ru

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78049 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2658-5693 (online)

E-mail: law@dgpu-journals.ru

Сайт: <https://ilj-journal.ru>

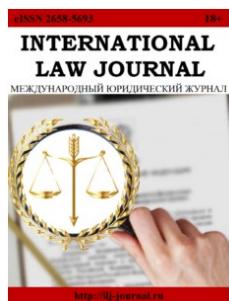
DOI: 10.58224/2658-5693-2025-8-1

© International Law Journal, 2025

Содержание

Матинян М.А., Аветикова Т.Д., Голубов М.А., Магомедов Г.Б.	
Личность преступника-рецидивиста и её характеристики	5-11
Соколова О.А., Надточий Ю.В.	
Некоторые проблемы применения уголовно-правовых норм об экологических преступлениях	12-17
Хобби Ю.С.	
Особенности правового регулирования международных перевозок в ДНР	18-23
Кимяева Д.В., Храмов С.А., Фокин Д.Ю., Шигапов А.Ф., Куликов Д.Н.	
Проблемы реализации принципа состязательности сторон в суде первой инстанции	24-28
Морозов С.А.	
Особенности правового статуса лиц, осуществляющих охрану и управление наследственным имуществом	29-35
Матинян М.А., Аветикова Т.Д., Голубов М.А., Магомедов М.А.	
Особенности детерминации рецидивной преступности	36-43
Рудов Д.Н., Новикова Е.А.	
К вопросу об электронных доказательствах в уголовном судопроизводстве России	44-48
Побережная И.Ю., Побережный С.Г., Сухоносеко В.Д.	
К вопросу о признаке изолированности жилого помещения в современном жилищном праве	49-53
Туркулец В.А., Туркулец И.А., Туркулец С.Е.	
Типология личности преступника, совершающего преступления против несовершеннолетнего с использованием сети интернет	54-62
Васильев А.Н.	
Критерий возможности влияния на результаты голосования при оспаривании решений органов управления юридическими лицами (п. 4 ст. 181.4 ГК РФ)	63-67
Григоренко Ю.В.	
Концепция очищения имущества, реализованного на торгах, как средство защиты добросовестного приобретателя	68-72
Докучаева К.С., Плеханова А.В.	
Развитие конституционного права на образование в законодательстве РФ	73-77
Иванюта Н.В., Катрыч А.В.	
Примирительные процедуры для участников арбитражного и гражданского процесса	78-84
Карпова Г.С.	
История возникновения и развития института предъявления обвинения в Соединенных Штатах Америки	85-90
Кузбагарова Е.В., Кузбагаров М.Н.	
Применение специальных знаний в судебных делах по защите чести и достоинства, авторских прав, обусловленных использованием технологии дипфейк-анализа	91-97

Мосиенко Т.А., Татарчук М.А. Ограничение и лишение родительских прав: сравнительный анализ законодательства и правоприменительной практики России и Франции. Проблемы и пути их решения	98-108
Цуканов С.С. Исторические вехи становления института государственной кадастровой оценки	109-114
Шахматова Н.А. Проблемные вопросы при определении предназначения товаров, перемещаемых физическими лицами	115-119
Винокуров Э.А. Особенности производства осмотра места происшествия по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов	120-125
Докучаева К.С., Плеханова А.В. Понятие права на образование в системе конституционных ценностей РФ	126-132
Мосиенко Т.А., Татарчук М.А. Терминологический анализ законодательства России и Франции в рамках институтов ограничения и лишения родительских прав	133-141
Погосян П.К. Особенности участия юридических лиц в земельных правоотношениях	142-146
Романенко Е.А., Бокова А.О. Внедрение технологий искусственного интеллекта в правоохранительную деятельность: перспективы и потенциальные угрозы	147-152
Сидоров Я.Ю. Основания для избрания меры пресечения в виде домашнего ареста и их доказывание	153-157
Чумаченко В.А. Публично-правовые ограничения в обучении искусственного интеллекта, международный и национальный опыт	158-163

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.9

Личность преступника-рецидивиста и её характеристики

¹ Матинян М.А., ² Аветикова Т.Д., ³ Голубов М.А., ⁴ Магомедов Г.Б.,
¹ Ставропольский институт кооперации, филиал Белгородского
университета кооперации, экономики и права,
² Северо-Кавказский федеральный университет,
³ Ставропольский государственный педагогический институт,
⁴ Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского
государственного университета юстиции РПА Минюста России

Аннотация: в начале статьи говорится о том, что личность преступника уже давно находится в центре внимания различных наук, но сама по себе не имеет непосредственного выражения в объективной реальности, а представляет собой сконструированную модель, выражавшуюся в совокупности обобщенных свойств и качеств, присущих субъектам, совершающим преступления. Отмечается, что легального определения личности преступника-рецидивиста не существует, поэтому оно толкуется в научной литературе различным образом. Указывается, что личность как преступника, так и любого другого человека образована и статичными и динамичными свойствами и качествами, но при её изучении приоритет необходимо отдавать только устойчивым характеристикам личности. Предполагается, что устойчивые качества и свойства личности человека могут формироваться как произвольно, так и преднамеренно. Подчеркивается, что в центре человеческой личности находится Эго «Я» человека, то есть его сознательноволевое начало. Проводятся параллели между терминами «преступник» и «субъект преступления». Особо подчеркивается, что в криминологической науке до сих пор нет точного понимания термина «рецидивист». Доказывается, что личность преступника -рецидивиста один из самых опасных видов личности преступника. Показано, что не все рецидивисты обладают высокой степенью общественной опасности. Перечисляются основные уголовно-правовые признаки преступника-рецидивиста. Приводятся и дополнительные признаки, которые делают понятие преступника-рецидивиста более точным и конкретным. Признается тот факт, что личность преступников-рецидивистов вследствие их длительных контактов с криминальной средой становится резистентной по отношению к направленному на неё исправительному воздействию. Подробно рассматриваются биологические, психологические и социальные факторы, обра-зующие личность преступника-рецидивиста. В заключении статьи приводится определение понятия личности преступника-рецидивиста.

Ключевые слова: личность преступника, рецидивист, субъект преступления, криминология, преступность, криминогенный фактор

Для цитирования: Матинян М.А., Аветикова Т.Д., Голубов М.А., Магомедов Г.Б. Личность преступника-рецидивиста и её характеристики // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 5 – 11.

Поступила в редакцию: 14 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

The identity of the repeat offender and its characteristics

¹ Matinyan M.A., ² Avetikova T.D., ³ Golubov M.A., ⁴ Magomedov G.B.,

¹ Stavropol Institute of Cooperation, branch of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,

² North Caucasus Federal University,

³ Stavropol State Pedagogical Institute,

⁴ North Caucasus Institute, a branch of the All-Russian State University of Justice of the Russian Academy of Justice

Abstract: at the beginning of the article, it is said that the personality of the criminal has long been in the focus of attention of various sciences, but in itself has no direct expression in objective reality, but is a constructed model expressed in a set of generalized properties and qualities inherent in the subjects who commit crimes. It is noted that there is no legal definition of the identity of a repeat offender, therefore it is interpreted in various ways in the scientific literature. It is pointed out that the personality of both a criminal and any other person is formed by both static and dynamic properties and qualities, but when studying it, priority should be given only to stable personality characteristics. It is assumed that stable qualities and properties of a person's personality can be formed both arbitrarily and intentionally. It is emphasized that in the center of the human personality is the Ego "I" of a person, that is, his conscious-volitional principle. Parallels are drawn between the terms "criminal" and "subject of crime." It is emphasized that criminological science still does not have an accurate understanding of the term "repeat offender". It is proved that the identity of a repeat offender is one of the most dangerous types of criminal personality. It is shown that not all repeat offenders have a high degree of social danger. The main criminal-legal signs of a repeat offender are listed. Additional features are given that make the concept of a repeat offender more precise and specific. It is recognized that the personality of repeat offenders, as a result of their long-term contacts with the criminal environment, becomes resistant to the corrective action directed at it. The biological, psychological and social factors that form the personality of a repeat offender are considered in detail. The article concludes with a definition of the identity of a repeat offender.

Keywords: criminal personality, repeat offender, subject of crime, criminology, criminality, criminogenic factor

For citation: Matinyan M.A., Avetikova T.D., Golubova M.A., Magomedova G.B. The identity of the repeat offender and its characteristics. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 5 – 11.

The article was submitted: October 14, 2024; Approved after reviewing: December 10, 2024; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Личность преступника – это одна из самых сложных и обсуждаемых тем в научной среде. Этой темой интересуются множество различных специалистов: криминологов, социологов, антропологов, философов, психологов и других ученых. Повышенное внимание к личности преступника обусловлено тем, что она – один из самых значимых элементов криминологической характеристики преступлений. Ведь любое преступление является собой результат действий или бездействия личности преступника.

Особо следует отметить тот факт, что личность преступника как криминологическая категория не имеет непосредственного прямого выражения в объективной реальности. Она представляет собой обобщенную модель различных личностных качеств, которые тем или иным образом связаны с совершившими преступления субъектами. Поскольку личность преступника органически включена в криминологическую характеристику любого вида преступности выделяются и различные виды личности преступника.

Материалы и методы исследований

В работе использовались следующие методы: метод индукции, метод дедукции, метод теоретического анализа, методы синтеза, сравнения, аналогии.

Результаты и обсуждения

Одним из таких видов и является личность преступника-рецидивиста. Необходимо сразу отметить, что никакого легального определения понятия личности-преступника не существует. Нет даже законодательного определения личности преступника, которое значительно шире по своему объему, чем понятие личности преступника-рецидивиста. Такая правовая неопределенность, касающаяся личности преступника-рецидивиста, порождает в научной литературе весьма противоречивые толкования её понятия.

Сам термин «личность преступника-рецидивиста» состоит из трех терминов, значение которых необходимо принимать во внимание при определении данного понятия. Рассмотрим каждое из них отдельно и более подробно.

В одном из словарей русского языка под личностью понимается совокупность признаков и свойств, присущих человеку как существу общественному; личное индивидуальное начало в человеке [1, с. 295]. Отсюда можно сделать вывод, что к личности человека относится не всё внутреннее содержание её психики, а только такая её часть, которая имеет более или менее устойчивый характер и придает человеческой личности уникальное своеобразие. Таким образом, все что в личности человека подвержено быстрым изменениям (отдельные и конкретные мысли, чувства, настроения, эмоции и т.д.) в понятие личности преступника лучше не включать. Особо в этой связи следует сказать о половозрастных факторах, присущих личности преступника. Исходя из того, что они учитываются криминологами при изучении того или иного вида личности преступника, следует предположить, что они имеют криминологическое значение, то есть носят относительно постоянный характер. Вместе тем общеизвестно, что человек в силу возраста постоянно меняется, при чем не только внешне, но и в социальном и психологическом плане, а также на клеточном уровне. Индивид рождается, взрослеет, стареет и умирает. И если этот процесс не прерван какими-либо непредвиденными обстоятельствами (например, гибелью в дорожно-транспортном происшествии) все люди на земле без исключения проходят указанные выше стадии своей жизни.

В связи с этим личность человека представляет собой сочетание образующих её статичных и динамичных свойств и качеств, которые нередко могут меняться местами. Предпочтение же при раскрытии личности человека отдается его более постоянным свойствам и качествам, которые носят для неё конститутивный характер, образуя, так сказать, «ядро» личности. Эти качества могут быть по своей природе биологическими, психологическими и социальными. Обычно они возникают произвольно вследствие развития человека, но могут быть, хотя такая ситуация на практике встречается реже, выработаны и преднамеренно.

В центре любой человеческой личности находится «Эго» – «Я» человека, которое характеризует его сознательно-волевое начало. Оно в соприкосновении с внешними и внутренними обстоятельствами продуцирует определённую систему ценностей и представлений в соответствии с которой и осуществляет свою жизнедеятельность человек. В «Эго» человека по сути своей и сосредоточена вся его психическая и физическая активность. С помощью своего сознательно-волевого начала человек может в значительной степени влиять на характер и выраженность присущих ему свойств и качеств, усиливая одни принадлежащие ему свойства и качества, которые для него желательны и устраяя (если это возможно) другие нежелательные для него элементы своей личности.

Термин «преступник» – второй в рассматриваемом здесь понятии личности преступника-рецидивиста. Он означает просторечное слово, которым в народе называют субъекта преступления. В русском языке под преступником предлагается понимать лицо, совершающее или совершившее преступление [2, с. 296]. С точки зрения криминологии преступником следует считать по сути дела того, кто в уголовном праве называется субъектом преступления. Поэтому преступник характеризуется тремя обязательными признаками: 1) он представляет собой физическое лицо, то есть человека в собственном смысле данного слова; 2) он обладает вменяемостью, то есть способностью осознавать фактический характер и социальное значение своих действий (бездействия) и руководить ими (ими); 3) достижение им определенного возраста, с которого он может быть привлечен к уголовной ответственности за совершенное преступление. Помимо обязательных признаков субъекта преступления, преступник может характеризоваться еще дополнительными признаками, которые либо напрямую указаны в конкретной статье Особенной части, либо выводятся из неё путем толкования.

Последним термином в рассматриваемом нами понятии является «рецидивист». Один из видов термина «рецидивист» был закреплен на законодательном уровне в статье 24.1 УК РСФСР 1960 года и назывался особо опасный рецидивист. В современном уголовном законодательстве ни термин «рецидивист» ни термин «особо опасный рецидивист» не используются, поскольку акцент в понятии, охватывающего случаи совершения умышленно нового преступления лицом, ранее уже судимым за совершение умышленного преступления, смеется с того, кто совершает рецидивные преступления, на то, что именно им совершается, то есть на форму множественности преступлений, предусмотренную статьей 18 УК РФ.

Несмотря на то, что в российском уголовном законодательстве термин «рецидивист» не используется, он по-прежнему сохранил значение в криминологической науке. Однако в криминологии до сих пор не сформировалось точное значения термина «рецидивист». Очевидно, что не любое лицо, совершившее повторное преступление является рецидивистом, поскольку в таком случае к рецидивистам будут относиться и лица, совершившие неосторожные преступления и лица, в отношении которых отсутствует факт осужде-

ния. В то же время рецидивистом нельзя признавать и лишь тех лиц, которые совершили рецидив преступления в его уголовно-правовом значении. Это в значительной степени ограничит круг субъектов, участвующих в возникновении и поддержании рецидивной преступности, что что сделает малоэффективными шаги в политике государства по борьбе с данным видом преступности. Не стоит в этом случае забывать о том, что понятие криминологического рецидива преступлений включает в себя в качестве составной части уголовно-правовой рецидив преступления. С точки зрения разработки мер противодействия рецидивной преступности как криминологического феномена, несомненно, надо учитывать всех тех лиц, которые совершили именно криминологический рецидив преступления. Таким образом, антонимом к лицам, совершившим повторные преступления будут являться лица, совершившие преступление впервые. При этом рецидивисты будут являться разновидностями лиц, совершивших преступления повторно.

Личность преступника-рецидивиста – это один из самых опасных видов преступников. Недаром поэтому в пункте «а» части пятой статьи 131 УК РФ, в пункте «а» части пятой статьи 132 УК РФ и в некоторых других особо квалифицированных составах преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности в качестве субъекта преступления выступает лицо, имеющее судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних. За некоторые из вышеперечисленных преступлений предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы. В то же время не каждый уже судимый человек, повторно нарушивший уголовный закон может характеризоваться как лицо, обладающее повышенной общественной опасностью, поскольку он может совершить его под влиянием внешних неблагоприятных обстоятельств [3, с. 49]. Следовательно, к оценке личности преступника-рецидивиста следует подходить не шаблонно, стандартно, а более гибко, дифференцированно.

Для того, чтобы полностью раскрыть всю многогранную природу личности преступника-рецидивиста необходимо определить ряд критериев, на основе которых лиц, умышленно совершивших повторные преступления следует относить к данному виду личности преступника. Личность преступника-рецидивиста – это по сути своей собирательный образ, наделённый некоторым количеством обобщенных характеристик, которыми обладают все реальные лица, совершившие рецидив преступления или умышленные повторные преступления. Уголовно-правовые признаки личности преступника-рецидивиста не ограничиваются только тем, что к ней относятся лица, совершившие рецидив преступления. Личность преступника-рецидивиста обладает, как минимум, тремя уголовно-правовыми признаками: 1) совершением нового преступления лицом, ранее уже совершившим преступление; 2) все совершенные лицом преступления носят умышленный характер.

Категория лиц, ранее уже совершивших преступление и совершивших новое преступление достаточно широка на практике. Поэтому в научной литературе термин «личность преступника - рецидивиста нередко ограничивают таким дополнительными критериями как: а) факт осуждения, то есть вынесение обвинительного приговора суда за ранее совершенное преступление; б) наличие судимости у преступника - рецидивиста. При таком подходе личность преступника-рецидивиста становится более конкретной и может быть изучена более точно. К характеристикам личности преступника-рецидивиста взятой в более узком смысле данного термина следует отнести: 1) характер и степень общественной опасности ранее совершенного преступления; 2) характер и степень общественной опасности вновь совершенного преступления; 3) поведение преступника-рецидивиста на всех стадиях уголовного процесса; 4) время, которое прошло с момента совершения первого преступления до момента совершения последующих преступлений; 5) отношение преступника-рецидивиста к факту его осуждения (например, непризнание своей вины, полное или частичное признание своей вины); 6) категории преступлений, которые совершил преступник-рецидивист; 7) факт назначения преступнику-рецидивисту какого-либо вида и размера наказания, а также полного или частичного его отбытия; 8) детерминанты ранее совершенного и вновь совершенного преступления преступником-рецидивистом; 9) количество совершенных рецидивистом преступлений; 10) преступная специализация, когда преступник рецидивист склонен совершать только тождественные и однородные преступления; 11) рецидивоопасность преступника-рецидивиста, которая выражается в возможности (достаточно высокой доли вероятности совершения новых преступлений; 12) вид умысла (прямой или косвенный), который имеет место как в ранее совершенном, так во вновь совершенном преступником-рецидивистом преступлении.

Как уже выше отмечалось личность преступника, как и любая другая человеческая личность имеет совокупность биологических, психологических и социальных факторов. Следует иметь в виду, что не все ученые выделяют именно такой набор факторов, который присущ человеческой личности вообще, и личности рецидивиста в частности. Так, советский ученый И.С. Ной выделял социально-демографические, уголовно-правовые и морально-психологические свойства личности преступника [4, с.160].

Биологические факторы преступника-рецидивиста, конечно, нельзя свести к его росту, весу, цвету глаз и волос, а также конституции имеющегося у него человеческого тела. Однако, иногда наличие болезней могут превратить человека в преступника-рецидивиста. Так, например, субъект, болеющий венерическим заболеванием или ВИЧ-инфекцией может отказываться от лечения, но продолжает вступать в половые отношения с другими лицами, в связи с чем возникает реальная угроза их заражения данными болезнями. Расшифровка человеческого генома также указывает на склонность некоторых людей, обладающих определённым набором генов к агрессивному или импульсивному поведению. Биологические факторы личности преступника-рецидивиста могут выражаться в травмах головного мозга, что с высокой долей вероятности повлечет за собой некоторые преступные навязчивости. Несмотря на то, что биологические факторы имеют достаточно значительный вес в формировании отрицательных качеств преступника –рецидивиста, они редко имеют определяющее значение в осуществлении преступного поведения. Если же биологические факторы приобретают доминантный характер в человеческой личности и могут полностью контролировать деятельность сознательно-волевого начала в человеке, то возникает состояние невменяемости, и лицам, совершившим общественно опасные деяния в таком состоянии, назначают не наказание, а принудительные меры медицинского характера. В связи с этим следует отметить, что биологические факторы преступника-рецидивиста заключаются не столько в его внешнем облике, сколько во внутренних физиологических процессах, присущих состоянию его организма. А.А. Бакин правильно отметил, что, когда обычному человеку далекому от криминального мира говорят о преступнике-рецидивисте его воображение, как правило, рисует образ матерого уголовника с большой выпирающей челюстью, низким интеллектом, свирепым взглядом и с ног до головы покрыты различными криминальными татуировками и шрамами [5, с. 91].

Психологические факторы в личности преступника-рецидивиста выражаются в первую очередь в совокупности таких убеждений и установок, которые порождают определенные криминальные когнитивные и мотивационные процессы, протекающие в психике такого лица. Для преступника-рецидивиста характерно искажение ценностных установок, что нередко проявляется в стойкой корыстной или иной низменной мотивации этих лиц. Обычно эти искажения возникают из-за неправильного воспитания и тех криминальных связей, в составе которых осуществляют свою жизнедеятельность преступник-рецидивист.

К психологическим факторам личности рецидивиста также относятся повышенная тревожность и агрессивность, склонность к подозрительности, неумение контролировать свои эмоции, подверженность импульсивным порывам, неудержимое стремление к заработку материальных средств или удовлетворению иных низменных потребностей, нарочитая, мало чем подкрепленная самоуверенность. Преступники-рецидивисты редко проявляют к кому-либо сострадание, поэтому их жертвами нередко становятся пожилые и немощные люди. Мыслительная деятельность преступника-рецидивиста часто подвержена различным когнитивным ошибкам и неспособностью взять на себя ответственность за проживаемую им жизнь. Преступники-рецидивисты склонны обвинять кого-угодно в своих бедах, но только не самих себя. Их сознание до крайней степени индивидуализировано и они, как правило, не считают себя частью общества. Свои потребности и интересы они ставят намного выше потребностей и интересов других лиц и в их удовлетворении не стесняются применять любые средства и методы.

Преступники рецидивисты редко бывают довольны своей жизнью, но вместе с тем, они все равно дорожат ею и редко кончают жизнь самоубийством. Преступники-рецидивисты прекрасно адаптируются к очень плохим обстоятельства своей жизни, особенно если те носят криминальный характер. Цепляние за жизнь в любой её форме – вот отличительная психологическая черта преступников –рецидивистов. Именно она дает сторонникам смертной казни настаивать на необходимости применения данного вида наказания к особо опасным видам преступников-рецидивистов.

Преступники-рецидивисты часто страдают различного рода зависимостями. Они склонны к алкоголизму, наркомании, токсикомании, игромании и другим подобным психическим расстройствам.

Особо отметим, что центральным ядром психологических факторов личности преступника-рецидивиста выступают присущие ему установки, которые и определяют отношение рецидивиста к социуму, его ценностям и ко всему окружающему миру в целом. Под установкой следует в данном смысле понимать готовность субъекта воспринимать внешние и внутренние обстоятельства в определенном ключе. Как отмечал А.И. Рарог, установками любой личности преступника являются антисоциальные, асоциальные и недостаточно выраженные установки [6, с. 26]. Совокупность установок присущих личности преступника-рецидивиста, составляют его когнитивное начало. В психике рецидивиста именно оно в основном выступает в качестве источника мыслительной деятельности субъекта, имеющей преступный характер. Мысли рецидивиста зачастую нелогичны, некритичны, скоротечны, сконцентрированы на своей персоне и самооправдании осуществлённого им преступного поведения, протекают на фоне негативных эмоций, и нередко

носят преступный характер. Они редко по своей сути масштабны, поскольку рецидивист в основном сосредоточен на себе и своих интересах, а также потребностях, которые в реальной действительности обладают ничтожным характером, но для него имеют немаловажное значение, что никак не обусловлено их конкретным содержанием. Для некоторых видов преступников-рецидивистов, например, насильтственных рецидивистов характерно узкое и примитивное мышление, которое заключается в том, что любую проблему легко можно решить применением грубой физической силы.

Для рецидивиста в основном характерна антисоциальная установка, выражающаяся в резко отрицательном отношении ко всем, большинству или некоторым важнейшим социальным ценностям. Однако в тех случаях, когда лицо, становится рецидивистом не в силу наличия у него устойчивых преступных мотивов и целей, а попадая в различные криминогенные ситуации для рецидивиста может быть характерна и асоциальная установка. Она, как правило, выражается в пренебрежительном отношении рецидивиста к важнейшим социальным ценностям. Со сказанным по этому вопросу согласен и Ю.М. Антонян, который отмечал, что антисоциальные и асоциальные преступники чаще всего встречаются среди преступников-рецидивистов [7, с. 39].

Необходимо отметить, что антисоциальные или асоциальные установки настолько крепко укоренены в психике преступников-рецидивистом, что, нередко ими даже не осознаются. Поэтому исследуя когнитивную модель личности преступника-рецидивиста криминологи, в первую очередь, должны сосредоточиться не на мыслях, эмоциях и чувствах рецидивиста, хотя их тоже не следует сбрасывать со счетов, а на его установках, которые составляют достаточно стабильный каркас сознательно-волевой части личности преступника-рецидивиста.

Социальные факторы личности преступника-рецидивиста связаны с поведением рецидивиста в различных общественных отношениях. Эти факторы возникают на почве взаимодействия рецидивиста с другими людьми. И это взаимодействие, как правило, носит для рецидивиста негативный характер. Некоторые учёные правильно отмечают, что формирование личности преступника-рецидивиста начинается в раннем детстве [8, с. 131]. И это обстоятельство вызывает в настоящее время глубокую обеспокоенность, поскольку институт семьи в настоящее время находится в кризисном состоянии.

Для большинства преступников-рецидивистов характерен низкий уровень образования, но у них зачастую очень развиты криминальные навыки и умения, что позволяет найти некоторые точки соприкосновения между рецидивной и профессиональной преступностью.

Длительное нахождение преступника-рецидивиста в криминальной среде оказывается на его личности самым неблагоприятным образом. Приобретенный в ней преступный образ мыслей и жизни становится рецидивистом практически к любым мерам, направленным на исправление личности преступника-рецидивиста.

Выводы

Сказанного по поводу личности преступника-рецидивиста вполне достаточно, чтобы сформулировать её определение понятия. Под личностью преступника-рецидивиста понимается совокупный смоделированный образ на основе изучения реальных преступников-рецидивистов состоящий из совокупности взаимосвязанных и устойчивых социальных, биологических и психологических факторов, которые присущи лицу, ранее уже совершившему умышленное преступление, и подвергвшемуся за это осуждению, но принятых в отношении него уголовно-правовых мер оказалось недостаточно, в силу чего он вновь совершает умышленное преступление.

Список источников

1. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. Т. 6 (Л-М). М-Л., Издательство Академии наук СССР, 1957. 1460 с.
2. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. Т. 11 (Про-пятью). М-Л., Издательство Академии наук СССР, 1961. 1842 с.
3. Антонян Е.А. Оценка личности преступника- рецидивиста (криминологический аспект) // Научный портал МВД России. 2009. № 4. С. 47 – 51.
4. Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов. Изд-во Саратовского университета. 1975. 225 с.
5. Бакин А.А. Социальное и психологическое в личности насильтственного преступника-рецидивиста // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 2 (42). С. 90 – 95.
6. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001. 135 с.

7. Антонян Ю.М. Проблема типологии преступников рецидивистов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 3 (6). С. 39 – 48.

8. Гутиева И.Г. К вопросу об особенностях личности преступника-рецидивиста // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 5. С. 132 – 133.

References

1. Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes. Vol. 6 (L-M). M-L., Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957. 1460 p.
2. Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes. Vol. 11 (Pro-five). M-L., Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. 1842 p.
3. Antonyan E.A. Evaluation of the personality of a repeat offender (criminological aspect). Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 4. P. 47 – 51.
4. Noy I.S. Methodological problems of Soviet criminology. Saratov. Publishing house of the Saratov University. 1975. 225 p.
5. Bakin A.A. Social and psychological in the personality of a violent repeat offender. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 2 (42). P. 90 – 95.
6. Rarog A.I. Subjective side and qualification of crimes. M., 2001. 135 p.
7. Antonyan Yu.M. The problem of the typology of repeat offenders. Legal science and law enforcement practice. 2008. No. 3 (6). P. 39 – 48.
8. Gutieva I.G. On the issue of the personality traits of a repeat offender. Gaps in Russian legislation. 2019. No. 5. P. 132 – 133.

Информация об авторах

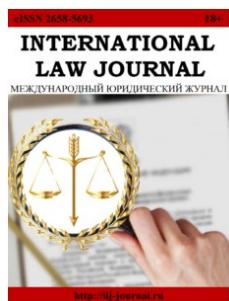
Матинян М.А., кандидат юридических наук, доцент, Ставропольский институт кооперации, филиал Белгородского университета кооперации, экономики и права

Аветикова Т.Д., аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет

Голубов М.А., кандидат юридических наук, доцент, Ставропольский государственный педагогический институт, sofper53@mail.ru

Магомедов Г.Б., директор, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции РПА Минюста России, Magomed.magomedov007@mail.ru

© Матинян М.А., Аветикова Т.Д., Голубов М.А., Магомедов Г.Б., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.9

Некоторые проблемы применения уголовно-правовых норм об экологических преступлениях

¹ Соколова О.А., ¹ Надточий Ю.В.,
¹ Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: охрана окружающей среды с каждым годом приобретает все большую значимость и на сегодняшний день является одним из ключевых направлений государственной политики. В этом процессе важную роль играет уголовное право, задачей которого является пресечение наиболее опасных действий, нарушающих экологическое равновесие и наносящих значительный вред окружающей среде. Однако, несмотря на развитие законодательства в области экологических преступлений, на практике существует ряд проблем, затрудняющих эффективную борьбу с экологическими правонарушениями. В данной статье эти проблемы будут рассмотрены, и предложены возможные пути их решения.

Ключевые слова: экологические преступления, судебная практика, проблемы, законодательство, нарушения, квалификация, окружающая среда, уголовные составы преступления, пути решения

Для цитирования: Соколова О.А., Надточий Ю.В. Некоторые проблемы применения уголовно-правовых норм об экологических преступлениях // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 12 – 17.

Поступила в редакцию: 15 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

Some problems of the application of criminal law norms on environmental crimes

¹ Sokolova O.A., ¹ Nadtochiy Yu.V.,
¹ Far Eastern Federal University

Abstract: environmental protection is becoming increasingly important every year and is currently one of the key areas of government policy. Criminal law plays an important role in this process, the task of which is to prevent the most dangerous actions that violate the ecological balance and cause significant harm to the environment. However, despite the development of legislation in the field of environmental crimes, in practice there are a number of problems that make it difficult to effectively combat environmental offenses. In this article, these problems will be discussed and possible solutions will be proposed.

Keywords: environmental crimes, judicial practice, problems, legislation, violations, qualification, environment, criminal offences, solutions

For citation: Sokolova O.A., Nadtochiy Ju.V. Some problems of the application of criminal law norms on environmental crimes. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 12 – 17.

The article was submitted: October 15, 2024; Approved after reviewing: December 11, 2024; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

В последние десятилетия мир сталкивается с усиливающимися экологическими проблемами, которые выходят за региональные и приобретают глобальные масштабы. Увеличивающееся число экологических преступлений вызывает серьезную обеспокоенность со стороны мирового сообщества и требует адекватного правового регулирования. Несмотря на существование уголовно-правовых норм, направленных на защиту окружающей среды, при их применение правоприменитель сталкивается с рядом проблем, включая недостаточную определённость законодательных формулировок, сложности в доказывании фактов правонарушений и недостаточную эффективность санкций.

Цель этого исследования состоит в том, чтобы выявить и проанализировать проблемы, связанные с применением уголовно-правовых норм для защиты окружающей среды, а также разработать рекомендации, направленные на повышение их эффективности. Особое внимание уделяется выявлению недостатков в законодательстве и его практическом использовании.

Новизна исследования заключается в комплексном анализе уголовно-правовых норм, применяемых в области экологических преступлений, и выявлении ключевых препятствий для их эффективного использования.

Материалы и методы исследований

В основе исследования лежит комплексный анализ нормативно-правовых актов, вопросы, связанные с уголовно-правовой охраной окружающей среды в Российской Федерации. Используется метод, позволяющий выявить сильные и слабые стороны отечественного законодательства по сравнению с международными аналогами. Для достижения максимальной объективности результатов применяется анализ судебной практики, включая конкретные судебные дела, относящиеся к экологическим преступлениям.

Результаты и обсуждения

При анализе практики в сфере экологических преступлений можно выделить ряд основных и часто встречающихся проблем, не урегулированных на законодательном уровне, которые влияют на решения судей, а также затрудняют использование определенной статьи в конкретной ситуации, рассмотрим это на примере некоторых статей.

Прежде всего, возникают сложности в разграничении составов преступлений, описанных в главе 26 УК РФ, и административных правонарушений, указанных в главе 8 КоАП РФ. Поскольку нормы в административном и уголовном праве часто имеют сходные формулировки, они должны быть взаимосвязаны и согласованы, чтобы эффективно выполнять превентивную функцию [5, с. 143]. Конкретнее, чтобы установить преступление, предусмотренное статьей 247 Уголовного кодекса РФ, следственные органы и суды должны доказать существование реальной угрозы причинения значительного вреда здоровью человека или окружающей среде. Однако в случае нарушения правил переработки веществ и отходов, зачастую возбуждается административное производство. Поэтому в уголовно-правовой практике все еще сохраняются дискуссии по поводу определения характера общественно опасного деяния, его последствий и причинно-следственной связи в контексте статьи 247 УК РФ.

Кроме того, важно развивать международное сотрудничество в этой области, так как экологические преступления часто не знают границ и оказывают влияние не только на отдельное государство, но и на весь регион или планету в целом. Обмен опытом, информацией и технологиями с другими странами может значительно повысить эффективность как национальных, так и международных усилий [3, с. 87]. Участие в глобальных экологических инициативах позволяет координировать действия и разрабатывать общие стандарты, что способствует более успешной борьбе с экологическими угрозами и обеспечивает устойчивое развитие будущих поколений.

В пункте 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 года № 21 указывается, что «создание угрозы причинения значительного вреда здоровью человека или окружающей среде подразумевает возникновение такой ситуации, которая могла бы привести к установленным законом вредным последствиям, если бы своевременно не были приняты меры по их предотвращению...» [8].

Приведенное разъяснение не содержит формулировок, позволяющих оптимизировать применение ис следуемой нормы. Проблема заключается и в том, что существенный вред здоровью человека являются оценочными категориями. Если содержание этих признаков на законодательном уровне чётко не определено, то значит должно устанавливаться в каждом конкретной случае на усмотрение правоприменителя. Значит при наличии угрозы причинения существенного вреда необходимо привлечение к уголовной ответственности, если же такая угроза отсутствует, то к административной.

Частично предложил решить эту проблему А.А. Колб, указывая на то, что уголовная ответственность по рассматриваемой статье должна наступать также при совершении этого нарушения после наложения адми-

нистративного взыскания в течение года за такое же нарушение [4, с. 155], т.е. конструирование состава преступления с административной преюдицией является оптимальным, так как это может служить неким ориентиром в процессе юридической оценки экологических правонарушений в рассматриваемой сфере, что позволит упорядочить правоприменительную практику, так как преюдиция позволяет учитывать предшествующие административные правонарушения, что помогает суду оценить поведение нарушителя и его отношение к соблюдению экологических норм, так как совершение лицом экологического преступления после привлечения к административной ответственности за административное правонарушение указывает на большую общественную опасность личности преступника. Также при квалификации экологических преступлений помогает суду определить степень вины нарушителя и соответственно принять более справедливое и обоснованное решение.

Однако такой подход нельзя назвать полным решением проблемы, так как в таком случае оценивается субъективная часть преступления, но не объективная, не оценивается сама угроза наступления существенного вреда.

Также хотелось бы отметить, что применительно к данному составу, суд может неверно квалифицировать деяние при конкуренции норм. Поскольку необходимо использовать правило квалификации при конкуренции смежных составов и выбирать тот, который охватывает все признаки совершенного деяния.

Например, Приговором Енисейского районного суда Красноярского края от 24.05.2010 г., действия лица были квалифицированы по ч. 1 ст. 250 УК РФ как загрязнение вод, повлекшее причинение существенного вреда рыбным запасам. Б., водитель Синдинского ЛЗП, перевозя на автомобиле КамАЗ дизельное топливо объемом 500 литров, в результате значительного превышения допустимой скорости не справился с управлением, вследствие чего автомобиль перевернулся в приток Безымянnyй р. Анной. В результате аварии дизельное топливо вылилось из емкости в водоем. В ходе расследования было установлено, что Б. должен был перевезти указанный груз согласно плану-заданию на рейс. Вопрос об обязанности соблюдения специальных правил безопасности перевозки не выяснялся [10].

В данном деле суд оценивал действия лиц только по ст. 250 УК РФ, не приняв во внимание положения ст. 247 УК РФ. Между тем на лицо, совершающее действия с опасными веществами, возлагается обязанность соблюдения определенных правил, связанных с обращением указанных веществ, когда такая деятельность осуществляется в том числе по поручению, договору или иному уполномочию.

Подход к квалификации такой ситуации вызывает споры в доктрине. Так, существует два мнения по этому поводу: 1) ст. 247 УК РФ – это общая норма, а ст. 250 УК РФ – специальная [9, с. 79], 2) ст. 250 УК РФ – это общая норма, а ст. 247 УК РФ – специальная [1, с. 8].

С нашей точки зрения, второй подход кажется более обоснованным, поскольку водные объекты могут загрязняться не только из-за нарушений норм обращения с опасными веществами и отходами, но и другими способами. Кроме того, в ст. 247 УК РФ можно выделить специального субъекта, так как соблюдение правил обращения с опасными веществами и отходами должно обеспечиваться юридическими лицами или предпринимателями, а также в ходе выполнения специальной деятельности.

Таким образом, в ранее указанном судебном акте действия лица были оценены неверно. Переквалификации деяния не было, однако она нужна, руководствуясь правилами квалификации при конкуренции общей и специальной нормы.

Также рассмотрим еще один приговор районного суда Челябинской области, который вынес решение привлечь гражданина к уголовной ответственности по статье 258, часть 1, пункт «а» УК РФ за отстрел и убийство норок. В обоснование существенного ущерба, причиненного данным правонарушением, было отмечено, что норки не относятся к обычным для этого региона видам животных [12]. В другом районном суде Челябинской области гражданину, незаконно застрелившему двух северных белохвостых оленей, была назначена только административная ответственность [11]. Противоречивость в судебной практике объясняется недостатком четких критериев для определения крупного ущерба. Согласно Комментарию к статье 258 УК РФ, крупный ущерб определяется как сумма более 40 000 рублей, а особо крупный – более 120 000 рублей. Для этой главы также характерен бланкетный подход, поэтому суд должен устанавливать и указывать в приговоре, какие именно правила, касающиеся добычи водных биоресурсов, были нарушены подсудимым в каждом конкретном случае.

При анализе некоторых дел выявляется, что не всегда назначаются те виды и размеры наказания, которые необходимы для достижения целей наказания. Например, Л. и С., нарушив "Правила рыболовства рыбохозяйственного водохранилища Дальнего Востока", добыли водные биологические ресурсы на сумму более 25 000 рублей незаконным путем. Кроме того, С. по собственной инициативе незаконно собрал более 150 экземпляров лососевых тюленей на общую сумму 200 000 рублей, что суд квалифицировал как значи-

тельный ущерб. Оба, Л. и С., признали свою вину, при этом у С. есть несовершеннолетние дети, и они добровольно возместили причиненный материальный ущерб. В результате суд признал обоих виновными: Л. был оштрафован на 50 000 рублей в соответствии с частью 3 статьи 256 УК РФ, а С. получил штраф в размере 80 000 рублей по частям 1 и 3 статьи 256 УК РФ. При этом суд не учёл обвинение С. по части 3 статьи 256 УК РФ [13].

В результате можно сформулировать такие выводы. Во-первых, достаточная детализация при описании объективной стороны состава преступления позволяет судам точно разграничивать случаи, относящиеся к ст. 256 УК РФ, и аналогичным административным нарушениям. Во-вторых, суды часто оценивают общественную опасность деяний и виновных по-разному, что иногда приводит к судебным ошибкам, связанным с неправильной квалификацией и назначением наказания. Экологические преступления, включая те, что описаны в статье 256 УК РФ, действительно менее общественно опасны, чем, например, грабежи и убийства. Однако это не повод проявлять излишнюю мягкость к их участникам. Поэтому предлагается часть 3 статьи 256 УК - как тяжкое преступление, а части 1 и 2 – как преступления средней тяжести, увеличив для этого предусмотренные наказания. Это утверждение обоснованно, поскольку ужесточение санкций позволит более эффективно достигать такой цели наказания, как предотвращение преступлений. Кроме того, данные нормы содержат обязательные признаки крупного и особо крупного ущерба, что увеличивает общественную опасность рассматриваемых деяний.

Диспозиции ряда статей содержат оценочные понятия, что также затрудняет правоприменение. Такие проблемы нужно решать, исходя из конкретной ситуации, детально изучив все факторы содеянного и окружающей среды. Рассмотрим данное положение на примере ст. 246 УК РФ. Статья устанавливает, что общественно опасные последствия являются необходимым условием для определения состава преступления. Оценка других тяжких последствий осуществляется следственными органами и судами на основе конкретных обстоятельств каждого уголовного дела. Как справедливо подмечает А.В. Галахова, разнообразие возможных тяжких последствий не позволяет составить их полный перечень [13].

Тем не менее, Верховный суд РФ выделил некоторые из них в пункте 5 Постановления № 21 от 18 октября 2012 года. Верховный суд указал на статью 246 Уголовного кодекса РФ. Особенно это касается ухудшения качества окружающей среды и его компонентов, устранение которого требует продолжительного времени и серьезных финансовых вложений (например, значительное число объектов животного мира, включая рыбу и другие водные биоресурсы, страдают от заболеваний и гибели, разрушается их среда обитания и условия размножения).

Ф.П. Румянцев обоснованно предлагает скорректировать Уголовный Кодекс: в части 1 статьи 254 УК РФ использовать термин «отравление» для описания негативных воздействий на землю, которые привели к её порче, а слово «загрязнение» оставить для статьи 8.6 КоАП РФ. Это позволит подчеркнуть различие между уголовным деянием и административным проступком, поскольку термин «отравление земли» указывает на наличие критической степени загрязнения [6, с. 1-3]. Действующую редакцию следует дополнить указанием стоимости вреда, нанесенного окружающей среде в результате порчи земли, в размере 1 млн рублей. Эта сумма приемлема, так как она служит пороговой величиной, позволяющей выделить серьезные экологические преступления, требующие уголовного преследования. Такой уровень ущерба свидетельствует о значительном нарушении экологических норм, которое требует строгого наказания для защиты окружающей среды и предотвращения аналогичных преступлений.

Целесообразно рассмотреть еще один вопрос определения размера ущерба. Первоочередным признаком предмета преступления по статье 260 Уголовного кодекса РФ является значительный ущерб, рассчитываемый по ставкам и методикам, утвержденным Правительством РФ. Этот ущерб касается деревьев, кустарников и лиан, не отнесенных к лесным насаждениям или лесопосадкам, и превышает 5 000 рублей. Как уже было упомянуто, неверное определение размера ущерба, вызванного экологическими правонарушениями, часто встречается в судебной практике. Так, в решении Забайкальского краевого суда от 8 июля 2021 года суд первой инстанции допустил ошибку в расчете ущерба от незаконной вырубки леса [2]. Суд указывает, что согласно Постановлению Правительства РФ от 8 мая 2007 года № 273, действовавшему в период совершения преступления, размер ущерба определялся на основе средней ставки за вывоз древесины на расстояние до 10 км. Расчетная сумма ущерба составила 4 890 343 рубля 5 копеек. Чтобы использовать ставки и методики, утвержденные Правительством Российской Федерации, при оценке ущерба, причиненного лесам, следует вновь оставить статью 260 УК РФ незаполненной при признании этого деяния.

Выводы

В завершение можно отметить, что для решения актуальных проблем применения уголовно-правовых норм в области экологических преступлений необходимо внести изменения в действующее уголовное за-

кононодательство и Постановления Пленума ВСРФ. Также важно улучшить механизмы контроля за соблюдением экологических норм, повысить эффективность расследований таких преступлений и строго применять санкции к правонарушителям.

Так, комплексный подход к решению проблем применения уголовно-правовых норм в области экологии должен сочетать изменения в законодательстве, технологические инновации и содействие международному сотрудничеству.

Список источников

1. Антонов И. Швейгер А. Сложности квалификации норм, предусматривающих ответственность за загрязнение природы // Уголовное право. 2013. № 3. С. 4 – 8.
2. Апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 8 июля 2021 г.
3. Карлеба В.А. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства – новые реалии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 8. С. 87 – 90. DOI 10.23672/h9168-5725-6905-r
4. Колб А.А. Проблемы квалификации нарушения правил обращения с твердыми коммунальными отходами по ст. 247 УК РФ // Аграрное и земельное право. 2020. № 11. С. 154 – 158.
5. Красносельских И.М. Административное право как способ влияния на профилактику преступлений // Административное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 143 – 148. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О некоторых проблемах применения ч. 1 ст. 254 УК РФ «Порча земли» Румянцев Федор Полиектович // Право и государство: теория и практика, 2020. С. 1 – 4.
7. Антонов Ю.И., Боровиков В.Б., Галахова А.В. и др. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие / под ред. А.В. Галаховой. М.: Норма, 2014. 736 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 N 21 (ред. от 15.12.2022) "О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования" [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).
9. Попов И.В. Правила квалификации преступного загрязнения компонентов природной среды опасными химическими веществами // Уголовное право. 2018. № 2. С. 79 – 85.
10. Приговор Енисейского районного суда Красноярского края от 24.05.2010 г.
11. Приговор Варненского районного суда (Челябинская область) от 13 дек. 2017 г. по делу по делу № 1-30/2017 // Судебные решения – Варненский районный суд.
12. Приговор Кусинского районного суда (Челябинская область) от 5 июня 2017 г. по делу № 1-93/2017 // Судебные решения. Кусинский районный суд.
13. Проблемы уголовно-правовой квалификации незаконного рыболовства и оборота водных биологических ресурсов // Статья в журнале «Молодой ученый» (moluch.ru)

References

1. Antonov I. Shveiger A. Difficulties in qualifying norms providing for liability for environmental pollution. Criminal law. 2013. No. 3. P. 4 – 8.
2. Appellate ruling of the Zabaikalsky Krai Court dated July 8, 2021
3. Karleba V.A. International cooperation in criminal proceedings - new realities. Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. No. 8. P. 87 – 90. DOI 10.23672/h9168-5725-6905-r
4. Kolb A.A. Problems of qualifying violations of the rules for handling municipal solid waste under Art. 247 of the Criminal Code of the Russian Federation. Agrarian and land law. 2020. No. 11. P. 154 – 158.
5. Krasnoselskikh I.M. Administrative law as a way to influence crime prevention. Administrative and municipal law. 2016. No. 2. P. 143 – 148. [Electronic resource]. Access from the reference and legal system "Consultant-Plus".
6. On some problems of applying Part 1 of Article 254 of the Criminal Code of the Russian Federation "Damage to land" Rumyantsev Fedor Poliektovich. Law and state: theory and practice, 2020. P. 1 – 4.
7. Antonov Yu.I., Borovikov V.B., Galakhova A.V. et al. Evaluation features in the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and judicial interpretation: scientific and practical manual. Edited by A.V. Galakhova. M.: Norma, 2014. 736 p.

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.10.2012 N 21 (as amended on 15.12.2022) "On the application by the courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management" [Electronic resource]. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus").

9. Popov I.V. Rules for qualifying criminal pollution of environmental components with hazardous chemicals. Criminal Law. 2018. No. 2. P. 79 – 85.

10. Verdict of the Yenisei District Court of the Krasnoyarsk Territory of 24.05.2010

11. Verdict of the Varna District Court (Chelyabinsk Region) of 13 December. 2017 on case No. 1-30/2017. Court decisions – Varna District Court.

12. Sentence of the Kusinsky District Court (Chelyabinsk Region) dated June 5, 2017 on case No. 1-93/2017. Court decisions. Kusinsky District Court.

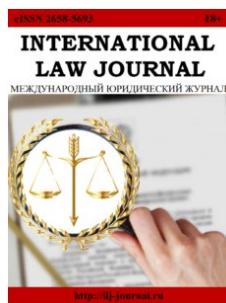
13. Problems of criminal-legal qualification of illegal fishing and circulation of aquatic biological resources. Article in the journal "Young Scientist" (moluch.ru)

Информация об авторах

Соколова О.А., Дальневосточный федеральный университет, sokolova.oa@dvfu.ru

Надточий Ю.В., Дальневосточный федеральный университет, nadtochiy.yuv@dvfu.ru

© Соколова О.А., Надточий Ю.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.463(470-32)

Особенности правового регулирования международных перевозок в ДНР

¹ Хобби Ю.С.,
¹ Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи

Аннотация: данная статья посвящена исследованию правовых основ, регулирующих международные перевозки на территории Донецкой Народной Республики. Цель статьи заключается в анализе нормативно-правовой базы, определяющей правила осуществления международных перевозок в контексте переходного периода ДНР, ставшего субъектом РФ.

В статье рассмотрены исторические и политические аспекты формирования текущей правовой системы ДНР, включая процесс адаптации законодательства в области транспорта в условиях переходного периода. Авторы подробно описывают основные нормативные акты, регулирующие транспортную деятельность, и акцентируют внимание на их соответствии международным стандартам.

Далее анализируется практика применения правовых норм на примере конкретных международных перевозок, включая пути преодоления ограничений и адаптацию к региональным особенностям. Обсуждаются проблемы сотрудничества с международными транспортными организациями, вопросы сертификации и лицензирования, а также механизмы разрешения споров в условиях ограниченного международного взаимодействия.

В заключение статьи приводятся выводы о текущем состоянии правовой системы ДНР в области международных перевозок и предлагаются рекомендации по ее улучшению с учетом возможных сценариев политических изменений. Авторы подчеркивают необходимость гармонизации национальных стандартов с международными нормами для развития транспортной инфраструктуры и повышения эффективности международного транспортного сотрудничества.

Ключевые слова: международные перевозки, правовое регулирование, ДНР, транспортное право, таможенные процедуры, лицензирование, транзитные грузы, сертификация, двусторонние соглашения, разрешительные документы

Для цитирования: Хобби Ю.С. Особенности правового регулирования международных перевозок в ДНР // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 18 – 23.

Поступила в редакцию: 15 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

Features of the legal regulation of international transportation in the DPR

¹ Khobbi Yu.S.,
¹ Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi

Abstract: this article is devoted to the study of the legal framework governing international transportation in the territory of the Donetsk People's Republic. The purpose of the article is to analyze the regulatory framework defining the rules for international transportation in the context of the transition period of the DPR, which became a subject of the Russian Federation.

The article examines the historical and political aspects of the formation of the current legal system of the DPR, including the process of adapting legislation in the field of transport in a transitional period. The authors describe

in detail the main regulations governing transport activities and focus on their compliance with international standards.

Next, the practice of applying legal norms is analyzed using the example of specific international transport, including ways to overcome restrictions and adapt to regional peculiarities. The problems of cooperation with international transport organizations, certification and licensing issues, as well as dispute resolution mechanisms in conditions of limited international cooperation are discussed.

The article concludes with conclusions on the current state of the DPR legal system in the field of international transportation and offers recommendations for its improvement, taking into account possible scenarios of political changes. The authors emphasize the need to harmonize national standards with international norms for the development of transport infrastructure and to increase the effectiveness of international transport cooperation.

Keywords: international transportation, legal regulation, DNR, transport law, customs procedures, licensing, transit cargo, certification, bilateral agreements, permits

For citation: Khobbi Yu.S. Features of the legal regulation of international transportation in the DPR. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 18 – 23.

The article was submitted: October 15, 2024; Approved after reviewing: December 11, 2024; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Международные перевозки играют ключевую роль в мировой экономике, способствуя развитию торговли и взаимовыгодному сотрудничеству между государствами. В нынешних условиях глобализации и интеграции рынков вопросы правового регулирования и обеспечения эффективной транспортной инфраструктуры становятся особенно актуальными. Для Донецкой Народной Республики, с ее уникальной политической и экономической ситуацией, правовые аспекты международных перевозок представляют собой сложную и многогранную тему. В данной статье рассматриваются правовые основы, особенности договорных обязательств и регулирование транспортной инфраструктуры и логистики в контексте международных перевозок в ДНР.

Цель исследования заключается в комплексном анализе правовых основ международных перевозок в ДНР, выделении специфических аспектов, связанных с договорными обязательствами, а также оценке существующей транспортной инфраструктуры и логистических механизмов. Через такой анализ стремимся вычленить основные проблемы и предложить пути их решения, что могло бы способствовать повышению эффективности и прозрачности в области международных перевозок в регионе.

Научная новизна работы заключается в том, что она интегрирует правовые и экономические аспекты международных перевозок в ДНР, представляя собой редкое и обширное исследование. Основной вклад статьи состоит в выявлении уникальных характеристик нормативной базы и сложностей правоприменения в данной сфере. Особое внимание уделено анализу договорных обязательств и их исполнения в условиях сегодняшней международной обстановки и внутренней ситуации в ДНР.

Материалы и методы исследований

Материалы и методы исследований опираются на широкий спектр отечественных и зарубежных правовых документов, а также исследовательских работ в области международного транспортного права и логистики. Методологическая база включает в себя сравнительно-правовой анализ, который позволяет выявлять различия и сходства в подходах различных юрисдикций к правовому регулированию международных перевозок. В работе также применены методы системного и структурного анализа, что позволяет глубже понять процессы и их влияние на функционирование транспортной инфраструктуры в ДНР.

Результаты и обсуждения

1. Правовые основы международных перевозок в ДНР с учетом перехода на российское законодательство

На сегодняшний день международные перевозки играют важнейшую роль в глобальной экономике и способствуют развитию торговых отношений между государствами. В Донецкой Народной Республике правовые основы, регулирующие международные перевозки, приобретают особое значение ввиду сложности геополитической ситуации в регионе. В данной статье представлен подробный анализ правовых аспектов, регулирующих международные перевозки в ДНР, с учетом международных норм и особенностей внутреннего законодательства [6, с. 130].

Процесс интеграции законодательства ДНР с правовой системой Российской Федерации поднимает вопросы не только юридического, но и экономического и политического характера. Одна из главных задач — обеспечить плавный переход и минимизировать риски для бизнеса. Для этого необходимо активное взаимодействие как на уровне государственных органов, так и с частными компаниями. Важным аспектом является обучение и повышение квалификации специалистов в области права и логистики, что позволит им более эффективно функционировать в новых правовых реалиях.

Значительное внимание должно быть уделено вопросам лицензионного регулирования и сертификации. Переход на стандарты российского законодательства требует корректировки местных норм в области лицензирования транспортных средств и деятельности, связанной с международными перевозками. Это может включать как изменения в правилах прохождения техосмотра, так и нововведения в процедуре получения разрешительных документов.

В условиях переходного периода также актуален вопрос таможенного регулирования. Здесь необходимо обеспечить упрощение процедур, связанных с таможенным оформлением, чтобы сделать международные перевозки более эффективными и экономически выгодными. Это требует внедрения современных технологий и совершенствования инфраструктуры пропускных пунктов.

Одной из значительных проблем остается правоприменительная практика. Законодательство может быть изменено на уровне нормативных актов, однако на практике его исполнение может сталкиваться с препятствиями. Для этого необходимо создание и развитие специализированных органов, способных эффективно контролировать выполнение правовых норм и решать возникающие споры.

Помимо этого, в качестве источников международного права применимы акты, принятые Организацией Объединенных Наций и другими международными организациями, касающиеся транспортных стандартов и процедур. Несмотря на то, что ДНР не может быть полноправным участником большинства таких международных соглашений из-за нахождения в стадии перехода на новые законы, республика стремится адаптировать свои внутренние нормы к международным стандартам, чтобы облегчить взаимодействие с транспортными операторами других государств [8, с. 200].

Особого внимания заслуживает вопрос пограничного и таможенного контроля при международных перевозках. В ДНР действуют собственные пограничные и таможенные службы, которые регулированы внутренними актами. Эти службы обеспечивают соблюдение юридических норм при перемещении товаров через границу, включая проверку документов, контроль транспортных средств и грузов, а также взимание соответствующих пошлин и сборов. Эффективность работы этих служб критически важна для обеспечения легальности и безопасности международных перевозок.

Также нельзя не учитывать влияние санкционного режима на международные перевозки в ДНР. Многие страны ввели ограничения на сотрудничество с этой республикой, что создает дополнительные юридические преграды [4, с. 64]. Правовая основа международных перевозок в таких условиях требует повышенной гибкости и способности к адаптации существующих юридических норм. Транспортные компании вынуждены принимать дополнительные меры для обхода санкций, что влечет за собой дополнительные юридические риски.

В заключение, правовые основы международных перевозок в ДНР представляют собой сложный комплекс внутренних норм и адаптированных международных правил. Эти правовые механизмы должны обеспечивать согласованность с международными стандартами, несмотря на политическую обстановку и санкции [5, с. 307]. Таким образом, усовершенствование законодательной базы, развитие институциональной инфраструктуры и обучение кадров остается ключевым аспектом для эффективного осуществления международных перевозок в условиях перехода на новое законодательство.

2. Особенности договорных обязательств в международных перевозках

Феномен международных перевозок через призму договорных обязательств в регионе, испытавшем конфликты и значительные политические изменения, требует детального анализа с учетом правовых, экономических и социальных аспектов.

Во-первых, важно рассмотреть правовую основу, на которой строятся договорные обязательства в международных перевозках в ДНР. Формально, нормативная база региона сочетает элементы украинского законодательства, международных транспортных конвенций и новых локальных нормативных актов, принятых после образования ДНР. Также до 1 января 2026 года действует переходный период на российское законодательство. Это создает уникальную гибридную правовую систему, где юридические нормы могут накладываться и конфликтовать, создавая сложную смесь правовых обязательств для участников транспортного процесса.

Одним из ключевых аспектов является применение норм международного права, таких как Конвенция о договоре международной перевозки грузов по дорогам (CMR) и Конвенция о международной железнодорожной перевозке (COTIF). Фактическое применение указанных конвенций на практике в регионе продиктовано необходимостью соответствовать международным стандартам и обеспечивать взаимодействие с иностранными контрагентами, что стимулирует адаптацию местного законодательства.

Экономическая составляющая также играет важную роль, влияя на особенности договорных обязательств. Экономическая изоляция и санкции против региона ведут к значительному сокращению числа потенциальных партнёров для транспортных операций. Это, в свою очередь, влияет на условия договоров, в которых стороны стараются предусмотреть дополнительные гарантии и механизмы защиты своих интересов. Такие соглашения часто включают нестандартные условия по страхованию, ответственности сторон и механизму разрешения споров, который может предусматривать арбитраж в третьих странах [2, с. 860].

Социально-политический фактор также оказывает значительное воздействие на особенности договорных обязательств. В условиях нестабильной политической обстановки и постоянного риска эскалации конфликта, вопросы обеспечения безопасности грузов и персонала выходят на первый план. В договоры включаются детализированные пункты, касающиеся охраны, сопровождения грузов и безопасности водителей, что не является типичным для большинства международных контрактов по перевозке [7, с. 232].

Следует отметить и организационно-технологические аспекты, влияющие на формулирование договорных обязательств. Ограниченная транспортная инфраструктура, физическое состояние дорог и логистических терминалов, а также технические характеристики транспортных средств, используемых в регионе, обуславливают необходимость внесения в договоры специальных условий. Они касаются, в частности, требований к техническому обслуживанию, временных рамок доставки и допустимых видов транспортных средств.

На практике это приводит к необычной комбинации гибкости и жёсткости в договорных обязательствах: с одной стороны, стороны обязаны проявлять гибкость в решении проблем, вызванных изменяющимися внешними условиями; с другой стороны, они вынуждены жестко фиксировать ответственность и условия расторжения договоров во избежание спорных ситуаций.

В заключение, особенности договорных обязательств в международных перевозках на примере ДНР можно охарактеризовать как уникальный сплав различных правовых и нелегальных факторов, обусловленных спецификой региона. Необходимость функционировать в сложных условиях перехода на российское законодательство, ограниченного доступа к ресурсам и стабильного резерва внутренней правовой и экономической системы делает изучение этого вопроса исключительно актуальным и требующим дальнейшего исследования для разработчиков транспортной политики и юристов-международников.

3. Регулирование транспортной инфраструктуры и логистики

С момента провозглашения независимости в 2014 году и выхода ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Донецкой Народной Республики» в 2022 году, республика сталкивается с множеством вызовов в области транспортной инфраструктуры и логистики, обусловленных как геополитическими, так и внутренними факторами [9].

Основными составляющими транспортной инфраструктуры ДНР являются автомобильные дороги, железнодорожные сообщения и воздушные гавани. Автомобильные дороги включают в себя как международные трассы, так и локальные сети, которые, несмотря на тяжелые условия эксплуатации, требуют постоянного поддержания и модернизации [1, с. 96]. Одной из главных задач является восстановление и ремонт дорожного покрытия, поврежденного в результате боевых действий и общего износа. Для этого в республике разрабатываются программы, предусматривающие привлечение как внутренних, так и внешних ресурсов.

Железнодорожная сеть ДНР играет ключевую роль в грузоперевозках внутри республики и за её пределами. В условиях постоянных военно-политических рисков, железнодорожный транспорт остается важнейшим звеном в логистической цепочке. Регион активно работает над восстановлением и реконструкцией узловых станций и железнодорожных путей, чтобы обеспечить не только внутреннюю транспортировку, но и стратегические поставки за пределы республики, в частности, в другие регионы Российской Федерации.

Воздушное сообщение в ДНР на данный момент ограничено, но власти не исключают возможности развития авиационной инфраструктуры в будущем, с учётом нормализации политической ситуации. Однако текущие логистические стратегии больше ориентированы на развитие наземного транспорта и улучшение его надежности и эффективности.

Регулирование транспортной инфраструктуры в ДНР связано с необходимостью создания устойчивой и адаптивной системы управления, способной оперативно реагировать на внешние и внутренние изменения. Это включает в себя как нормативно-правовое регулирование, так и развитие институциональной базы, которая требует профессиональных кадров и современной технологической поддержки [3, с. 89-90].

Для повышения эффективности логистики особое внимание уделяется внедрению передовых технологий и автоматизации процессов. Используются системы GPS-мониторинга транспортных средств, автоматизация документооборота и управление запасами с использованием ИТ-решений, что позволяет ускорить процессы и повысить их прозрачность. Таким образом, даже в условиях ограниченных ресурсов и сложной политической обстановки, Донецкая Народная Республика предпринимает шаги для укрепления своей транспортной инфраструктуры и улучшения логистики, что является важной частью её экономической стратегии.

Кроме того, значимую роль в развитии транспортной инфраструктуры играет международное сотрудничество. Расширение связей с другими российскими регионами позволяет не только увеличить объемы торгового оборота, но и получить доступ к более широким рынкам технологий и услуг. Интеграционные процессы затрагивают различные аспекты, включая стандартизацию и унификацию транспортных процедур, что в свою очередь способствует сокращению издержек и времени на выполнение логистических операций [10, с. 66-67].

Также важной составляющей является социальное измерение. Развитие транспортной инфраструктуры напрямую влияет на улучшение качества жизни населения, расширяя доступ к образовательным, медицинским и культурным учреждениям. Транспортная доступность способствует усилению внутренней интеграции региона, что является одним из приоритетов внутриполитической стратегии.

Таким образом, регулирование транспортной инфраструктуры и логистики в Донецкой Народной Республике представляет собой важный аспект стратегического развития региона. Правительство и местные администрации нацелены на внедрение современных управленческих и технологических решений, способных повысить эффективность транспортной системы, что в конечном итоге содействует укреплению экономической стабильности и социальной гармонии в регионе.

Выводы

Рассмотренные правовые основы международных перевозок в Донецкой Народной Республике подчёркивают необходимость адаптации существующего законодательства к современным реалиям, российским и международным стандартам. Выявлено, что хотя ДНР сталкивается с особыми политико-правовыми вызовами, на законодательном уровне предпринимаются усилия, направленные на развитие нормативной базы, обеспечивающей стабильность и предсказуемость в международных транспортных отношениях.

Особое внимание в статье уделено анализу договорных обязательств, возникающих в международных перевозках на территории ДНР. Подчёркивается важность унификации подходов, формирования стандартных договорных условий и гармонизации норм с международной практикой, что позволит снизить риски и повысить доверие международных партнёров.

Также в статье подробно рассмотрены особенности регулирования транспортной инфраструктуры и логистики в ДНР. Обозначена необходимость модернизации инфраструктуры и внедрения современных логистических технологий для повышения конкурентоспособности транспортной системы республики. Успешная интеграция в глобальные цепи поставок невозможна без дальнейшего развития и улучшения транспортной инфраструктуры, что требует согласованных действий на государственном и межгосударственном уровнях.

Таким образом, проведённое исследование подчеркивает важность комплексного подхода к совершенствованию правового регулирования международных перевозок в ДНР для достижения устойчивого развития региона и его успешной интеграции в международное сообщество. Заключение о необходимости дальнейших исследований в этой области открывает перспективы для совершенствования существующей нормативной базы и разработки новых инициатив, направленных на улучшение транспортных связей и укрепление юридической базы международных перевозок.

Список источников

1. Абaryшев В.А., Кожевникова А.И. Правовое регулирование договора международной перевозки автомобильным транспортом // Вестник науки. 2022. Т. 4 . № 6 (51). С. 95 – 99.
2. Болотова А.Ю. Оценка инвестиционных проектов с использованием реальных опционов для рынка телекоммуникаций // Экономика и предпринимательство. 2022. № 10 (147). С. 855 – 861.

3. Брижак О.В. Экономика солидарности: потенциал развития в корпорации // Журнал Научный вестник Южного института менеджмента; Южный институт менеджмента. Краснодар, 2013. № 4. С. 87 – 92.
4. Лазарян А.В. Методы повышения доходов от международного голосового трафика и улучшения баланса интерконнекта // Электросвязь. 2024. № 6. С. 62 – 68.
5. Минаков А.В., Лапина С.Б. Обеспечение экономической безопасности государства в условиях санкций западных стран // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 305 – 312.
6. Сидоренко К.И. Направления совершенствования транспортной системы Донецкой Народной Республики // Вестник Института экономических исследований, 2020. С. 130 – 136.
7. Турьян К.В. Государственное и межгосударственное регулирование развития институтов финансового посредничества в постсоветских странах // Russian Economic Bulletin. 2024. Т. 7. № 4. С. 231 – 237.
8. Турьян К.В. «Общие тенденции экономического развития постсоветских стран» // Международная межвузовская научная конференция «Наука и практика в парадигме нового многополярного миропорядка», 9-10 июня 2023 г., г. Санкт-Петербург. СПб.: Изд-во СПбЦСА, 2023. С. 195 – 218.
9. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 N 5-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) "О принятии в Российской Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики" // Консультант Плюс, 2024 г.
10. Якимов М.Р. Концепция транспортного планирования и организации движения в крупных городах: монография. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2011. 175 с.

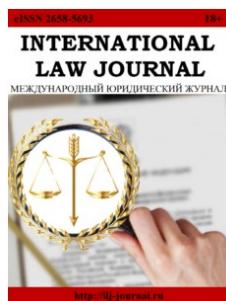
References

1. Abaryshev V.A., Kozhevnikova A.I. Legal regulation of the contract of international carriage by road transport. Bulletin of Science. 2022. Vol. 4. No. 6 (51). P. 95 – 99.
2. Bolotova A.Yu. Evaluation of investment projects using real options for the telecommunications market. Economy and Entrepreneurship. 2022. No. 10 (147). P. 855 – 861.
3. Brizhak O.V. Solidarity economy: development potential in the corporation. Journal Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management; Southern Institute of Management. Krasnodar, 2013. No. 4. P. 87 – 92.
4. Lazaryan A.V. Methods for increasing revenues from international voice traffic and improving the interconnect balance. Electrosvyaz. 2024. No. 6. P. 62 – 68.
5. Minakov A.V., Lapina S.B. Ensuring the economic security of the state in the context of sanctions from Western countries. Bulletin of economic security. 2021. No. 2. P. 305 – 312.
6. Sidorenko K.I. Directions for improving the transport system of the Donetsk People's Republic. Bulletin of the Institute of Economic Research, 2020. P. 130 – 136.
7. Turyan K.V. State and interstate regulation of the development of financial intermediation institutions in post-Soviet countries. Russian Economic Bulletin. 2024. Vol. 7. No. 4. P. 231 – 237.
8. Turyan K.V. "General Trends of Economic Development of Post-Soviet Countries". International Interuniversity Scientific Conference "Science and Practice in the Paradigm of the New Multipolar World Order", June 9-10, 2023, St. Petersburg. SPb: Publishing House of SPbCSA, 2023. Pp. 195 - 218.
9. Federal Constitutional Law of 04.10.2022 N 5-FKZ (as amended on 25.12.2023) "On the Admission to the Russian Federation of the Donetsk People's Republic and the Formation of a New Subject within the Russian Federation – the Donetsk People's Republic". Consultant Plus, 2024.
10. Yakimov M.R. Concept of Transport Planning and Traffic Organization in Large Cities: Monograph. Perm: Publishing House of Perm. state tech. University, 2011. 175 p.

Информация об авторе

Хобби Ю.С., кандидат юридических наук, доцент, Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи, yhobbi@list.ru

© Хобби Ю.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 347.918.2

Проблемы реализации принципа состязательности сторон в суде первой инстанции

¹ Кимяева Д.В., ¹Храмов С.А., ¹Фокин Д.Ю., ¹Шигапов А.Ф., ¹Куликов Д.Н.,
¹ Нижегородская академия МВД России

Аннотация: целью исследования является анализ актуальных проблем реализации принципа состязательности сторон в суде первой инстанции в условиях российского уголовного судопроизводства.

Задачами работы являются изучение действующего законодательства, регламентирующего процесс исследования и оценки доказательств, выявление пробелов и противоречий в правовом регулировании, а также разработка предложений по совершенствованию законодательства и правоприменимительной практики.

Практическое значение исследования заключается в том, что предложенные изменения законодательства и рекомендаций могут быть использованы для совершенствования норм УПК РФ, укрепления гарантий прав участников процесса и обеспечения справедливости судебных решений. Работа будет полезна законодателям, юристам-практикам, адвокатам и судьям, а также может быть применена при разработке методических рекомендаций и обучении студентов юридических факультетов.

Данная работа посвящена анализу проблем реализации принципа состязательности сторон в суде первой инстанции, закреплённого в статье 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Принцип состязательности выступает одной из ключевых гарантий справедливого судебного разбирательства, однако его практическое применение сталкивается с рядом препятствий. Рассматриваются такие вопросы, как возможность рассмотрения дела без участия подсудимого, ограниченный доступ к материалам дела, сложности с исследованием показаний потерпевших и свидетелей, неравенство ресурсов сторон, а также повторное участие судей в рассмотрении дела. Автор предлагает пути решения данных проблем, включая совершенствование законодательства, обеспечение равенства сторон в доступе к доказательствам, создание механизмов независимого проведения экспертиз, усиление системы государственной юридической помощи и внедрение современных технологий для повышения прозрачности и эффективности судопроизводства. Особое внимание уделяется анализу международных стандартов и опыта зарубежных правовых систем, что позволяет выделить лучшие практики для их адаптации в отечественное законодательство. Работа направлена на развитие комплексного подхода к обеспечению реализации принципа состязательности, что является важным условием достижения справедливости, защиты прав участников процесса и укрепления доверия к судебной системе. Подчёркивается необходимость сочетания нормативных реформ с совершенствованием правоприменимительной практики.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, суд первой инстанции, принцип состязательности сторон, процесс доказывания, исследование и оценка доказательств

Для цитирования: Кимяева Д.В., Храмов С.А., Фокин Д.Ю., Шигапов А.Ф., Куликов Д.Н. Проблемы реализации принципа состязательности сторон в суде первой инстанции // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 24 – 28.

Поступила в редакцию: 16 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 12 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

Challenges in implementing the principle of adversarial proceedings in the court of first instance

¹ Kimyaeva D.V., ¹ Khramov S.A., ¹ Fokin D.Yu., ¹ Shigapov A.F., ¹ Kulikov D.N.,
¹ Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: the aim of this study is to analyze the pressing issues surrounding the implementation of the principle of adversarial proceedings in courts of first instance within the framework of Russian criminal procedure.

The objectives of the research include examining the current legislation governing the process of evidence examination and evaluation, identifying gaps and inconsistencies in legal regulation, and developing proposals for improving legislation and law enforcement practices.

The practical significance of this research lies in the fact that the proposed legislative amendments and recommendations can be utilized to enhance the provisions of the Russian Criminal Procedure Code (CPC), strengthen the guarantees of participants' rights, and ensure the fairness of judicial decisions. The study will be of value to lawmakers, legal practitioners, attorneys, and judges, as well as serve as a resource in the development of methodological guidelines and the education of law students.

This work focuses on analyzing the challenges of implementing the principle of adversarial proceedings in courts of first instance, as enshrined in Article 15 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The principle of adversariality serves as one of the key guarantees of a fair trial, yet its practical application faces several obstacles. Issues such as the possibility of adjudicating a case without the defendant's participation, restricted access to case materials, difficulties in examining the testimony of victims and witnesses, the inequality of resources between the parties, and the repeated involvement of judges in the consideration of cases are addressed.

The author proposes solutions to these issues, including legislative improvements, ensuring equal access to evidence for both parties, creating mechanisms for independent expert examinations, strengthening the system of state legal assistance, and implementing modern technologies to enhance transparency and efficiency in judicial proceedings. Particular attention is given to analyzing international standards and the experiences of foreign legal systems, allowing the identification of best practices for adaptation into domestic legislation.

The study is aimed at developing a comprehensive approach to ensuring the implementation of the principle of adversariality, which is a critical condition for achieving justice, protecting the rights of the parties involved, and building trust in the judicial system. The necessity of combining normative reforms with the improvement of law enforcement practices is emphasized.

Keywords: criminal procedural law, court of first instance, principle of adversarial proceedings, process of proof, examination and evaluation of evidence

For citation: Kimyaeva D.V., Khramov S.A., Fokin D.Yu., Shigapov A.F., Kulikov D.N. Challenges in implementing the principle of adversarial proceedings in the court of first instance. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 24 – 28.

The article was submitted: October 16, 2024; Approved after reviewing: December 12, 2024; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Принцип состязательности сторон, закреплённый в статье 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) [2], представляет собой одну из основополагающих гарантий справедливого судебного разбирательства. Его суть заключается в равенстве прав обвинения и защиты в представлении доказательств, их исследовании и обосновании своей позиции [1]. Однако практика применения данного принципа в судах первой инстанции свидетельствует о наличии ряда проблем, которые препятствуют его полной реализации.

Материалы и методы исследований

Одна из основных проблем связана с возможностью рассмотрения дела без участия подсудимого. В соответствии с частью 4 статьи 247 УПК РФ, уголовные дела небольшой или средней тяжести могут быть рассмотрены в отсутствие подсудимого, если он ходатайствует об этом[2]. Несмотря на то, что данная норма направлена на процессуальную экономию, её применение вызывает сомнения с точки зрения обеспечения принципа состязательности. Отсутствие подсудимого в судебном заседании лишает его возможности лично участвовать в защите своих интересов, что в конечном итоге может повлиять на справедливость судебного разбирательства.

Стоит отметить, что подсудимый, отсутствующий на судебном заседании, не имеет возможности непосредственно влиять на ход разбирательства [4], уточнять свои показания или заявлять ходатайства, что существенно ограничивает его права. Для устранения этой проблемы целесообразно рассмотреть возможность ограничения применения данной нормы исключительно отдельными случаями, когда участие подсудимого объективно невозможна. В то же время важно учитывать мнение международных организаций, таких как Европейский суд по правам человека, который подчёркивает необходимость обеспечения права на участие в процессе.

Кроме того, ситуация усугубляется недостаточной осведомлённостью подсудимых о своих правах. Нередко граждане, находящиеся под следствием или судом, не обладают достаточными знаниями о своих возможностях участия в процессе, что ограничивает их способность защищать свои интересы. Для преодоления этой проблемы можно предложить внедрение обязательных информационных сессий для подсудимых, где им будут разъяснены их права и обязанности в рамках судебного разбирательства. Такие меры могли бы повысить прозрачность процесса и минимизировать риски ущемления прав подсудимых.

Вопрос оглашения показаний потерпевших и свидетелей также остаётся актуальным. Часть 1 статьи 281 УПК РФ допускает оглашение показаний только при согласии сторон [2]. Это положение выступает важной гарантией состязательности. Однако на практике возникают ситуации, когда одна из сторон злоупотребляет своим правом на отказ от оглашения, тем самым препятствуя исследованию значимых доказательств.

Результаты и обсуждения

Как отмечает Михайлов Р.В., «одной из основных задач государственного обвинителя является обеспечение соблюдения принципа состязательности и справедливости при исследовании доказательств» [6, с. 585]. Для решения проблемы оглашения показаний возможно введение нормы, позволяющей оглашение по инициативе суда при наличии объективных оснований, таких как смерть свидетеля или его тяжёлая болезнь.

Мамаева О.А. указывает, что «необходимость оглашения показаний по инициативе суда может быть обусловлена интересами правосудия, однако такие случаи требуют строгого нормативного регулирования» [5, с. 117]. Для примера можно обратиться к практике других государств, где суд обладает более широкими полномочиями по исследованию доказательств, что способствует достижению справедливости.

Дополнительно стоит отметить, что процесс оглашения показаний должен быть строго регламентирован с учётом особенностей дела. Например, в случаях, связанных с преступлениями против несовершеннолетних, требуется особый подход, учитывающий интересы пострадавших и защиту их психологического состояния. Такие дела требуют участия специализированных психологов, которые могут обеспечить комфортные условия для дачи показаний и предотвратить возможные манипуляции с доказательствами.

Ещё одной значительной проблемой является неравенство ресурсов сторон. Обвинение в суде представляется профессиональными государственными обвинителями, в то время как защита может быть осуществлена как адвокатом, так и самим подсудимым. Особенно остро эта проблема проявляется в ситуациях, когда у подсудимого отсутствуют средства для найма квалифицированного защитника.

Как подчёркивает Михайлов Р.В., «роль государственного обвинителя должна заключаться в том, чтобы не только поддерживать обвинение, но и обеспечивать соблюдение законности и справедливости в рамках состязательного процесса» [6, с. 588]. Для устранения дисбаланса предлагается расширить перечень случаев, в которых участие защитника является обязательным, а также усилить систему государственной юридической помощи, предоставляя защитникам доступ к тем же ресурсам, что и обвинению, включая возможность проведения независимых экспертиз и получения полной информации по делу.

Однако следует учитывать, что обязательное участие защитника не должно ограничивать право подсудимого на самостоятельный выбор способа защиты, что гарантируется статьёй 48 Конституции РФ [1] и частью 2 статьи 49 УПК РФ [2]. В этой связи можно предложить дополнительные меры, такие как создание специализированных центров поддержки подсудимых, что позволит обеспечить доступ к квалифицированной юридической помощи на всех этапах процесса. Тем самым без предоставления сторонам равных возможностей защиты невозможно обеспечить реализацию принципа состязательности в полном объёме.

Не менее важной проблемой является повторное участие судей в рассмотрении дела. Статья 63 УПК РФ запрещает участие судьи, принимавшего решения на предварительных стадиях производства, в рассмотрении дела по существу [2]. Однако на практике встречаются случаи, когда судьи, выносившие решения, например, о мере пресечения, продолжают рассматривать дело по существу. Это может вызывать сомнения в беспристрастности судей и негативно сказываться на реализации принципа состязательности. Для предотвращения таких ситуаций необходимо уточнить законодательные положения, исключив возмож-

ность участия судей, которые ранее принимали процессуальные решения по делу. Дополнительно следует разработать механизмы перераспределения дел, которые позволят соблюдать данное требование без ущерба для оперативности судопроизводства. Например, можно рассмотреть введение системы автоматического распределения дел, что исключит возможность влияния человеческого фактора на процесс.

Кроме того, следует обратить внимание на вопросы, связанные с использованием доказательств. Часто на практике стороны сталкиваются с трудностями в получении доступа к материалам дела. Хотя статья 217 УПК РФ гарантирует сторонам доступ к материалам уголовного дела, защита зачастую сталкивается с ограничениями, связанными с неполным предоставлением информации [2]. Это ставит сторону защиты в заведомо невыгодное положение, что противоречит принципу состязательности.

Мамаева О.А. подчёркивает, что «одним из ключевых элементов равенства сторон является обеспечение полного доступа к доказательствам. Ограничение доступа нарушает баланс интересов и подрывает доверие к судебной системе» [5, с 117]. Для устранения этой проблемы необходимо предусмотреть дополнительные механизмы контроля за предоставлением доступа к материалам дела, включая возможность обжалования действий следователя в суде в упрощённом порядке. Также важно обеспечить равенство сторон в вопросах проведения экспертиз. В настоящее время экспертизы преимущественно проводятся по инициативе обвинения, тогда как защита нередко лишена возможности заказать независимую экспертизу. Для изменения ситуации следует рассмотреть внедрение механизмов финансирования таких экспертиз за счёт средств государственного бюджета.

Особого внимания требует и проблема временных рамок судебного разбирательства. Хотя УПК РФ устанавливает сроки рассмотрения уголовных дел, на практике эти сроки часто нарушаются [2]. Это приводит к затягиванию процесса и увеличивает нагрузку на судей, что негативно сказывается на качестве разбирательства. Затянутость процесса может также ставить подсудимого в невыгодное положение, особенно если он находится под стражей. Для решения этой проблемы целесообразно разработать меры по оптимизации судопроизводства, включая использование современных технологий, таких как электронные системы документооборота и видеоконференцсвязь. Эти меры позволят ускорить процесс и одновременно сохранить его качество.

Современные технологии могут значительно повысить прозрачность и эффективность судебного процесса. Например, создание единой электронной базы данных судебных дел позволит сторонам оперативно получать доступ к необходимой информации, что исключит возможности для сокрытия или фальсификации материалов дела. Также важно внедрение системы автоматического аудита сроков рассмотрения дел, что позволит своевременно выявлять случаи затягивания и принимать меры по их устраниению.

Выводы

Таким образом, проблемы реализации принципа состязательности сторон в суде первой инстанции обусловлены как несовершенством законодательства, так и правоприменительной практикой. Для их устранения требуется комплексный подход, включающий совершенствование норм УПК РФ, направленных на обеспечение равенства сторон, усиление гарантий защиты, пересмотр правил участия подсудимого и свидетелей, а также устранение противоречий в применении процессуальных норм [7, с. 73]. Эти меры должны быть основаны на тщательном анализе судебной практики и направлены на обеспечение справедливого и беспристрастного правосудия. При этом особое внимание следует уделить разработке и внедрению новых технологий, которые могут существенно повысить эффективность процесса. Обеспечение равенства сторон, прозрачности судебного разбирательства и доступности правосудия является ключевым условием для формирования справедливой судебной системы, отвечающей современным вызовам и требованиям.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».
3. Федеральный закон "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" от 31.05.2002 N 63-ФЗ (дата обращения 10.01.2025) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 N 51 "О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)" (дата обращения 10.01.2025) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».

5. Mamaeva O.A. Вопросы исследования доказательств в ходе производства в суде первой инстанции // Марийский юридический вестник. 2017. № 3 (22). С. 115 – 118.

6. Mikhailov R.V. Процессуальное положение и задачи участия государственного обвинителя в состязательном уголовном процессе в суде первой инстанции // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. 2022. № 34. С. 582 – 589.

7. Vinogradov V.A. Распределение бремени доказывания в суде первой инстанции в российском уголовном процессе. Москва: Издательство "Знание-М", 2022. 120 с. ISBN 978-5-00187-222-1

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) [Electronic resource]. Reference legal system "Consultant Plus".

2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 28.12.2024) [Electronic resource]. Reference legal system "Consultant Plus".

3. Federal Law "On Advocacy and the Bar in the Russian Federation" dated 31.05.2002 N 63-FZ (date of access 10.01.2025) [Electronic resource]. Reference legal system "Consultant Plus".

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 19.12.2017 N 51 "On the practice of applying legislation when considering criminal cases in the court of first instance (general procedure for legal proceedings)" (date of access 10.01.2025) [Electronic resource]. Reference legal system "Consultant Plus".

5. Mamaeva O.A. Issues of examining evidence during proceedings in the court of first instance. Mari Law Bulletin. 2017. No. 3 (22). P. 115 – 118.

6. Mikhailov R.V. Procedural status and tasks of participation of the public prosecutor in adversarial criminal proceedings in the court of first instance. Modern problems of linguistics and methods of teaching the Russian language in universities and schools. 2022. No. 34. P. 582 – 589.

7. Vinogradov V.A. Distribution of the Burden of Proof in the Court of First Instance in Russian Criminal Procedure. Moscow: Znanie-M Publishing House, 2022. 120 p. ISBN 978-5-00187-222-1

Информация об авторах

Кимяева Д.В., лейтенант полиции, преподаватель, Нижегородская академия МВД России

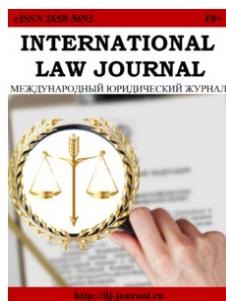
Храмов С.А., старший лейтенант полиции, преподаватель, Нижегородская академия МВД России

Фокин Д.Ю., лейтенант полиции, преподаватель, Нижегородская академия МВД России

Шигапов А.Ф., лейтенант полиции, преподаватель, Нижегородская академия МВД России

Куликов Д.Н., лейтенант полиции, преподаватель, Нижегородская академия МВД России

© Кимяева Д.В., Храмов С.А., Фокин Д.Ю., Шигапов А.Ф., Куликов Д.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.6

Особенности правового статуса лиц, осуществляющих охрану и управление наследственным имуществом

¹ Морозов С.А.,
¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация: в статье рассматриваются особенности правового статуса лиц, осуществляющих охрану и управление наследственным имуществом, с акцентом на существующие противоречия в законодательстве. Анализируются положения гражданского законодательства и законодательства о нотариате, выявляются спорные вопросы правового регулирования, исследуются подходы современной юридической доктрины. В исследовании подчеркивается необходимость уточнения перечня охранных мер, реализуемых нотариусам, и вопросы пределов его правомочий в части самостоятельного учреждения доверительного управления. Автор исходит из недопустимости самостоятельного инициирования доверительного управления. В статье также поднимаются вопросы расширения круга лиц, осуществляющих охрану и управление с учетом реформ гражданского законодательства. Особое внимание уделяется необходимости разграничения статусов исполнителя завещания и доверительного управляющего, а также обсуждается возможность назначения наследников в качестве доверительных управляющих, поднимаются иные актуальные вопросы.

Ключевые слова: нотариус, исполнитель завещания, правовой статус, охранные меры, доверительное управление, наследственное имущество, наследники

Для цитирования: Морозов С.А. Особенности правового статуса лиц, осуществляющих охрану и управление наследственным имуществом // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 29 – 35.

Поступила в редакцию: 16 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 15 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

Features of the legal status of persons engaged in the protection and management of hereditary property

¹ Morozov S.A.,
¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: the article examines the peculiarities of the legal status of persons engaged in the protection and management of hereditary property, with an emphasis on existing contradictions in legislation. The provisions of civil legislation and legislation on notaries are analyzed, controversial issues of legal regulation are identified, and approaches of modern legal doctrine are explored. The study emphasizes the need to clarify the list of protective measures implemented by notaries and the issues of the limits of their powers in terms of independent establishment of trust management. The author proceeds from the inadmissibility of self-initiation of trust management. The article also raises issues of expanding the circle of persons engaged in protection and management, taking into account the reforms of civil legislation. Special attention is paid to the need to distinguish between the statuses of the executor of the will and the trustee, and the possibility of appointing heirs as trust managers is also discussed, other topical issues are raised.

Keywords: notary, executor of the will, legal status, protective measures, trust management, hereditary property, heirs

For citation: Morozov S.A. Features of the legal status of persons engaged in the protection and management of hereditary property. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 29 – 35.

The article was submitted: October 16, 2024; Approved after reviewing: December 15, 2024; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Институт охраны наследственного имущества постоянно совершенствуется в российском гражданском праве. Вопросы введения и реализации мер по охране и управлению наследственным имуществом являются актуальными и в современный юридической доктрине, и в правоприменительной практике. В условиях изменяющегося законодательства и усложняющихся имущественных отношений, роль лиц, осуществляющих охрану и управление наследственным имуществом, становится все более значимой. Расширяется и состав правомочий данных лиц, и их круг в целом. Это требует глубокого анализа их правового статуса, прав и обязанностей, а также механизмов взаимодействия с другими участниками наследственных правоотношений. Так, в данной работе рассматриваются особенности правового статуса лиц, осуществляющих охрану и управление наследственным имуществом, что позволит выявить особенности и спорные вопросы правового регулирования по теме настоящей научной статьи.

Материалы и методы исследований

Частично вопросы правового статуса лиц, осуществляющих охрану и управление наследственным имуществом, затрагиваются во многих исследованиях. В частности, можно выделить работы Беляева Р.В., Бердегуловой, Л.А., Гонгало, Ю.Б., Петрова Е.Ю., Девищенко А.И., Еникеевой Л.Б., Леоновой А.О., и др. Однако некоторые из вопросов остаются неосвещенными в юридической доктрине, что указывает на сохранение научной проблемы и потребность в ее дальнейшей разработке.

В рамках настоящей статьи использовался комплекс современных научных методов. Основным методом выступает такой специально-юридический метод как формально-юридический, направленный на исследование правовых норм. Были также использованы общие методы, включая анализ, синтез, обобщение, сравнение, индукцию и дедукцию, и иные методы.

Результаты и обсуждения

Институт охраны и управления наследственным имуществом в гражданском праве служит важным инструментом для защиты прав наследников и обеспечения сохранности имущества. В соответствии со статьей 1171 Гражданского кодекса Российской Федерации, определен круг лиц, ответственных за охрану и управление наследством, а также их полномочия в этой области. К числу таких лиц относятся нотариус и исполнитель завещания. Однако законодательством также выделяется еще одна группа лиц, заинтересованных в сохранении наследства: помимо исполнителя завещания и наследников, к ним относятся органы управления и опеки и попечительства. Из толкования ст. 64 Основ законодательства РФ о нотариате 11.02.1993 № 4462-1 (далее – Основы о нотариате) к заинтересованным в охране наследства можно также отнести государство, кредиторов, отказополучателей.

Права и обязанности нотариуса по охране и управлению наследством наиболее подробно регламентированы в ГК РФ и Основах о нотариате. Так, меры по охране и управлению наследственным имуществом осуществляются нотариусом по месту открытия наследства. В некоторых случаях, если наследственное имущество расположено в отдаленных районах, нотариус по месту его нахождения может вводить меры по его охране и управлению. Для выявления состава имущества наследодателя нотариус может обращаться в кредитные организации. Однако, при этом он должен соблюдать банковскую тайну и не распространять конфиденциальную информацию. Кроме того, нотариус имеет право обращаться в другие юридические лица, государственные органы и органы местного самоуправления для информационного взаимодействия по вопросам охраны и управления наследственным имуществом. Кроме того, если в составе имущества обнаруживаются вещи, ограниченные в гражданском обороте, такие как оружие, у нотариуса возникает обязанность сообщить об этом в уполномоченный государственный орган, контролирующий оборот оружия.

Согласно ст. 1171 ГК РФ, основанием для принятия мер по охране и управлению наследственным имуществом является заявление, поданное исполнителем завещания или лицами, заинтересованными в сохранности наследственного имущества. Вопрос о том, на каких основаниях нотариус принимает меры по охране и управлению наследственным имуществом, является одним из наиболее обсуждаемых в юридической ли-

тературе. Это связано с неоднозначным подходом законодателя к возможности самостоятельного инициирования таких мер самим нотариусом. В ГК РФ не содержится прямого указания на то, что нотариус может самостоятельно принимать меры по охране и управлению наследством. Однако, согласно ст. 64 Основ о нотариате, в случаях, когда требуется защита прав определенного круга лиц, нотариус может самостоятельно инициировать соответствующие меры по охране наследства.

Таким образом, существует некоторое несоответствие между положениями ГК РФ и Основами о нотариате, поскольку последние наделяют нотариуса более широкими правомочиями. Некоторые авторы считают, что в этой коллизии следует руководствоваться ГК РФ [11, с. 210], в то время как другие придерживаются противоположного мнения [1]. Однако стоит отметить, что в ст. 64 Основ о нотариате говорится только о мерах охраны, но не об управлении наследственным имуществом, что при буквальном толковании означает невозможность самостоятельного применения мер управления. К мерам управления, в частности, относится введение доверительного управления наследственным имуществом и назначение доверительного управляющего. Однако и относительно данного вопроса существуют противоположные позиции авторов [10, с. 138].

Важно подчеркнуть, что нотариус не осуществляет непосредственно управленических действий в отношении наследственного имущества. Его деятельность в этой области носит в основном организационный характер. Наделение нотариуса полномочиями по организации доверительного управления и утверждению доверительного управляющего обусловлено его статусом независимого лица в наследственных отношениях. Это также свидетельствует о том, что, реализуя эти полномочия, он представляет публичные интересы. Исходя из того, что нотариус обеспечивает соблюдение интересов заинтересованных в охране наследственного имущества лиц, некоторые исследователи отмечают все же возможность самостоятельного инициирования нотариусом доверительного управления имуществом [5, с. 454]. Однако, с практической точки зрения, эта позиция представляется не вполне обоснованной, поскольку она значительно расширяет возможность необоснованного публичного вмешательства в частные дела и может привести к возникновению практики необоснованных исков к нотариусу о непринятии им необходимых мер по управлению наследственным имуществом. С учетом этого, лишь заявление заинтересованных лиц может являться основанием для учреждения доверительного управления наследственным имуществом [8, с. 65]. Судебная практика также подтверждает данный вывод. В решениях по искам, поданным против нотариусов, которые не приняли самостоятельно меры по доверительному управлению наследственным имуществом, суды приходят к выводу, что доверительное управление должно быть учреждено на основании заявления заинтересованных лиц. Такой подход отражен, например, в Апелляционном определении Московского городского суда от 12 января 2022 г. по делу № 33-0056/2022. Если следовать такому толкованию, ограничивающему право нотариуса на самостоятельное инициирование мер по управлению наследственным имуществом, то возникает также неоднозначный вопрос о круге лиц, которые могут подавать заявление нотариусу о применении таких мер.

Согласно ст. 64 Основ о нотариате, нотариус самостоятельно принимает меры по охране наследственного имущества в интересах наследников, кредиторов, государства и отказополучателей. В ст. 1171 ГК РФ в качестве субъектов, заинтересованных в охране наследственного имущества, не упоминаются кредиторы наследодателя, отказополучатели или государство, однако законодатель оставляет перечень заинтересованных лиц открытым. Как отмечает Бердегулова Л.А. такой подход к определению круга заинтересованных лиц является более удачным [4, с. 47]. Вместе с тем, наделение кредиторов и отказополучателей правом подачи заявления нотариусу о введении доверительного управления наследственным имуществом представляется целесообразным, поскольку эти лица также заинтересованы в сохранении наследственного имущества и имеют право на взыскание того, что им причитается из наследственной массы [7, с. 37].

В определенных случаях, когда законодательство допускает возможность выполнения консультскими учреждениями и органами местного самоуправления функций нотариуса, некоторые права и обязанности в сфере реализации института охраны наследственного имущества могут осуществляться также этими лицами. В п. 7 ст. 1171 ГК РФ указано, что эти лица могут реализовывать соответствующие правомочия. Однако в вопросе о содержании их прав существуют некоторые противоречия, касающиеся применения мер управления. В частности, эти лица не указаны в числе субъектов, имеющих право учреждать доверительное управление наследственным имуществом в соответствии с положениями ст. 1173 ГК РФ.

Кроме того, выводы о том, что эти лица не могут осуществлять меры по управлению, следуют из толкования положений Основ о нотариате. Согласно ст. 37 Основ о нотариате, должностные лица органов местного самоуправления могут принимать лишь охранные меры в отношении наследственного имущества. Более того, в качестве единственной охрannой меры упоминается опись наследственного имущества. На

охранные меры законодатель указывает и в ст. 38 Основ о нотариате, перечисляя правомочия консула. Следует отметить, что до 2019 года в предыдущих редакциях Основ о нотариате среди полномочий должностных лиц органов местного самоуправления также упоминались меры по управлению наследственным имуществом. Однако в процессе реформации эти полномочия были исключены. Таким образом, указание в Гражданском кодексе Российской Федерации на наличие у консульских должностных лиц и должностных лиц органов местного самоуправления полномочий по управлению наследственным имуществом противоречит Основам о нотариате.

В отличие от нотариуса, исполнитель завещания непосредственно осуществляет действия, направленные на реализацию воли наследодателя, как это указано в завещании. Как отмечает Останина Е.А., его роль сводится в данном случае к сохранению, преумножению и контролю за наследственным имуществом с момента открытия наследства до вступления в него наследниками [12, с. 8]. Более того в ГК РФ прямо указывается, что соответствующие меры могут быть осуществлены им самостоятельно или по требованию наследников. В свою очередь, на реализацию своего правового статуса исполнитель завещания должен дать свое согласие, в обратном случае, конклudentные действия согласием не признаются. Следует отметить, что конкретные меры по охране и управлению наследственным имуществом могут быть указаны наследодателем непосредственно в завещании. Исполнителем завещания могут быть не только физические, но и юридические лица, что было поправками к ГК РФ в 2017 году с введением регулирования института наследственного фонда. Так, наследственный фонд может являться исполнителем завещания, и формируется он за счет средств наследственного имущества. В свою очередь, создание наследственного фонда осуществляется нотариусом [9, с. 82].

Для реализации исполнителем завещания мер по управлению наследственным имуществом не требуется введение отдельно процедуры учреждения доверительного управления. Стоит отметить также, что согласно ст. 1135 ГК РФ, исполнитель завещания до обращения к нотариусу самостоятельно реализует меры по охране и управлению наследственным имуществом. Однако с внесением поправок не было дано ясности относительно содержания этих мер, и соотношения их с мерами, которые применяет нотариус по согласованию с исполнителем завещания [2, с. 16]. Как отмечает Беляев Р.В., существует необходимость уточнения непосредственных охранных мер, которые осуществляет исполнитель завещания самостоятельно [3, с. 116].

В контексте обсуждения правового статуса исполнителя возникают и иные некоторые спорные моменты, обусловленные недавней реформой гражданского права, которая затронула и наследственное право. Прежде всего, вызывает интерес возможность распространения статуса исполнителя завещания, по смыслу, которым он наделяется положениями ст. 1171 ГК РФ, на душеприказчика в рамках реализации последним положений наследственного договора. В ГК РФ есть специальная статья, посвященная регулированию наследственного договора – статья 1140.1 ГК РФ. В этой норме не говорится, что душеприказчик является исполнителем завещания или что их правовой статус приравнивается. Равным образом душеприказчик по наследственному договору не упоминается как субъект, осуществляющий охрану и управление наследственным имуществом в ст. 1171 ГК РФ. Однако есть основания полагать, что душеприказчика всё же можно считать исполнителем завещания. Во-первых, ст. 118 ГК РФ указывается, что к наследственному договору применяются положения о завещании, если это не противоречит сути наследственного договора. Это означает, что положения ГК РФ о исполнителе завещания, круге его прав и обязанностей распространяются на регулирование института наследственного договора. Во-вторых, в ст. 1141.1 законодатель определяет статус душеприказчика и указывает, что на него могут возлагаться обязанности по наследственному договору, такие как совершение определенных действий, завещательных отказов или вложений. С учетом этого, как представляется, на душеприказчика можно распространить нормы ст. 1171 ГК РФ, и следует рассматривать его как субъекта, реализующего охрану и управление наследственным имуществом.

Ещё одним дискуссионным вопросом в сфере охраны и управления наследственным имуществом является выбор доверительного управляющего в случае учреждения доверительного управления. Согласно гражданско-правовым нормам, исполнитель завещания является доверительным управляющим наследственного имущества, однако это правило носит диспозитивный характер. Это означает, что доверительный управляющий и исполнитель завещания не всегда совпадают в одном лице. Исполнитель завещания может отказаться от роли доверительного управляющего, передать при согласовании с нотариусом полномочия по управлению третьему лицу, а также душеприказчик может быть освобожден от реализации управленических мер по инициативе наследников [13, с. 390].

В соответствии со ст. 1135 ГК РФ, исполнитель завещания, если ему предоставлены полномочия по доверительному управлению, может передать их третьему лицу. Это свидетельствует о том, что законода-

тельство допускает возможность управления наследственным имуществом иными лицами, в то время как в ст. 1171 ГК РФ такой статус имеют только нотариус и исполнитель завещания. Таким образом, представляется, что доверительный управляющий должен быть указан в качестве самостоятельного субъекта, осуществляющего меры по управлению наследственным имуществом.

Вместе с тем, определение правового статуса доверительного управляющего в рамках договора доверительного управления наследственным имуществом также вызывает ряд вопросов. В частности, представляется интерес возможность применения положений ст. 1015 ГК РФ, которая устанавливает общие особенности деятельности доверительных управляющих по договору доверительного управления.

Сравнительный анализ общих норм, регулирующих деятельность доверительного управляющего, и положений, касающихся доверительных управляющих в наследственных отношениях, позволяет разграничить их статусы. Общие нормы о доверительном управлении могут применяться, если это не противоречит существу отношения по доверительному управлению наследственным имуществом.

Основное различие заключается в том, что по общему правилу доверительный управляющий должен быть лицом, занимающимся предпринимательской деятельностью. К кандидатуре доверительного управляющего предъявляются специальные требования, указанные в законодательстве. Среди прочего это обусловлено тем, что наличие навыков коммерческой деятельности позволяет обеспечить более эффективное управление имуществом. Однако такие требования не распространяются на доверительного управляющего наследственным имуществом. Более того, по общим нормам доверительный управляющий несет имущественную ответственность перед выгодоприобретателями. Как отмечает А.И. Девищенко, существует необходимость урегулирования имущественной ответственности исполнителя завещания за причиненные убытки [6, с. 114].

Поскольку исполнитель завещания становится доверительным управляющим наследственным имуществом по умолчанию, а его кандидатуру назначает наследодатель, ограничение этого права наследодателя недопустимо. С другой стороны, в гражданском законодательстве не дается четкого ответа о том, должен ли исполнитель завещания следовать этому правилу, если в качестве доверительного управляющего назначается третье лицо. Как представляется, круг лиц, которым исполнителем завещания могут быть переданы функции по доверительному управлению наследственным имуществом должен быть прямо урегулирован, в обратном случае, возникает риск относительно его сохранности.

Кроме того, общие положения ст. 1015 ГК РФ не допускают, чтобы выгодоприобретатель являлся доверительным управляющим. В контексте наследственных отношений этот вопрос также остается спорным. На практике нередко наследники назначаются доверительными управляющими. Согласно ст. 1178 ГК РФ, наследник является лицом, заинтересованным в сохранности наследственного имущества. Однако передача имущества наследнику в доверительное управление означает, что он получает право распоряжаться им до момента вступления в наследство. Такой подход нередко приводит к конфликтным ситуациям между наследниками. В связи с этим, нотариусы наследникам часто отказывают в осуществлении доверительного управления наследственным имуществом, чтобы избежать создания приоритетного положения среди других наследников. Однако вопросы о том, в каких случаях разрешается, а в каких, наоборот, не допускается назначение наследников доверительными управляющими, остаются нерешенными.

Выводы

Подводя итоги, можно заключить, что на данный момент вопрос о статусе лиц, ответственных за охрану и управление наследственным имуществом, остается открытым. В законодательстве существуют противоречия между Гражданским кодексом РФ и Основами законодательства РФ о нотариате, касающиеся прав и обязанностей нотариуса и лиц, осуществляющих нотариальную деятельность в случае отсутствия нотариуса в порядке и объеме, предусмотренном законом.

Необходимо уточнить перечень охранных мер, которые нотариус может применять по своему усмотрению, а также указать на недопустимость самостоятельного инициирования доверительного управления нотариусом. Также целесообразно расширить круг лиц, имеющих право подавать заявление нотариусу для учреждения мер управления.

Исследование показало, что круг лиц, ответственных за охрану и управление наследственным имуществом, шире, чем это предусмотрено ст. 1171 ГК РФ, что связано с развитием гражданско-правового регулирования и реформами, проводимыми в последние годы. В частности, правом на осуществление мер охраны и управления наследственным имуществом обладают душеприказчики по наследственному договору, а также юридические лица, которые могут выступать исполнителями завещания.

Однако выявлено, что существует необходимость разграничить статус исполнителя завещания и доверительного управляющего наследственным имуществом, поскольку доверительное управление может быть передано иному лицу. Кроме того, неоднозначным остается вопрос о возможности назначения наследников в качестве доверительных управляющих наследственным имуществом.

Список источников

1. Анисимова А.А., Бевзенко Р.С., Белозерова О.В. и др. Комментарий законодательства Российской Федерации о нотариате: комментарий / под ред. Д.Я. Малешина. М.: Статут, 2018. 719 с.
2. Беляев Р.В. Исполнитель завещания: понятие и полномочия // Экономика. Право. Общество. 2020. № 3. С. 11 – 18.
3. Беляев Р.В. Новые институты в российском наследственном праве: дис. ... к.ю.н. Москва, 2023. С. 159 с.
4. Бердегулова Л.А. Актуальные вопросы применения нотариусом мер, направленных на обеспечение охраны наследственного имущества // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 3 (49). С. 46 – 49.
5. Гонгало Ю.Б. Основы наследственного права России, Германии, Франции. М.:Статут, 2015. 271 с.
6. Девищенко А.И. Гражданско-правовой статус душеприказчика // Государство и право. 2021. С. 113 – 114.
7. Еникеева Л.Б., Леонова А.О. Охрана наследственного имущества. Порядок предъявления претензий кредиторами // Теория и практика современной юриспруденции: сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2020. С. 36 – 39.
8. Зайченко П.В. Учредитель доверительного управления наследственным имуществом. Проблемные вопросы правового статуса //Закон и право. 2021. № 2. С. 64 – 66.
9. Крысанова Н.В. Правовой статус наследственного фонда // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 81 – 85.
10. Максуров А.А. Актуальные проблемы отчуждения акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ: монография. Москва: Юстицинформ, 2021. 176 с.
11. Мухтарова Е.А. Принятие мер к охране наследственного имущества // Нотариат: учебное пособие / Под общей ред. Е.В. Вальковой. Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. 224 с.
12. Останина Е.А. Правовой статус исполнителя завещания // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 8. №. 1. С. 5 – 9.
13. Сучкова Т.Е., Гвоздкова А.А. Доверительное управление наследственным имуществом: новеллы и актуальные проблемы // Государственное регулирование общественных отношений в регионе: социально-экономические, правовые и историко-культурные аспекты: сборник научных статей, Чебоксары, 24 марта 2022 года. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2022. С. 386 – 392.

References

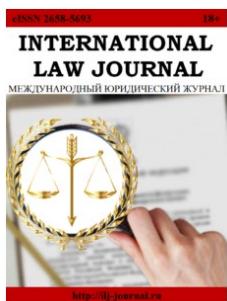
1. Anisimov A.A., Bevzenko R.S., Belozerova O.V., et al. Commentary on the legislation of the Russian Federation on notaries: commentary. edited by D.Ya. Maleshin. Moscow: Statut, 2018. 719 p.
2. Belyaev R.V. Executor of the will: concept and powers. Economy. Law. Society. 2020. No. 3. P. 11 – 18.
3. Belyaev R.V. New institutions in Russian inheritance law: dis. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2023. P. 159 p.
4. Berdegulova L.A. Current issues of the application by a notary of measures aimed at ensuring the protection of inherited property. Works of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy. 2021. No. 3 (49). P. 46 – 49.
5. Gongalo Yu.B. Fundamentals of Inheritance Law of Russia, Germany, France. M.: Statut, 2015. 271 p.
6. Devishchenko A.I. Civil status of the executor. State and Law. 2021. P. 113 – 114.
7. Enikeeva L.B., Leonova A.O. Protection of inherited property. The procedure for filing claims by creditors. Theory and practice of modern jurisprudence: collection of articles of the International scientific and practical conference. Penza: MCNS "Science and Education", 2020. P. 36 – 39.
8. Zaychenko P.V. Founder of trust management of inherited property. Problematic issues of legal status. Law and Law. 2021. No. 2. P. 64 – 66.

9. Krysanova N.V. Legal status of the hereditary fund. Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 4, State and Law: Abstract journal. 2019. No. 4. P. 81 – 85.
10. Maksurov A.A. Actual problems of alienation of shares and stakes in the authorized capital of business entities: monograph. Moscow: Yustitsinform, 2021. 176 p.
11. Mukhtarova E.A. Taking measures to protect hereditary property. Notaries: textbook. Under the general editorship of E.V. Valkova. Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, 2021. 224 p.
12. Ostanina E.A. Legal status of the executor of the will. Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law. 2023. Vol. 8. No. 1. P. 5 – 9.
13. Suchkova T.E., Gvozdkova A.A. Trust management of inherited property: novelties and current problems. State regulation of public relations in the region: socio-economic, legal and historical-cultural aspects: collection of scientific articles, Cheboksary, March 24, 2022. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev, 2022. P. 386 – 392.

Информация об авторе

Морозов С.А., аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, morozov.advocat@gmail.com

© Морозов С.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.9

Особенности детерминации рецидивной преступности

¹ Матинян М.А., ² Аветикова Т.Д., ³ Голубов М.А., ⁴ Магомедов М.А.,
¹ Ставропольский институт кооперации, филиал Белгородского
университета кооперации, экономики и права,
² Северо-Кавказский федеральный университет,
³ Ставропольский государственный педагогический институт,
⁴ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация: в начале данной статьи раскрывается важность изучения механизма детерминации рецидивной преступности. Отмечается, что обстоятельства, по которым воздействие наказания на лицо за ранее совершенные им преступления оказалось недостаточным, распространяются на конкретные случаи совершения рецидива преступления и могут не являться детерминантами рецидивной преступности в целом. Критикуется деление факторов, порождающих рецидивную преступность на причины и условия, так как они могут часто меняться местами. Приводится аргументация в пользу использования в научной литературе такого термина как детерминанты рецидивной преступности, как более полно отражающее все то, что приводит к возникновению и существованию рецидивной преступности. Указывается на сложность раскрытия детерминации рецидивной преступности в связи с большим количеством видов рецидивной преступности. Доказывается, что общесоциальные факторы влияют на рецидивную преступность только посредством определенных специфических детерминант, которые непосредственно и порождают данный вид преступности. Утверждается, что детерминацию рецидивной преступности нельзя раскрыть, выделяя в ней политические, правовые, экономические, социальные и другие факторы, так как это говорит лишь о природе детерминирующих обстоятельств, а не об их характере и определённом содержании. Раскрываются основные положения процесса детерминации рецидивной преступности. К ним относятся: а) бессмысленность деления детерминант преступности на причины и условия; б) описание детерминант рецидивной преступности не должно ограничиваться указанием только на их природу; в) не все факторы, участвующие в порождении рецидивной преступности оказывают на неё на прямую влияние; г) исчерпывающий перечень детерминант рецидивной преступности в силу их многообразия установить практически невозможно; д) у каждого конкретного рецидива преступлений будет свой индивидуальный набор детерминант; е) детерминанты рецидивной преступности имеют многоуровневую организацию; ж) детерминация рецидивной преступности включают в себя не только причинно-следственную, но и множество других связей: функциональных, статистических и др. Отмечается, что рецидивная преступность порождается взаимодействием личности преступника-рецидивиста с определенной криминогенной ситуацией. При этом криминогенная ситуация, участвующая в детерминации рецидивной преступностью, характеризуется двумя факторами: распространённостью на практике и существенностью влияния на развитие причинно-следственной связи. Перечисляются и раскрываются конкретные криминогенные факторы, участвующие в детерминации рецидивной преступности. В заключении сделан общий вывод, касающийся необходимости изучения причин и условий рецидивной преступности для оказания ей противодействия.

Ключевые слова: преступность, рецидивная преступность, детерминация преступности, причины и условия преступности, личность преступника-рецидивиста, криминогенная ситуация

Для цитирования: Матинян М.А., Аветикова Т.Д., Голубов М.А., Магомедов М.А. Особенности детерминации рецидивной преступности // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 36 – 43.

Поступила в редакцию: 17 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 18 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

Features of the determination of recidivism

¹Matinyan M.A., ²Avetikova T.D., ³Golubov M.A., ⁴Magomedov M.A.,
¹ Stavropol Institute of Cooperation, branch of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
² North Caucasus Federal University,
³ Stavropol State Pedagogical Institute,
⁴ Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Abstract: at the beginning of this article, the importance of studying the mechanism of determination of recidivism is revealed. It is noted that the circumstances in which the impact of punishment on a person for previously committed crimes proved to be insufficient extend to specific cases of recidivism and may not be determinants of recidivism in general. The division of the factors that give rise to recidivism into causes and conditions is criticized, as they can often change places. An argument is given in favor of using the term determinants of recidivism in the scientific literature, as it more fully reflects everything that leads to the emergence and existence of recidivism. It is pointed out that it is difficult to uncover the determination of recidivism due to the large number of types of recidivism. It is proved that general social factors influence recidivism only through certain specific determinants that directly generate this type of crime. It is argued that the determination of recidivism cannot be revealed by identifying political, legal, economic, social and other factors, as this only indicates the nature of the determining circumstances, and not their nature and specific content. The main provisions of the process of determining recidivism are revealed. These include: a) the futility of dividing the determinants of crime into causes and conditions; b) the description of the determinants of recidivism should not be limited to indicating only their nature.; c) not all the factors involved in the generation of recidivism have a direct impact on it; d) it is almost impossible to establish an exhaustive list of determinants of recidivism due to their diversity; e) each specific recidivism will have its own individual set of determinants; f) the determinants of recidivism have a multilevel organization; g) the determination of recidivism They include not only cause-and-effect, but also many other relationships: functional, statistical, etc. It is noted that recidivism is generated by the interaction of the personality of a repeat offender with a certain criminogenic situation. At the same time, the criminogenic situation involved in the determination of recidivism is characterized by two factors: prevalence in practice and the significant impact on the development of a causal relationship. The specific criminogenic factors involved in the determination of recidivism are listed and disclosed. In conclusion, a general conclusion is drawn regarding the need to study the causes and conditions of recidivism in order to counteract it.

Keywords: crime, recidivism, crime determination, causes and conditions of crime, the identity of a repeat offender, criminogenic situation

For citation: Matinyan M.A., Avetikova T.D., Golubov M.A., Magomedov M.A. Features of the determination of recidivism. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 36 – 43.

The article was submitted: October 17, 2024; Approved after reviewing: December 18, 2024; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Один из самых значимых вопросов, связанных с преступностью – это изучение тех факторов, которые лежат в основе её возникновения. Это полностью характерно и для рецидивной преступности. В части первой статьи 68 УК РФ, в качестве одного из критериев назначения наказания за рецидив преступлений предлагается учитывать обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным. Однако в самом уголовном законе не расшифровывается, что следует иметь в виду под такими обстоятельствами. Важно также помнить, что обстоятельства в силу которых исправи-

тельного воздействия предыдущего наказания оказалось недостаточным, имеют индивидуальный характер, а не распространяется на всю рецидивную преступность как целостный негативный социальный феномен.

Материалы и методы исследований

В работе использовались следующие методы: метод индукции, метод дедукции, метод теоретического анализа, методы синтеза, сравнения, аналогии.

Результаты и обсуждения

Рассматривая механизм детерминации, некоторые ученые предлагают выделять причины и условия рецидивной преступности [1]. Однако этот подход является не совсем правильным, поскольку одни и те же факторы, события и обстоятельства, меняются в своей криминогенной детерминирующей роли, выступая то в роли причин какого-либо преступного явления, то в роли его условий. Поэтому для обстоятельств, факторов или событий, порождающих рецидивную преступность, правильнее было бы использовать термин «детерминанты», как обобщающее понятие, включающее в себе все то, что может приводить к возникновению рецидивной преступности. Особо следует отметить, что на корректности термина «детерминанты рецидивной преступности» настаивают и другие ученые. Так, в частности называет их М.И. Булаев [2, с. 15-18].

Детерминизм – это термин для российской науки не является новым. Он широко использовался еще в советское время. В то время под детерминизмом принято было понимать такое материалистическое учение, которое возникновение любого явления (феномена) ставило в зависимость от причинно-следственной связи [3, с. 744]. В связи с этим установление всех явлений, составляющих причинный комплекс, обуславливающий существование другого явления и приводило к раскрытию его механизма детерминации.

Сложность познания механизма детерминации рецидивной преступности заключается в том, что она очень многообразна по своим проявлениям. Существует рецидивная преступность несовершеннолетних лиц, рецидивная преступность женщин, рецидивная корыстная преступность, рецидивная насильственная преступность и т.д. И у каждого из перечисленных видов рецидивной преступности будет свой причинный комплекс факторов, влияющих на её возникновение и обуславливающих особенности её существования.

Определенные трудности возникают и при определении масштаба тех факторов и обстоятельств, которые порождают рецидивную преступность. Так, А.П. Гукасян выделяет общесоциальные факторы, которые порождают преступность в целом, а также специфические причины и условия, которые непосредственно влияют на возникновение и существование рецидивной преступности [4, с. 156]. В то же время следует отметить, что никаких общесоциальных факторов рецидивной преступности, которые существуют отдельно от её специфических причин и условий в социальной среде не бывает. Каждый общесоциальный фактор рецидивной преступности, например, высокий уровень безработицы, будет оказывать непосредственное влияние на рецидивную преступность в целом. Как человеку прокормить себя и свою семью, обеспечить себе и своим родным достойный уровень жизни если у него нет другого пути, кроме как начать совершение тех или иных преимущественно корыстных преступлений, которые сулят получение в короткие сроки значительных доходов. Отсюда можно сделать вывод, что практически любой общесоциальный фактор преступности порождает рецидивную преступность трансформируясь в процессе развития причинной связи в один или несколько каких-либо специфических факторов, которые непосредственно детерминируют рецидивную преступность и поддерживают определенный уровень её состояния.

Не правы те ученые, которые подразделяют факторы, порождающие рецидивную преступность на несколько слишком обобщенных видов, например, на: политические, социальные, экономические, психологические, правовые и организационно-управленческие [1, с. 111]. Дело в том, что этот перечень перечисляет неолько сами факторы, порождающие рецидивную преступность сколько их природу. Если фактор, который детерминирует рецидивную преступность находится в сфере экономики, то по своей природе он без сомнения является экономическим фактором. Однако проблема заключается в том, что указание на природу детерминирующего фактора рецидивной преступности мало, что может сказать о нем самом, о его содержании и характере, так как в экономической сфере общества находится множество причин, оказывающих влияние не только на рецидивную преступность, но и на многие другие виды преступности.

Важно также отметить, что различные сферы общества (экономическая, политическая, правовая, социальная и др.) не существуют раздельно, а тесно связаны друг с другом. Это говорит о том, что, например, экономические факторы, порождающие рецидивную преступность, могут оказывать влияние на социальные, политические, культурно-нравственные и другие виды факторов, детерминирующие рецидивную преступность, но вместе с тем и они сами могут оказывать воздействие как на друг друга, так и на экономические факторы. В результате образуется сложная детерминирующая взаимосвязь, приводящая к возникнове-

нию рецидивной преступности и поддержанию её в определенном (более или менее стабильном) состоянии, имеющая различные измерения, а также степени опосредования.

Особо следует отметить также то, что криминогенные факторы не сосредоточены в какой-либо одной сфере общества. Зачастую ими поражены все сферы общества, которые в той или иной степени участвуют в создании глобальной криминогенной ситуации, порождающей преступность как целостный негативный социальный феномен, частью которого является рецидивная преступность.

Сказанное об общей характеристики процесса детерминации рецидивной преступности позволяет здесь сделать следующие выводы.

Во-первых, факторы, влияющие на генезис рецидивной преступности, нельзя четко подразделять на причины и условия, поскольку в механизме детерминации как рецидивной преступности, так и преступности вообще они часто меняются местами.

Во-вторых, указание на факторы, порождающие рецидивную преступность, не должны ограничиваться описанием только их природы: экономической, политической, правовой и т.д. Криминогенные факторы рецидивной преступности должны раскрываться с наиболее возможной полнотой, которая немыслима без раскрытия той ситуации, в которой выражается фактор, порождающий рецидивную преступность. Так, Е.А. Антонян в качестве примера фактора, порождающего рецидив преступлений в местах лишения свободы, указывает на недостатки в осуществления надзора за осужденными вследствие чего и становится возможным совершение ими правонарушений [5, с. 184].

В-третьих, не все факторы, порождающие рецидивную преступность, оказывают на прямую на неё влияние. Нередко в объективной реальности создаются целые цепочки детерминирующих обстоятельств, в которых каждое из детерминирующих обстоятельств влияет не на саму рецидивную преступность, а на последующее детерминирующее обстоятельство благодаря чему в своей совокупности они приводят к возникновению рецидивной преступности. Изучая детерминационный механизм рецидивной преступности, следует помнить, что факторы, порождающие рецидивную преступность сами причинно обусловлены какими-то определенными обстоятельствами, а в свою очередь эти обстоятельства генерируются другими обстоятельствами и теоретически такую причинно-следственную связь можно продолжать до бесконечности. Христианское учение в вопросах обсуждения греховной и преступной жизни человека доходило и до первопричины – первородного греха Адама и Евы, спровоцированного Змием из Книги Бытия. Однако современная криминологическая наука уже в основном не ищет метафизических причин преступного поведения человека, а сосредоточено на тех детерминантах, которые во временном, пространственном и содержательном плане близки к явлениям ими порожденными. Это объясняется тем, что только такие причины и условия могут быть познаны человеком и в отношении них у государства и общества есть возможность разработать действенные профилактические меры.

Наличие конкретных причин и условий, влияющих на рецидивную преступность, не должно в то же время быть препятствием к разработке универсального понятия «детерминант преступности», под которыми А.И. Долгова понимала «противоречия в обществе» [6, с. 146]. Следует, однако, принимать во внимание тот факт, что общественные противоречия – неотъемлемый атрибут развития социума. И пока социум существует общественные противоречия будут в нем присутствовать, хотя и могут иметь (и зачастую имеют) разные способы существования, которые необходимо надлежащим образом изучать и разрабатывать эффективные методы по их разрешению. В связи с этим следует сказать, что полностью избавится от рецидивной преступности не представляется возможным, ни в ближайшей, ни в среднесрочной перспективе, но снижать её уровень, изменять состояние и структуру рецидивной преступности государство в лице своих правоприменительных органов вполне может и в настоящее время.

В-четвертых, полный перечень детерминант рецидивной преступности установить на практике невозможно, поскольку причинный комплекс рецидивной преступности, как и всё в этом мире склонен к постоянным изменениям. Кроме того, нередко криминологи, устанавливая одни и те же причины и условия рецидивной преступности, используют различные языковые формы для их описания, что создает ошибочное ощущение гораздо большего количества детерминант рецидивной преступности, чем их есть на самом деле.

В-пятых, следует иметь в виду, что у каждого конкретного преступления, входящего в рецидивную преступность будет свой набор детерминирующих обстоятельств. Поэтому, определить какие именно детерминирующие обстоятельства сыграли роль в совершении рецидива преступлений можно только после того, как эта форма множественности преступлений была совершена в объективной реальности.

В-шестых, детерминанты рецидивной преступности имеют многоуровневую организацию. В ней выделяются те причины и условия, которые привели к совершению преступления впервые (в фактическом зна-

чении данного слова) и те причины и условия, которые повлияли на совершение повторного и последующих преступлений.

В-седьмых, детерминация рецидивной преступности включает в себя множество самых различных связей. И это не только причинные связи, но и функциональные, статистические связи, а также связи состояния [7, с. 30]. Для того, чтобы полностью раскрыть такое сложное явление каким выступает детерминационный механизм рецидивной преступности необходимо выявить и полностью раскрыть все составляющие его связи и отношения.

Переходя к рассмотрению конкретных детерминант, порождающих и поддерживающих существование рецидивной преступности важно учитывать два фактора: 1) их распространенность, то есть высокая частота встречаемости на практике; 2) их значение, которая определяется существенностью влияния детерминант на порождение и поддержание рецидивной преступности. Необходимо также принимать во внимание то обстоятельство, что в основе совершения конкретных случаев рецидива преступлений лежат не единичные детерминанты, а сложные и зачастую многоуровневые причинные комплексы, которые не только генерируют рецидивную преступность, но и задают ей определенные закономерности существования и развития. В реальной действительности детерминанты рецидивной преступности – это всегда взаимодействие черт личности преступника – рецидивиста с особенностями конкретных криминогенных ситуаций, которые позволяют им раскрываться наиболее полным образом.

Особо следует отметить, что у рецидивной преступности нет какой-либо отдельной детерминанты, которая её всегда порождает. Детерминанты рецидивной преступности во многом пересекаются с детерминантами преступности несовершеннолетних, женской преступности, пенитенциарной и постпенитенциарной преступности, а также профессиональной (узкоспециализированной) преступности. Детерминация рецидивной преступности – это настолько сложный механизм переплетения различных факторов и обстоятельств, что познать его полностью как целостное явление представляется крайне сложной задачей. Возможно только дать анализ отдельным криминогенным ситуациям, которые влияют на личность преступника-рецидивиста таким образом, что склоняют его к совершению все новых и новых преступлений.

Установление того, какие именно детерминанты, породили конкретный случай совершения рецидива преступлений можно только после его совершения, то есть post factum. До совершения рецидива преступлений можно только давать определенные прогнозы, какие именно криминогенные факторы сработают на этот раз и приведут лицо, ранее уже совершившего преступления к совершению нового преступления.

К конкретным криминогенным ситуациям, которые приводят к возникновению рецидивной преступности надлежит отнести следующие обстоятельства.

Во-первых, низкоэффективная и крайне некачественная деятельность органов уголовно-исполнительной системы. Особенно это наглядно проявляется в местах лишения свободы, в которых очень мало стимулов к подлинному исправлению виновного лица, зато присутствует множество факторов, в результате действия которых осужденное лицо приобретёт устойчивые криминогенные черты. Эту криминогенную ситуацию необходимо обязательно устранить, поскольку места лишения свободы в России – это главная кузница преступных кадров [8, с. 353].

Во-вторых, полная разлаженность механизма ресоциализации осужденных лиц. Эта ситуация указывает на то, что после отбывания наказания, особенно связанного с изоляцией осужденного от общества осужденное лицо теряет многие полезные связи (от него может уйти жена, он может потерять место работы, бывшие друзья зачастую начинают относиться к нему настороженно и т.д.), но в России есть мало социальных организаций, которые помогут осужденному интегрироваться обратно в общество. Получается такая ситуация, что лицо не только добросовестно полностью отбыло положенное ему уголовное наказание, но и продолжает по факту его отбывать уже после истечения сроков назначенного ему вида наказания. Если учитывать, что каждый год в России на свободу выходит около трехсот тысяч человек легко можно представить, насколько эта тема актуальна и важна для российского общества [9]. Многие из заключенных теряют не только полезные социальные связи, но и профессиональные умения и навыки, приобретают травмирующий опыт изоляции от общества, от которого сложно избавится и после отбывания наказания. Осужденные лица, отбывающие продолжительные сроки лишения свободы оказываются отставшими от жизни, в первую очередь, потому что они совершенно не умеют пользоваться новыми технологиями (например, расплатится в магазине банковской картой) [10].

Ресоциализация осужденного обратно в общество должно обязательно включать в себя: 1) лечение как на физиологическом, так и на психическом уровне; 2) предоставление какой-либо поддержки как в социальном, так и в материальном плане, хотя бы на первое время, пока бывший осужденный не научится ориентироваться в современном обществе (и в первую очередь это должно касаться предоставления жилья,

обеспечение продуктами питания и одеждой); 3) пресечение его попыток вступления в контакт с криминальными элементами; 4) устранение стигматизации к лицам, отбывшим наказание, со стороны общества; 5) оказание поддержки в сложных жизненных обстоятельствах.

В-третьих, после отбывания осужденными лицами наказания, отсутствует должный надзор и контроль за их жизнью, который помог бы исключить с их стороны совершения новых преступлений. Причем этот контроль и надзор должен в первую очередь учитывать к совершению каких именно по характеру преступлений склонен бывший осужденный.

В-четвертых, сложности с поиском работы, а также возможность осуществлять только тяжелую физическую работу за мизерную зарплату делают бывших осужденных психологически готовыми к поиску легких и больших денег, добыть которые становится возможным только снова вступив на преступный путь.

В-пятых, иногда детерминантой рецидивной преступности выступает само количество ранее совершенных преступлений. Знаменитый писатель Паоло Коэлью в своем широко известном романе «Алхимик» говорил, что то, что случилось один раз вряд ли повторится дважды, но то, что случилось дважды, скорее всего произойдет и трижды [11, с. 45]. Таким образом, любое преступное деяние, совершенное виновным лицом, отражается в его сознании, изменяя его и вырабатывая устойчивые криминальные черты, становящиеся составной частью его личности.

В-шестых, включенность рецидивиста в различные криминальные сообщества. В эти криминальные сообщества достаточно легко попасть, но невероятно сложно из них выйти. Руководители таких сообществ имеют большое количество компромата на своих подчиненных, которые они в случае их неподчинения могут пустить в ход. И кроме того, лица, руководящие криминальными сообществами, могут использовать грубую физическую силу для принуждения подчиненных им лиц к совершению ими различных преступлений.

В-седьмых, низкий авторитет органов правосудия в глазах преступников-рецидивистов. Это объясняется тем, что преступники-рецидивисты также, как и обычные граждане нередко встречаются в своей жизни с несправедливыми приговорами, выносимыми судебными органами, высоким уровнем коррумпированности судей, оказанием давления на принятие решения судом со стороны должностных лиц, исполнительных и законодательных органов, наличием в ходе судебного заседания и работы правоохранительных органов бессмысленных бюрократических процедур, что порождает отрицательное отношение к государству как публично-правовому субъекту в целом.

В-восьмых, в российском государстве отсутствуют комплексные федеральные законы, посвященные противодействию рецидивной преступности. Уже сейчас приняты несколько федеральных законов, посвященных борьбе с некоторыми видами преступности: например, федеральный закон от 25 декабря 2008 года №273-ФЗ «О противодействии коррупции» [12], федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»[13], федеральный закон от 24 июня №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [14] и другие нормативно-правовые акты. Однако по противодействию рецидивной преступности до сих пор не был принят отдельный федеральный закон. Если, конечно, не считать федерального закона от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации» [15]. Но он в большей степени направлен на нормализацию жизни преступников-рецидивистов, а не на противодействие рецидивной преступности. Не существует также разработанного и принятого соответствующими государственными органами комплексного плана по проведению мероприятий, направленных на противодействие рецидивной преступности. Хотя тревожная ситуация с распространностью рецидивной преступности настоятельно этого требует.

Выводы

В заключении рассмотрения проблематики, связанной с причинами и условиями рецидивной преступности необходимо отметить, что чем точнее, полнее и всестороннее будет раскрыт механизм детерминации рецидивной преступности, тем эффективнее, качественнее и своевременнее будут приняты меры по снижению её уровня.

Список источников

1. См. напр. Артемьев Н.С., Бурчихин А.Н. Причины и условия рецидивной преступности и основные меры её предупреждения // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 5. С. 110 – 114.
2. См. напр. Булаев М.И. Детерминанты рецидивной преступности // Российский следователь, 2007. № 13. С. 15 – 18.
3. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. Т. 3 (Г-Е). М-Л., Издательство Академии наук СССР, 1954. 1839 с.

4. Гукасян А.П. Основные детерминанты рецидивной преступности, обусловленные «кризисом» уголовного наказания и пути их преодоления // Общество и право. 2010. № 3 (30). С. 155 – 164.
5. Антонян Е.А. Что способствует совершению повторных преступлений // Общество и право. 2012. № 1 (38).
6. Долгова А.И. Криминология. Учебник для вузов. М., 2001. 907 с.
7. Машкин Д.В. Рецидивная преступность и психология рецидивного преступника // Теоретические и практические проблемы современного права: сборник научных статей студентов юридического факультета ОГУ. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2013. С. 28 – 34.
8. Лаверычева С.В., Федорова Е.М. О детерминантах рецидивной, пенитенциарной и постпенитенциарной преступности // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 353 – 356.
9. <https://ria.ru/20170911/1501987730.html> дата обращения: 12.12.2024 г.
10. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.e82193dd74722d776562/https/www.verywellmind.com/mental-health-effects-facing-former-inmates-5195312 (дата обращения: 12.08.2024)
11. Коэльо П. Алхимик: Роман: пер. с португ. Москва: ИД София, 2005 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). 229 с.
12. Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228.
13. Собрание законодательства РФ, 13.03.2006, № 11, ст. 1146.
14. Собрание законодательства РФ", 28.06.1999, № 26, ст. 3177.
15. Собрание законодательства РФ", 06.02.2023, N 6, ст. 917.

References

1. See, for example, Artemyev N.S., Burchikhin A.N. Causes and conditions of recidivism and the main measures to prevent it. Bulletin of the Vyatka State University. 2015. No. 5. P. 110 – 114.
2. See, for example, Bulaev M.I. Determinants of recidivism. Russian investigator, 2007. No. 13. P. 15 – 18.
3. Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes. Vol. 3 (G-E). M-L., Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1954. 1839 p.
4. Gukasyan A.P. The main determinants of recidivism caused by the “crisis” of criminal punishment and ways to overcome them. Society and Law. 2010. No. 3 (30). P. 155 – 164.
5. Antonyan E.A. What Contributes to the Commission of Repeat Crimes. Society and Law. 2012. No. 1 (38).
6. Dolgova A.I. Criminology. Textbook for Universities. Moscow, 2001. 907 p.
7. Mashkin D.V. Recidivism and the Psychology of a Recidivist Criminal. Theoretical and Practical Problems of Modern Law: A Collection of Scientific Articles by Students of the Law Faculty of Orenburg State University. Orenburg: IC OGAU, 2013. P. 28 – 34.
8. Laverycheva S.V., Fedorova E.M. On the Determinants of Recidivism, Penitentiary, and Post-Penitentiary Crime. Gaps in Russian Legislation. 2018. No. 3. P. 353 – 356.
9. <https://ria.ru/20170911/1501987730.html> accessed: 12.12.2024
10. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.e82193dd74722d776562/https/www.verywellmind.com/mental-health-effects-facing-former-inmates-5195312 (accessed: 12.08.2024)
11. Coelho P. The Alchemist: A Novel: trans. from Portuguese. Moscow: ID Sofia, 2005 (GUP IPK Ulyan. House of Printing). 229 p.
12. Collected Legislation of the Russian Federation, 29.12.2008, No. 52 (Part 1), Article 6228.
13. Collected Legislation of the Russian Federation, 13.03.2006, No. 11, Article 1146.
14. Collected Legislation of the Russian Federation, 28.06.1999, No. 26, Article 3177.
15. Collected Legislation of the Russian Federation, 06.02.2023, No. 6, Article 917.

Информация об авторах

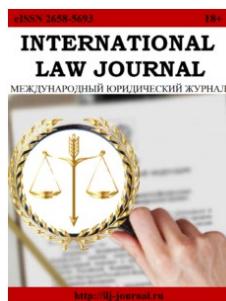
Матинян М.А., кандидат юридических наук, доцент, Ставропольский институт кооперации, филиал Белгородского университета кооперации, экономики и права

Аветикова Т.Д., аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет

Голубов М.А., кандидат юридических наук, доцент, Ставропольский государственный педагогический институт, sofper53@mail.ru

Магомедов М.А., Московский государственный университет, Magomed.magomedov007@mail.ru

© Матинян М.А., Аветикова Т.Д., Голубов М.А., Магомедов М.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.14

К вопросу об электронных доказательствах в уголовном судопроизводстве России

¹ Рудов Д.Н., ¹ Новикова Е.А.,
¹ Белгородский юридический институт имени И.Д. Путилина

Аннотация: в представленной статье, авторами рассматриваются вопросы производства предварительного расследования по уголовным делам по которым используются электронные доказательства. На основе современного состояния преступности, авторы проводят анализ отечественного законодательства, например соответствия норм уголовно-процессуального права современным потребностям органов предварительного расследования в части наличия необходимого правового инструментария.

Рассматривается ряд проблем правовой регламентации изъятия и использования электронных доказательств на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Проблематика обусловлена тем, что в некоторых случаях сотрудники правоохранительных органов имеют проблемы в толковании ряда позиций отечественного законодательства.

Авторами проводится анализ проблем использования электронных доказательств с точки зрения современных позиций криминалистики и уголовно-процессуального права, при этом в тексте выработана общая концепция противодействию молодежному экстремизму.

В контексте проведенного анализа авторы делают предложения по дальнейшему совершенствованию отечественного законодательства, регламентирующего сферу доказывания по уголовным делам.

Ключевые слова: электронные доказательства, доказывание, использование доказательств, изъятие доказательств, расследование, преступление

Для цитирования: Рудов Д.Н., Новикова Е.А. К вопросу об электронных доказательствах в уголовном судопроизводстве России // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 44 – 48.

Поступила в редакцию: 17 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 19 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

On the issue of electronic evidence in criminal proceedings in Russia

¹ Rudov D.N., ¹ Novikova E.A.,
¹ Belgorod Law Institute named after I.D. Putilin

Abstract: in the presented article, the authors consider the issues of conducting a preliminary investigation in criminal cases in which electronic evidence is used. Based on the current state of crime, the authors analyze domestic legislation for an example of compliance of the norms of criminal procedure law with the modern needs of the preliminary investigation authorities in terms of the availability of the necessary legal tools.

A number of problems of legal regulation of the seizure and use of electronic evidence at the pre-trial stages of criminal proceedings are considered. The problem is caused by the fact that in some cases, law enforcement officers have problems interpreting a number of positions of domestic legislation.

The authors analyze the problems of using electronic evidence from the point of view of modern positions of criminology and criminal procedure law, while the text develops a general concept of countering youth extremism.

In the context of the analysis, the authors make proposals for further improvement of domestic legislation regulating the field of evidence in criminal cases.

Keywords: electronic evidence, proof, use of evidence, seizure of evidence, investigation, crime

For citation: Rudov D.N., Novikova E.A. On the issue of electronic evidence in criminal proceedings in Russia. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 44 – 48.

The article was submitted: October 17, 2024; Approved after reviewing: December 19, 2024; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Двадцать первое столетие по праву можно назвать временем стремительного развития информационных технологий, что способствует получению и хранению информации на электронных носителях. Это, в свою очередь, повлекло за собой множественные дискуссии, связанные с содержанием, понятием, законодательным и процессуальным порядком получения, более активным использованием и оценкой электронной информации, а также электронных доказательств в уголовном судопроизводстве России. Предполагается, что развитие системы электронных носителей и их применение в процессе доказывания и производства по уголовному делу носит исторический характер и характеризуется законодательным регулированием применения научно-технических средств в процессе развития науки и техники.

Вопросы производства следственных и иных процессуальных действий направленных на изъятие доказательств в электронной форме по уголовным делам приобретают особое значение, что обусловлено активными процессами использования современных информационно-телеинформационных технологий.

Цель исследования – рассмотрение понятия электронного доказательства в уголовном судопроизводстве России.

Задачи – провести теоретическое исследование института электронного доказательства в уголовном процессе России.

Гипотеза – электронное доказательство – один из видов доказательств в уголовном процессе России.

Материалы и методы исследований

В исследовании применяются следующие теоретические методы: сравнительный анализ, дедукция. Проведен сравнительно-правовой анализ современной правоприменительной практики.

Результаты и обсуждения

В правоприменительной практике на протяжении длительного времени складываются определенные подходы к расследованию преступлений связанных с изъятием и использованием электронных доказательств. При этом выработана криминалистическая модель расследования указанных преступлений, а следователи и дознаватели осуществляющие производство применяют нормы УПК РФ, исходя из сложившейся правоприменительной практики. При этом по нашему мнению отечественное законодательство, в недостаточной степени регулирует сферу «электронных доказательств» [1] в уголовном судопроизводстве России.

В учебно-методической и уголовно-процессуальной литературе в области уголовно-процессуального права и криминастики понятия об «электронные носители» и «электронная информация» [2] рассматриваются с нескольких аспектов [3].

Во-первых, – со стороны применения электронной информации [4] привозбуждении уголовного дела и его последующего расследования и, во-вторых, – со стороны развития и совершенствования института доказывания в уголовном судопроизводстве.

При этом уголовно-процессуальное законодательство не закрепляет определений «электронные носители» [5] и «электронная информация», но в юридической литературе существует достаточно большое количество сформулированных учеными-процессуалистами понятий, которые выступают как противоположными, так и дополняющими друг друга. Однако, наиболее часто они являются схожими и передающими основные признаки рассматриваемых понятий.

При этом в настоящее время сложно представить процесс собирания и исследования доказательств без информации, содержащейся на электронных носителях. Особенно актуальна данная позиция при расследовании преступлений совершенных с применением современных информационно-телеинформационных технологий и в сфере незаконного оборота наркотических средств. Помимо этого в век информационных технологий следователям и дознавателям необходимо чаще использовать современные цифровые устройства в уголовном судопроизводстве, что существенно помогает облегчить задачу по производству по уголовному делу.

Электронные сервисы и устройства позволяют структурировать имеющуюся информацию и особых затруднений в дальнейшем исследовать ее. Использование электронных доказательств в уголовном процессе все еще находится на стадии развития, но мы можем заметить, что с момента появления первых устройств, являющихся предпосылками развития системы доказательств в электронном виде, прошло немало времени и правоприменители убедились в необходимости их использования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства [6].

В настоящее время сформировалось дуалистическое понимание правового регулирования использования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве России. В одном случае это электронный носитель информации и сведения, содержащиеся на данном носителе, считаются вещественным доказательством, а в другом - иным документом. Тем не менее, сложилась такая практика, что сотрудники отдела № 4 СУ УМВД России по г. Белгороду и отделения № 4 ОД УМВД России по г. Белгороду, специализирующиеся на расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств признают в качестве доказательств скриншоты электронной информации полученной в рамках расследования уголовного дела. Так, например это может быть переписка в социальной сети и непосредственно сами носители электронной информации на которых содержится та или иная информация (электронный накопитель, диск и т.д.) [7]. В данном случае можно говорить о двойной трактовки применения норм УПК РФ, в частности электронный носитель на котором содержатся соответствующие сведения в электронной форме (например в текстовой форме) – вещественное доказательство, а скриншот может подпадать под определение «иного документа», предусмотренного действующей конструкцией УПК РФ.

Сотрудники территориальных органов МВД России сталкивающиеся с расследованием уголовных дел по которым применяются современные информационно-телецоммуникационные технологии считают, что неурегулированность законодательного закрепления ряда определений используемых при расследовании преступлений, по которым используются «электронные доказательства» приводят к неопределенности при формировании перечня доказательств собираемой стороной обвинения.

При этом за основу мы берем материалы анкетирования сотрудников Отдела № 4 СУ УМВД России по г. Белгороду и отделения № 4 ОД УМВД России по г. Белгороду, специализирующихся на расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, согласно результатов, которого 80% опрошенных необходимость в закреплении понятия «электронного доказательства» в качестве допустимого доказательства в нормах УПК РФ [7].

При этом важно отметить, что рассматривая понятие «Электронного доказательства», необходимо проанализировать содержащую в нем электронную информацию с точки зрения такого критерия как допустимость.

Таким образом, необходимо дополнить ст. 74 УПК РФ таким видом допустимых доказательств как «Электронное доказательство».

По нашему мнению, важным основным элементом получения электронных доказательств является производство следственных действий. При этом помимо «классического» производства осмотра места происшествия в ходе, которого изымается электронное доказательство, в последнее время все чаще электронные доказательства получаются по средствам проведения следственных действий в формате видеоконференций.

Немало важным аспектом проведения следственных действий (допроса, очной ставки и опознания) путем использования ВКС [8] является возможность снизить временные и материальные затраты участников следственных действий. При этом сама видеозапись следственного действия, помимо протокола следственного действия также по нашему мнению может считаться электронным доказательством.

Вместе с тем применение ВКС других современных технических средств при производстве следственных действий и получение тем самым электронных доказательств может нести в себе и определенные проблемы. Так в частности в рамках анкетирования сотрудников Отдела № 4 СУ УМВД России по г. Белгороду и отделения № 4 ОД УМВД России по г. Белгороду специализирующихся на расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств последние обратили внимание на то, что используемые средства связи и технические устройства в некоторых случаях не срабатывают должным образом во время проведения следственных действий: происходят обрывы связи, потери соединения, видеои звука, что в последующем может влиять на оценку данных доказательств со стороны суда [7].

Выводы

Подводя итог необходимо отметить, что:

1. Электронная информация и электронные носители информации достаточно часто применяются в качестве доказательств по уголовным делам [9]. В современном мире электронные доказательства становятся неотъемлемой частью уголовного судопроизводства.
2. Необходимо более детальное закрепление в нормах уголовно-процессуального законодательства положений об электронных носителях информации и об электронной информации. Непосредственно, для обеспечения правовой точности и правильности при использовании информации, содержащейся на электронных носителях, в процессуальном доказывании требуется нормативное закрепление рассматриваемых понятий в тексте УПК РФ.
4. Учитывая результаты анкетирования и правоприменительной практики работы с электронными доказательствами при расследовании уголовных дел, по нашему мнению, производство предварительного расследования по указанной категории уголовных дел необходимо поручать следователям (дознавателям) специализированных подразделений [10].

Список источников

1. «Электронные доказательства» в уголовном процессе: о целесообразности правового регулирования // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 4. С. 132 – 134.
2. Шаталов А.С. Роль, сущность и значение цифровых (электронных) доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 5. С. 231 – 237.
3. Павлова М.С. Электронные доказательства: некоторые вопросы правовой природы и терминологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (57). С. 155 – 162.
4. Яковleva N.G. Использование цифровых доказательств уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 117 – 126.
5. Смирнов А.В. Электронные доказательства, электронное доказывание, искусственный интеллект: что далее? // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 24 – 31.
6. Чаплыгина В.Н. Использование электронной информации и электронных носителей информации в стадии возбуждения уголовного дела // В сборнике по результатам международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы правового регулирования, организации и тактики производства следственных действий». Омск, 2023. С. 26.
7. Материалы анкетирования сотрудников Отдела № 4 СУ УМВД России по г. Белгороду и отделения № 4 ОД УМВД России по г. Белгороду.
8. Проказин Д.Л., Семенов Е.А., Ляпин А.И. Развитие видеотехнологий в уголовном процессе России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3 (96). С. 175.
9. Бирук М.С. Электронные носители информации – понятие и назначение в доказывании при производстве предварительного расследования по уголовному делу // Евразийский юридический журнал. 2023. С. 293.
10. Варюхина А.П. Проблемы применения электронных доказательств в уголовном процессе. В сборнике трудов XII Международной научно-практической конференции «Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы, и современные аспекты». Пенза, 2023. С. 86.

References

1. "Electronic evidence" in criminal proceedings: on the feasibility of legal regulation. Journal of Russian Law. 2024. Vol. 28. No. 4. P. 132 – 134.
2. Shatalov A.S. The role, essence and significance of digital (electronic) evidence in criminal proceedings. Bulletin of Tomsk State University. 2024. No. 5. P. 231 – 237.
3. Pavlova M.S. Electronic evidence: some issues of legal nature and terminology. Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2024. No. 2 (57). P. 155 – 162.
4. Yakovleva N.G. Use of digital evidence in criminal proceedings of the Russian Federation. Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2024. No. 4 (80). P. 117 – 126.
5. Smirnov A.V. Electronic evidence, electronic proof, artificial intelligence: what's next? Criminal proceedings. 2024. No. 1. P. 24 – 31.

6. Chaplygina V.N. Use of electronic information and electronic storage media at the stage of initiating a criminal case. In the collection of results of the international scientific and practical conference "Actual problems of legal regulation, organization and tactics of investigative actions". Omsk, 2023. P. 26.

7. Materials of the questionnaire of employees of Department No. 4 of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Belgorod and Department No. 4 of the OD UMVD of Russia for the city of Belgorod.

8. Prokazin D.L., Semenov E.A., Lyapin A.I. Development of video technologies in criminal proceedings in Russia. Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2023. No. 3 (96). P. 175.

9. Biruk M.S. Electronic information carriers – concept and purpose in proving during preliminary investigation of a criminal case. Eurasian Law Journal. 2023. P. 293.

10. Varyukhina A.P. Problems of using electronic evidence in criminal proceedings. In the collection of works of the XII International scientific and practical conference "Jurisprudence, state and law: current issues and modern aspects". Penza, 2023. P. 86.

Информация об авторах

Рудов Д.Н., кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса, полковник полиции, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Den.rudov2013@yandex.ru

Новикова Е.А., кандидат юридических наук, профессор, Белгородский юридический институт имени И.Д. Путилина

© Рудов Д.Н., Новикова Е.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 349

К вопросу о признаке изолированности жилого помещения в современном жилищном праве

¹Побережная И.Ю., ¹Побережный С.Г., ¹Сухоносенко В.Д.,
¹Белгородский университет кооперации, экономики и права

Аннотация: жилое помещение как объект можно рассматривать с различных сторон. Оно является не только местом, где можно проживать, но также и правовой категорией. Именно право постепенно формировало такое понимание данного объекта, которое могло бы полностью удовлетворять жизненные запросы человека в качественном жилье. Жилищное законодательство содержит в своих нормах сформулированное законодателем понятие, которое включает в себя ряд основополагающих признаков. Одним из них является признак изолированности жилого помещения.

Статья посвящена исследованию признака изолированности жилого помещения как ключевого критерия его правового статуса. Рассматриваются теоретические основы данного признака, анализируются его практические проявления в сфере жилищного законодательства, судебной практики и правоприменения. Особое внимание уделяется современным проблемам и путям их устранения.

Ключевые слова: жилое помещение, признаки жилого помещения, изолированность, жилищное право

Для цитирования: Побережная И.Ю., Побережный С.Г., Сухоносеко В.Д. К вопросу о признаке изолированности жилого помещения в современном жилищном праве // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 49 – 53.

Поступила в редакцию: 18 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

On the issue of the sign of isolation of residential premises in modern housing law

¹Poberezhnaya I.Yu., ¹Poberezhnyi S.G., ¹Sukhonosenko V.D.,
¹Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

Abstract: residential premises as an object can be viewed from different angles. It is not only a place to live, but also a legal category. It was the law that gradually formed such an understanding of this object, which could fully satisfy the vital needs of a person in high-quality housing. Housing legislation contains in its norms a concept formulated by the legislator, which includes a number of fundamental features. One of them is a sign of isolation of the living space.

The article is devoted to the study of the sign of isolation of residential premises as a key criterion of its legal status. The theoretical foundations of this feature are considered, its practical manifestations in the field of housing legislation, judicial practice and law enforcement are analyzed. Special attention is paid to modern problems and ways to eliminate them.

Keywords: residential premises, signs of residential premises, isolation, housing law

For citation: Poberezhnaya I.Yu., Poberezhnyi S.G., Sukhonosenko V.D. On the issue of the sign of isolation of residential premises in modern housing law. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 49 – 53.

The article was submitted: October 18, 2024; Approved after reviewing: December 20, 2024; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Цель исследований – исследовать сущность признака изолированности, выявить основные проблемы его применения и предложить пути совершенствования.

Задачи исследований – выявить и провести анализ основных проблем в теоретическом и практическом применении признака, предложить пути их решения.

Гипотеза – изменение некоторых норм жилищного и гражданского законодательства с учетом сохранения интересов каждого из субъектов жилищных правоотношений, может помочь достичь наиболее высокого уровня законности в исследуемой сфере.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования выступили научные статьи и нормативно правовые акты, содержащие нормы, регулирующие жилищные правоотношения.

Методологической основой исследования явились как общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение), так и специально-юридические подходы (формально-юридический, системный анализ, интерпретация норм права).

Результаты и обсуждения

Помещение, признаваемое жилым должно соответствовать ряду признаков: изолированности, пригодности для постоянного проживания граждан, соответствие установленным санитарным и техническим правилам и нормам, а также статусу недвижимости [1]. Признак изолированности жилого помещения играет важнейшую роль в определении его юридического статуса и функционального назначения. Он служит основанием для различия между жилыми и нежилыми объектами, что имеет прямое значение для налогообложения, правового регулирования сделок, а также для обеспечения жилищных прав граждан. Несмотря на его значимость, критерий изолированности нередко вызывает разногласия в теории права и правоприменении.

С точки зрения теории права, изолированность жилого помещения предполагает его конструктивное и функциональное обособление. Это означает наличие самостоятельного входа, который исключает пересечение личного пространства жильцов с общими помещениями или иными жилыми объектами. В законодательстве Российской Федерации данное требование установлено в статье 16 Жилищного кодекса РФ [2], однако конкретизация признака остается недостаточной. Следует оговориться, что признак изолированности необходимо рассматривать в «широком» и «узком смысле». Широкая трактовка предполагает, что квартира, дом отделены от других помещений и имеют отдельный вход, а соответственно изолированы. Узкий смысл относится в основном к комнатам или части жилого дома/квартиры и подразумевает их изолированность от других жилых и нежилых помещений в доме или квартире. Исходя из данной градации будет построено наше исследование.

Итак, в соответствии с российским законодательством под видами жилых помещений следует понимать: жилой дом, часть жилого дома; квартира, часть квартиры; комната.

Беря во внимание нашу условную классификацию отметим, что жилой дом, квартира по своей сути являются изолированными, поскольку конструктивно отделены от иных помещений и имеют отдельный вход. В отношении данных объектов особых споров в исследуемом контексте не существует. Обращаясь к иным объектам: комнате, части дома и части квартиры, следует констатировать факт наличия ряда спорных практических и теоретических аспектов.

Исследуя вопрос о жилых помещениях Д.А Формакидов отмечает, жилые помещения несоответствующие признаку изолированности должны исключаться из гражданского оборота [3]. По сути проходная комната не может быть отдельным объектом вещных и обязательственных прав и сделки предметом которых выступает такой объект должны быть признаны недействительными.

Вместе с тем, нельзя не отметить и иную позицию ученых. Так, Б.М. Гонгало утверждает, что в отношении неизолированных жилых помещений могут возникать жилищные права [4]. Но важным аспектом подобного рода жилищных правоотношений является отсутствие возможности отчуждать подобного рода объект контрагенту. Однако, пользоваться такими объектами можно. Фактически в таких жилых помещениях могут проживать члены семьи собственника. Относительно возможности передачи неизолированных жилых объектов в найм, то здесь есть четкое ограничение законом - «изолированное жилое помещение» [5], в свою очередь в поднайм может передаваться часть жилого помещения, которой может оказаться и проходная комната.

При рассмотрении споров о пользовании жилыми помещениями, судебная практика придерживается следующей позиции: требование о вселении и нечинении препятствий в пользовании жилым помещением не может быть удовлетворено, поскольку спорное жилое помещение состоит из запроходной и проходной комнат, поэтому пользование запроходной комнатой невозможно без пользования проходной, что нарушает права ответчика.

Кроме того, запроходная комната не обладает признаками изолированности и обособленности, которые являются обязательными при выделении в пользование конкретному лицу [6].

Судебная практика демонстрирует частые споры о статусе объектов недвижимости, не полностью соответствующих критериям изолированности. В частности, помещения в коммунальных квартирах или общежитиях, доли в которых оформлены в индивидуальную собственность, нередко не имеют самостоятельных входов.

Следовательно, практика использования проходных комнат позволяет констатировать факт возможности заключения в отношении таких объектов договоров подайма или же соглашений о вселении граждан в качестве временных жильцов, но данные правоотношения выходят за рамки легальности, так как законом четко установлено правило, что объектом гражданского оборота может выступать только изолированное жилое помещение.

Признак «изолированности» признается как фактообразующий и Федеральным законом от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [7]. В контексте данного нормативного акта не изолированность и не обособленность жилого помещения являются основаниями для приостановления и отказа в проведении кадастрового учета или регистрации прав.

Полагаем, что представленные тезисы вполне подтверждают важность признака «изолированности» жилого помещения как в теории, так и на практике. На практике возникают многочисленные проблемы при применении признака изолированности жилого помещения, что связано с различными подходами к его трактовке, недостаточной конкретизацией критериев и отсутствием единых стандартов. Рассмотрим ключевые аспекты данных проблем.

Прежде всего, в российском законодательстве отсутствует четкое определение изолированности жилого помещения, что подтверждается не только прямой трактовкой норм, но и письмом № Д23и-501 Минэкономразвития РФ, которое признало, что в законодательстве отсутствуют определение понятий «изолированность» и «обособленность помещения» [8]. Например, статья 16 Жилищного кодекса РФ указывает на необходимость обособленности жилых помещений, однако не регламентирует конкретные технические или функциональные параметры, такие как минимальная площадь, звукоизоляция или автономность инженерных систем. Это создает неопределенность при правоприменении, особенно в контексте регистрации недвижимости.

Недостаток унифицированных методик для оценки изолированности затрудняет работу кадастровых инженеров, экспертов и органов регистрации прав. Например, в практике кадастрового учета зафиксированы случаи, когда помещения с частично перекрывающимися функциями (например, совмещение жилой и коммерческой деятельности) регистрировались как жилые объекты, что впоследствии вызывало претензии со стороны надзорных органов.

Непрозрачность критериев создает возможности для коррупции и злоупотреблений. Например, выделение долей в объектах с нарушением требований к изолированности может использоваться для получения льгот или субсидий на основании фиктивного статуса жилого помещения. Это подрывает доверие к правовой системе и ставит под угрозу интересы добросовестных участников гражданского оборота.

Вместе с тем исходя из комплексного анализа норм законодательства Минэкономразвития РФ пришло к выводу, что помещение считается:

- обособленным, если оно отграничено от остального объема здания (сооружения) строительными конструкциями;
- изолированным, если отграничено от остального объема здания (сооружения) строительными конструкциями, имеет отдельный вход и не используется для доступа в иное помещение (соответствует «широкому» пониманию признака).

То есть помещение может быть обособленным и не изолированным, но, чтобы помещение было изолированным, оно должно быть обособленным [9].

Представляется достаточно интересным обратить внимание на такой объект жилищных правоотношений как квартиры свободной планировки. Под свободной планировкой квартиры понимается пространство жилого помещения, которое ограничено только несущими и наружными стенами, при этом подведены все

коммуникации (газ, вода, канализация, отопление). Как правило, при такой планировке отсутствуют межкомнатные стены, но в ряде случаев они намечаются пеноблоками или кирпичами небольшой высоты [10].

Приобретая подобного рода объект жилой недвижимости, собственник самостоятельно принимает решение о возможной планировке своего жилища. Справедливости ради стоит отметить, что законодатель предпринял попытку установить требования к перепланировке в Постановлении Правительства РФ от 28.01.2006 № 47 [11]. Данное постановление затронуло достаточно много аспектов, но признак изолированности комнат в нем не отражен. Принимая во внимание тот факт, что неизолированный жилой объект не является объектом правоотношений, возникает вопрос о рациональности обязательного применения исследуемого признака к квартирам или домам свободной планировки, а конкретно к их внутренней планировке. Для того, чтобы ответить на поставленный вопрос следует обратиться к современному жилищному рынку. Новостройки предлагают будущим жильцам различные виды планировок: студия, европейская планировка, квартиры с изолированными, проходными или смежными комнатами, со смежно-изолированными комнатами, с мастер-спальней, двухуровневые и со свободной планировкой [12]. Как видно из представленного перечня, не все жилые объекты (комнаты) изолированы. Если мы будем опираться на «широкое» понимание признака изолированности, то вопросов особенно к новостройкам не должно возникать. Однако, беря во внимание «узкий» подход, следует прийти к выводу, что некоторые из представленных на жилом рынке объектов не могут быть использованы в полном объеме в жилищных правоотношениях, так как комнаты не являются изолированными. В последствии собственник, не обладающий соответствующими правовыми познаниями, может оказаться в весьма затруднительной ситуации, сопряженной с законными ограничениями в праве распоряжения своим объектом.

В этом ключе следует и рассматривать применение признака изолированности к квартирам и домам свободной планировки. Так, представляется весьма важным на стадии до подготовки проекта перепланировки сформировать такую практику, чтобы собственник получал обязательные разъяснения относительно последствий перепланировки с проходными комнатами. Это возможно реализовать при покупке подобного рода жилого объекта, при чем данные разъяснения должны быть выделены в отдельный параграф договора и подписаны собственником отдельной подписью.

Данный подход, по нашему мнению, является своего рода способом защиты жилищных прав граждан в рамках владения, пользования и распоряжения своим жилым объектом.

Выводы

Подводя итог, отметим, что признак изолированности жилого помещения представляет собой сложное и многогранное понятие, имеющее большое значение как для теории права, так и для практики. Для повышения правовой определенности и эффективности его применения требуется системное совершенствование нормативной базы, изменение подхода к оформлению купли-продажи квартир и домов со свободной планировкой и выработка единых стандартов к пониманию признака изолированности. Решение данных задач будет способствовать развитию жилищного законодательства и укреплению гарантий жилищных прав граждан.

Список источников

1. Побережная И.Ю., Побережный С.Г., Щеткин Д.С. К вопросу о признаке пригодности для постоянно проживания в современном жилищном праве // Семейное и жилищное право. 2023. № 5. С. 34 – 36.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 22.04.2024, с изм. от 25.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.
3. Формакидов Д.А. О видах жилых помещений и их легальных дефинициях // Семейное и жилищное право. 2021. № 4. С. 38 – 42.
4. Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2005. С. 98 (автор главы – проф. Б.М. Гонгало).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.05.2019 по делу № 33-14132/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.
8. Письмо Минэкономразвития России от 24.02.2014 № Д23и-501) «О признании жилых и нежилых помещений изолированными или обособленными от других помещений в здании или сооружении для целей их государственного кадастрового учета» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Каблучков А. Новые главы ГК РФ о недвижимости // Юридический справочник руководителя. 2022. № 10. С. 58 – 63.
10. Сперанская Л. В. Особенности квартир свободной планировки // СПС «КонсультантПлюс». 2024.
11. Постановление Правительства РФ от 28.01.2006 № 47 (ред. от 28.09.2022) «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 6. Ст. 702.
12. Как выбрать удачную планировку квартиры. <https://blog.domclick.ru/nedvizhimost/post/kak-vybrat-udachnuyu-planirovku-kvartiry>

References

1. Poberezhnaya I.Yu., Poberezhny S.G., Shchetkin D.S. On the issue of the sign of suitability for permanent residence in modern housing law. Family and housing law. 2023. No. 5. P. 34 – 36.
2. Housing Code of the Russian Federation of 29.12.2004 No. 188-FZ (as amended on 22.04.2024, as amended on 25.04.2024). Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (part 1). Art. 14.
3. Formakidov D.A. On the types of residential premises and their legal definitions. Family and housing law. 2021. No. 4. P. 38 – 42.
4. Article-by-article commentary to the Housing Code of the Russian Federation. edited by P.V. Krasheninnikov. Moscow: Statut, 2005. P. 98 (author of the chapter – prof. B.M. Gongalo).
5. Civil Code of the Russian Federation (part two) of 01/26/1996 No. 14-FZ (as amended on 07/24/2023). Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.
6. Appellate ruling of the Moscow City Court of 05/24/2019 in case No. 33-14132/2019. SPS "ConsultantPlus".
7. Federal Law of 13.07.2015 No. 218-FZ (as amended on 14.02.2024) "On State Registration of Real Estate". Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29 (Part I). Art. 4344.
8. Letter of the Ministry of Economic Development of Russia dated 24.02.2014 No. D23i-501) "On Recognizing Residential and Non-Residential Premises as Isolated or Separated from Other Premises in a Building or Structure for the Purposes of Their State Cadastral Registration". SPS "ConsultantPlus".
9. Kabluchkov A. New Chapters of the Civil Code of the Russian Federation on Real Estate. Legal Handbook of the Manager. 2022. No. 10. P. 58 – 63.
10. Speranskaya L.V. Features of Free-Layout Apartments. SPS "ConsultantPlus". 2024.
11. RF Government Resolution of 28.01.2006 No. 47 (as amended on 28.09.2022) "On approval of the Regulation on recognizing premises as residential premises, residential premises as unfit for habitation, an apartment building as emergency and subject to demolition or reconstruction, a garden house as a residential building and a residential building as a garden house". Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 6. Art. 702.
12. How to choose a good apartment layout. <https://blog.domclick.ru/nedvizhimost/post/kak-vybrat-udachnuyu-planirovku-kvartiry>

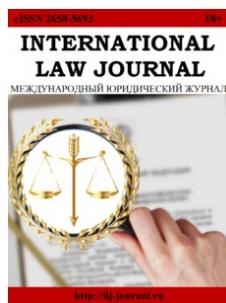
Информация об авторах

Побережная И.Ю., кандидат юридических наук, доцент, Белгородский университет кооперации, экономики и права, pobereznay@mail.ru

Побережный С.Г., кандидат юридических наук, Белгородский университет кооперации, экономики и права, serge-poberezhny@yandex.ru

Сухоносенко В.Д., аспирант, Белгородский университет кооперации, экономики и права, Sukhonosienko.vitalik@mail.ru

© Побережная И.Ю., Побережный С.Г., Сухоносенко В.Д., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.9

Типология личности преступника, совершающего преступления против несовершеннолетнего с использованием сети интернет

¹ Туркулец В.А., ¹ Туркулец И.А., ¹ Туркулец С.Е.,
¹ Дальневосточный государственный университет путей сообщения

Аннотация: в настоящей статье предпринята попытка комплексной типологизации личности преступника, совершающего преступления против несовершеннолетних с использованием сети Интернет. Целью исследования является углубленная уголовно-правовая и криминологическая характеристика субъекта, осуществляющего противоправные посягательства на несовершеннолетних посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет. На основе анализа результатов многолетних исследований в области криминологии, психологии, социологии, а также изучения практики правоприменения, в статье сконструированы основные типы личности преступников, специализирующихся на данном виде преступной деятельности. Особое внимание уделено анализу факторов, способствующих формированию девиантного поведения в онлайн-среде, таких как социальная дезадаптация, дефицит общения, влияние деструктивных субкультур и доступность анонимных коммуникационных каналов. Разработанная типология призвана служить теоретической и методологической основой для разработки комплекса профилактических мер, направленных на своевременное выявление лиц, демонстрирующих склонность к совершению преступлений против детей в киберпространстве. Результаты исследования могут быть использованы в деятельности правоохранительных органов, образовательных учреждений, социальных служб и других организаций, занимающихся вопросами защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в цифровой среде.

Ключевые слова: преступление, личность преступника, типология личности преступника, Интернет, несовершеннолетний

Для цитирования: Туркулец В.А., Туркулец И.А., Туркулец С.Е. Типология личности преступника, совершающего преступления против несовершеннолетнего с использованием сети интернет // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 54 – 62.

Поступила в редакцию: 19 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

Typology of the personality of a criminal who commits crimes against a minor using the Internet

¹ Turkulets V.A., ¹ Turkulets I.A., ¹ Turkulets S.E.,
¹ Far Eastern State Transport University

Abstract: this article attempts a comprehensive typologization of the personality of criminals who commit offenses against minors using the Internet. The aim of the research is an in-depth criminal law and criminological characterization of the subject perpetrating illegal encroachments against minors through the information and telecommunications network of the Internet. Based on an analysis of the results of many years of research in the fields of criminology, psychology, sociology, as well as a study of law enforcement practice, the article constructs the main personality types of criminals specializing in this type of criminal activity. Particular attention is paid to the analysis of factors contributing to the formation of deviant behavior in the online environment, such as social mal-

adjustment, lack of communication, the influence of destructive subcultures, and the availability of anonymous communication channels. The developed typology is intended to serve as a theoretical and methodological basis for the development of a set of preventive measures aimed at the timely identification of individuals demonstrating a propensity to commit crimes against children in cyberspace. The research results can be used in the activities of law enforcement agencies, educational institutions, social services, and other organizations dealing with the protection of the rights and legitimate interests of minors in the digital environment.

Keywords: crime, personality of the criminal, typology of the personality of the criminal, Internet, minor

For citation: Turkulets V.A., Turkulets I.A., Turkulets S.E. Typology of the personality of a criminal who commits crimes against a minor using the internet. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 54 – 62.

The article was submitted: October 19, 2024; Approved after reviewing: December 20, 2024; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Распространение информационных технологий во все области общественной жизни стало фундаментальным фактором развития современного общества. В то же время, подобно многим достижениям человечества, современные коммуникационные технологии и сопутствующие им сети создали новую среду, благоприятную для развития преступной деятельности.

Анонимность в социальных сетях создает условия, при которых интернет-преступники, опираясь на элементарные знания о психологии детей и подростков, могут эффективно реализовывать различные схемы манипулирования и совершения противоправных действий в отношении несовершеннолетних. Механизмы такого воздействия включают создание и распространение контента порнографического характера, психологическое давление и травлю (кибербуллинг), целенаправленное вовлечение в суицидальные группы («группы смерти») и другие деструктивные практики.

Интернет, как глобальная информационно-коммуникационная среда, служит каналом для рекрутирования несовершеннолетних в деятельность организаций, нарушающих действующее законодательство. К таким организациям относятся экстремистские и террористические сообщества, а также сети, осуществляющие незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ. Данный аспект представляет собой серьезную социальную проблему, поскольку вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность сопряжено с риском их социальной дезадаптации, криминализации и нанесения ущерба их психическому и физическому здоровью. Наибольшую уязвимость для подобных преступных посягательств демонстрируют пользователи информационно-телекоммуникационных ресурсов, обеспечивающих высокую степень анонимности и затрудняющих идентификацию злоумышленников. К таким ресурсам относятся *социальные сети* (платформы, предназначенные для общения и обмена информацией между пользователями, которые предоставляют широкие возможности для распространения деструктивной идеологии и установления контактов с потенциальными рекрутами); *видеохостинги* (ресурсы, позволяющие размещать и просматривать видеоконтент, которые могут использоваться для распространения пропагандистских материалов экстремистского и террористического характера, а также для демонстрации сцен насилия и жестокости); *мессенджеры*, к которым относятся приложения для обмена мгновенными сообщениями (они обеспечивают конфиденциальность общения и затрудняют контроль за содержанием переписки, что создает благоприятные условия для вербовки и координации преступной деятельности). Специфика интернет-среды, характеризующаяся трансграничностью, анонимностью и высокой скоростью распространения информации, создает дополнительные сложности для противодействия данному виду преступлений. Вербовка может осуществляться из любой точки мира, а распространяемые материалы могут достигать широкой аудитории за короткий промежуток времени.

Определяя факторы, способствующие вовлечению несовершеннолетних в противоправную деятельность через интернет, следует особо отметить социальную неустроенность и дефицит общения, потребность подростков в самоидентификации и принадлежности к группе, любопытство и стремление к острым ощущениям, а также манипулятивное воздействие со стороны вербовщиков.

В условиях дальнейшего развития технологий необходимо укреплять механизмы защиты несовершеннолетних в цифровой среде. Это включает как развитие технологий для выявления и предотвращения незаконных действий, так и совершенствование законодательной базы, регулирующей ответственность за подобные преступления. Важную роль в контексте рассматриваемой темы играют превентивные меры, направленные на повышение осведомленности детей, подростков и их родителей о потенциальных рисках

и методах самозащиты в интернете. Также необходимо активное сотрудничество между государственными структурами, образовательными учреждениями и международными организациями для обмена информацией и разработки совместных стратегий борьбы с интернет-преступностью. Защита интересов несовершеннолетних в сети требует комплексного подхода, включающего технические, образовательные и правовые меры, чтобы создать безопасную и благополучную цифровую среду для молодежи.

Для формирования комплекса эффективных мер, направленных на предотвращение и пресечение интернет-преступлений, жертвами которых становятся несовершеннолетние, первостепенное значение имеет обращение к криминологической характеристики данного вида преступности. Эта характеристика включает в себя, во-первых, анализ типологии личности интернет-преступников, что позволяет создать их психологический портрет и прогнозировать их действия. Во-вторых, необходимо тщательное изучение целей и мотивов, которыми руководствуются преступники при совершении противоправных деяний в сети Интернет. Полученные данные позволят разработать адресные профилактические программы и усовершенствовать методы оперативно-розыскной деятельности.

Материалы и методы исследований

Материалы, положенные в основу статьи, были получены посредством использования таких научных методов, как анализ, систематизация, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. В целях типологизации лиц, совершающих преступления против несовершеннолетних в Интернете, был применен статистический метод. Кроме того, для получения наиболее полной и объективной информации для последующей типологизации были задействованы такие эмпирические методы, как экспертный опрос и интервью. Все это позволило выявить характеристики, которые легли в основу классификации типов личности преступников: возраст, склонность к манипулятивному поведению, коммуникативные способности, сфера профессиональной деятельности, круг интересов.

Результаты и обсуждения

Под личностью преступника принято понимать совокупность социально-биологических, нравственно-психологических и уголовно-правовых характеристик лица, совершившего преступление, в котором отразилось его асоциальное поведение [1].

Социально-биологические характеристики включают в себя как биологические, так и социальные факторы, влияющие на формирование личности и ее девиантное поведение. Важно подчеркнуть, что биологические факторы не являются детерминирующими, а лишь создают определенную предрасположенность, которая реализуется или нивелируется под воздействием социальной среды. Вместе с тем, биологические факторы имеют немаловажное значение, к ним относятся генетические факторы (генетика не предопределяет преступное поведение, а лишь создает определенные предпосылки); физиологические особенности (особенности нервной системы, гормональный фон, наличие физических дефектов или заболеваний, которые могут влиять на поведение и социальную адаптацию); возраст и пол (статистически определенные возрастные и половые группы демонстрируют разную криминальную активность, например, пик преступности часто приходится на подростковый и юношеский возраст). К социальным факторам следует отнести социальную среду (семья, ближайшее окружение, образовательные учреждения, микрорайон проживания); особенности процесса социализации (нарушения в процессе социализации, усвоение асоциальных установок и стереотипов поведения могут привести к преступному поведению); социальные роли и статусы (положение человека в обществе, его профессиональная деятельность, социальные связи).

Нравственно-психологические характеристики включают в себя внутренние установки, ценности, мотивы и психологические особенности личности, которые непосредственно влияют на принятие решения о совершении преступления. Нравственные установки - это система ценностей, моральные принципы, представления о добре и зле. У преступников часто наблюдается деформация нравственных установок, нигилизм, оправдание насилия и других форм девиантного поведения. К психологическим особенностям относятся: мотивация (материальная выгода, месть, зависть, потребность в самоутверждении и др.); эмоционально-волевая сфера (особенности эмоциональных реакций, способность к самоконтролю, уровень агрессивности, импульсивность); когнитивные процессы (особенности мышления, восприятия, памяти); характер и темперамент (индивидуальные особенности личности, определяющие ее поведение).

Уголовно-правовые характеристики предполагают юридически значимые признаки, связанные с совершенным преступлением и его последствиями. Это, прежде всего, характер и тяжесть совершенного преступления; форма вины; мотивы и цели преступления; рецидив и роль в совершении преступления (соучастие, организатор, исполнитель и др.).

В криминологической и психологической науке XX-XXI веков вопросам изучения личности преступника уделяется существенное внимание. Коллектив исследователей под руководством профессора Б.С. Вол-

кова применил дифференцированный подход к изучению данной проблемы, рассматривая как общие психологические закономерности, присущие лицам, совершившим преступления, так и специфические характеристики, свойственные отдельным категориям преступников, таким как убийцы, рецидивисты-хулиганы и лжесвидетели [2].

Монография под редакцией В.Н. Кудрявцева [3] внесла значительный вклад в понимание личности преступника. Данное исследование посвящено детальному изучению компонентов, составляющих личность преступника, и факторов, оказывающих влияние на ее формирование. В работе также рассматривается вопрос о том, каким образом те или иные личностные характеристики могут учитываться при назначении наказания. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию мотивов и обстоятельств, приводящих к совершению преступлений, что имеет важное практическое значение для разработки и совершенствования мер по предупреждению преступности.

В начале 2000-х годов Е.Б. Кургужиной [4] исследовалась теория формирования личности преступника, ее структура и особенности формирования в отличие от личности правопослушного гражданина. Кроме того, автор на основе полученных знаний разработала и предложила систему мер индивидуальной профилактики преступного поведения.

Исследования, проведенные под руководством Ю.М. Антоняна, выявили ряд дифференцирующих признаков личности преступника по сравнению с законопослушным гражданином, включая особенности темперамента и характера, интеллектуально-психологические характеристики (когнитивные способности, знания, умения, навыки, мировоззрение и система отношений), нравственные качества и ценностные ориентации, а также социально-психологические аспекты жизненного пути [5].

В рамках настоящего исследования, основанного на многолетнем опыте работы, разработана новая типология личности преступника, совершающего преступления против несовершеннолетних с применением сети Интернет, что вносит существенный вклад в изучение данной проблематики:

1) «Мессия». Речь идет об индивидууме, достигшем шестнадцатилетнего возраста, использующем социальные сети и мессенджеры с целью вовлечения, преимущественно несовершеннолетних, в деструктивные онлайн-сообщества, известные как «группы смерти». Данные сообщества характеризуются распространением информации деструктивного характера, затрагивающей тематику смерти, включая депрессивные состояния, чувство одиночества, сцены насилия, изображения крови, суицидальные намерения и акты, и направлены на склонение участников к самоубийству или иным формам аутодеструктивного поведения, наносящим вред их жизни и здоровью. Указанные лица нередко демонстрируют нарциссические черты и проявления «комплекса бога», что выражается в пренебрежительном отношении к окружающим и убежденности в собственной исключительности и выполнении некой «миссии» по «очищению» общества от, по их субъективному мнению, нежелательных элементов. В процессе реализации деструктивных намерений «мессия» использует широкий спектр манипулятивных техник, включая психологическое давление и угрозы, в том числе распространение дискредитирующей информации или применение физического насилия в отношении жертвы или ее ближайшего социального окружения. Данные методы направлены на подавление воли жертвы, формирование чувства страха и зависимости, а также на предотвращение обращения за помощью. Формирование данного типа личности, как правило, детерминировано неблагоприятными условиями семейной социализации, характеризующимися наличием элементов асоциального поведения со стороны родителей, опекунов или иных законных представителей, а также эпизодами психического и/или физического насилия в детском возрасте. Пережитый травматический опыт, связанный с насилием и депривацией, оказывает существенное влияние на формирование деструктивных поведенческих паттернов и искаженное восприятие социальных норм. Организация деструктивной групповой деятельности или побуждение других лиц к суицидальным действиям выступает для таких индивидов в качестве своеобразной компенсаторной стратегии, направленной на нивелирование последствий пережитых в детстве психотравм, достижение субъективного самоутверждения и возвышения над теми, кого они воспринимают как «узвимых» или «неполноценных». Такая деятельность позволяет им демонстрировать мнимое превосходство и контролировать других, что, по их мнению, компенсирует чувство собственной неполноценности и беспомощности, пережитое в прошлом.

Для лиц, реализующих подобную «мессианскую» или «спасительскую» роль, характерно совершение преступлений, представляющих непосредственную угрозу для жизни и здоровья несовершеннолетних. К таким преступлениям относятся доведение до самоубийства или склонению к самоубийству, создание и управление деструктивными группами в социальных сетях, распространение суицидального контента, вовлечение несовершеннолетних в опасные игры и практики.

2) «Экстремал». Речь идет о совершеннолетнем индивиде, осуществляющем склонение или вовлечение несовершеннолетних в деятельность, сопряженную с явным противоправным характером и угрозой для жизни. Данная деятельность может включать в себя экстремальные или асоциальные формы досуга, такие как экстремальные игры, например, «Беги или умри» (пересечение проезжей части перед движущимся транспортным средством), руфинг (несанкционированное проникновение на крыши высотных зданий, в том числе с целью осуществления фото- и видеосъемки), трейнсерфинг (проезд на крышах железнодорожного транспорта), зацепинг (проезд на внешних элементах транспортных средств общего пользования, таких как поезда, троллейбусы, трамваи) и другие. Мотивационная сфера данных лиц характеризуется стремлением к получению острых ощущений, связанных с риском для собственной жизни и жизни других людей. Удовлетворение от создания опасных ситуаций и вовлечения в них окружающих, в том числе несовершеннолетних, является для них доминирующим мотивом. Данное поведение может проявляться в различных формах экстремального или асоциального досуга, где фактор опасности является определяющим.

3) «Кладмен». Здесь речь идет о личности, достигшей возраста шестнадцати лет, осуществляющей целенаправленное склонение несовершеннолетних к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Деятельность данных лиц, часто обозначаемых в обиходе как «кладмены», выходит за рамки простого предложения или продажи наркотических веществ. Их стратегия направлена на формирование у подростков устойчивой зависимости, что предполагает последовательное и манипулятивное воздействие. Ключевой целью данного воздействия является создание у несовершеннолетнего не только желания, но и психологической зависимости от психоактивных веществ. «Кладмен» использует различные методы для установления контакта с подростком, часто используя социальные сети, онлайн-игры или другие цифровые платформы. На этом этапе он стремится завоевать доверие, представляясь дружелюбным и понимающим. «Кладмен» может предложить бесплатную дозу или создать ситуацию, в которой употребление наркотика будет ассоциироваться с положительными эмоциями, такими как ощущение принадлежности к группе, снятие стресса или повышение самооценки. По мере развития зависимости «кладмен» начинает использовать различные манипулятивные техники, чтобы поддерживать потребление наркотиков. Он может использовать чувство вины, страха или стыда, чтобы заставить подростка покупать наркотики снова и снова. На определенном этапе «кладмен» может предложить подростку самому заняться распространением наркотиков среди сверстников. Это позволяет ему расширить свою «сеть» и снизить собственные риски. Важно отметить, что «кладмен» не просто продает наркотики, он создает целую систему, направленную на эксплуатацию несовершеннолетних. Он использует их психологическую уязвимость, неокрепшую психику и потребность в признании для достижения своих целей. Характерной чертой данного типа личности является употребление запрещенных веществ. Распространение наркотиков может служить для «кладмена» способом повышения собственной значимости и компенсации личных проблем. Помимо этого, «кладмены» обладают развитыми навыками манипулирования, установления доверительных отношений и оказания психологического давления. Они умеют выявлять слабые места своих жертв и использовать их в своих целях.

4) «Парафилер». Как правило, это совершеннолетнее лицо, преимущественно мужского пола, испытывающее выраженные эмоциональные затруднения, обусловленные наличием парафилий, таких как педофилия (включая инфантофилию – сексуальное предпочтение детей препубертатного возраста, в частности, до пяти лет), софофилия (получение сексуального удовлетворения от просвещения других лиц в сексуальных вопросах), вуайеризм, эксгибиционизм и другие, не оказывающие влияния на вменяемость. Лица, имеющие диагностированные парафилии, нередко демонстрируют тенденцию к социальной изоляции и могут испытывать сложности в процессе социальной адаптации. Семейное положение не является определяющим фактором для данного расстройства. Это может быть человек, состоящий в браке и скрывающий, либо наоборот разделяющий свои «особые» сексуальные предпочтения с супругом [6]. Изучаемый субъект, внешне демонстрируя социальную адаптацию и благопристойность, тщательно ограждает свою личную жизнь от посторонних. В онлайн-среде, особенно в социальных сетях, он прибегает к различным ролевым моделям, представляясь подростком (включая гендерную инверсию), «сэмпаем» (старшим товарищем, наставником), или профессором (эрудированным и современным интеллектуалом). Его поведенческая стратегия характеризуется гиперпротекцией, выражющейся в навязчивом предложении помощи и советов, в том числе интимного характера. Возможно наличие профессионального опыта в сфере образования или психологической помощи. В качестве основного инструментария для осуществления преступных действий используются интернет-платформы, позволяющие устанавливать контакт с потенциальными жертвами и преодолевать психологические и морально-этические ограничения. Доминирующим мотивом преступлений выступает стремление к удовлетворению патологических сексуальных влечений. «Парафилер» устанавливает контакт

с несовершеннолетними, преимущественно в возрасте до 14 лет преимущественно в социальных сетях, в частности, в тематических группах и онлайн-сообществах, посвященных популярным среди подростковой аудитории темам, таким как литература, аниме, кинематограф, музыка и другие. Последующее общение, как правило, переводится в формат личной переписки. Дальнейшая стратегия характеризуется применением техник «груминга», направленных на постепенное склонение потенциальной жертвы к обсуждению тем, связанных с половыми отношениями и сексуальной сферой, включая предложения о сексинге (обмен эротическими изображениями и сообщениями сексуального характера). Предпринимаются попытки перевода коммуникации в онлайн-формат, что создает потенциальную угрозу для безопасности несовершеннолетнего. Нередко предлагается оказание определенных «услуг» за материальное или иное вознаграждение, в том числе отправка фото- или видеоматериалов интимного содержания («секслинг») или проведение онлайн-трансляций («стримов») с демонстрацией действий сексуального характера (имитация полового акта, демонстрация самоудовлетворения, обнажение перед камерой и т.п.).

5) «Кукловод». В рамках данного исследования рассматривается категория лиц в возрасте 16 лет и старше, независимо от гендерной принадлежности, осуществляющих посредством интернет-коммуникаций целенаправленное воздействие на несовершеннолетних, преимущественно в возрасте до 14 лет, с целью их вовлечения в создание и распространение материалов порнографического содержания, в том числе с непосредственным участием последних. Данный тип личности характеризуется развитыми коммуникативными навыками и способностью к установлению межличностного контакта с различными социальными группами, включая несовершеннолетних. Отмечается выраженная ориентация на получение незаконной финансовой прибыли, сопряженная с демонстрацией предпринимательских качеств. При этом «кукловод» демонстрирует полное игнорирование морально-этических норм, общепринятых социальных ценностей и требований действующего законодательства, рассматривая создание и распространение детской порнографии исключительно в качестве источника дохода. Первоначальная стратегия поведения данного типа лиц может имитировать действия, характерные для индивидов с парафильическими расстройствами. Данная стратегия заключается в установлении доверительных отношений с несовершеннолетними, особенно с детьми младшего подросткового возраста (до 14 лет). На данном этапе «куловод» стремится к формированию эмоциональной связи с потенциальной жертвой, создавая иллюзию дружеских или наставнических отношений. Данный процесс включает в себя активное установление контакта (использование различных онлайн-платформ (социальные сети, мессенджеры, онлайн-игры) для поиска и установления контакта с несовершеннолетними; создание благоприятного впечатления (демонстрация интереса к увлечениям и проблемам ребенка, проявление эмпатии и понимания); использование лести и комплиментов; предложение помощи и поддержки (порой создание ситуации, в которой ребенок чувствует себя обязанным субъекту)). После установления устойчивых доверительных отношений субъект переходит к этапу непосредственного склонения несовершеннолетнего к участию в создании материалов эротического или порнографического содержания. Данный этап предполагает постепенное повышение уровня откровенности в общении, предложение обмена фото и видео материалами с постепенным переходом от нейтральных тем к обсуждению сексуальных вопросов, стимулирование ребенка к отправке собственных изображений или видеозаписей. Впоследствии «кукловод» осуществляет психологическое давление с использованием чувства вины, стыда или страха для принуждения к участию в создании контента. Мотивация осуществляется посредством обещаний финансовой выгоды, популярности и социального успеха, апеллируя к потребностям и желаниям, свойственным данному возрастному периоду. По мере развития взаимодействия, эротический контент постепенно трансформируется в откровенно порнографический. «Кукловод» начинает давать «режиссерские» указания, контролируя процесс создания контента. Он диктует сценарий и действия, которые должны быть выполнены несовершеннолетним; дает указания по выбору освещения, композиции кадра, ракурсу съемки и другим техническим параметрам; контролирует выбор одежды, макияжа, прически и других элементов образа несовершеннолетнего.

Таким образом, «кукловод» не только вовлекает несовершеннолетнего в создание порнографического контента, но и осуществляет полный контроль над этим процессом, используя манипулятивные техники и эксплуатируя его уязвимое положение.

6) «Провокатор». Это совершенолетнее лицо, обладая высоким уровнем манипулятивных способностей и принадлежа к типу «калькуляторов» (действующих расчетливо и эгоистично), может использовать свое профессиональное положение (врач, учитель, психолог, социальный педагог и т.д.) для установления контакта с целевой аудиторией. Поиск несовершеннолетних осуществляется, в том числе, с использованием онлайн-ресурсов, при этом особое внимание уделяется лицам, находящимся в социально и психологически уязвимом положении. К факторам уязвимости относятся: наличие проблем в семье, социальной среде и/или

образовательном учреждении; дефицит внимания и одобрения со стороны окружающих; подверженность влиянию и манипуляциям; стремление к повышению социального статуса в глазах собеседника; открытое выражение негативного отношения к общественным нормам и моральным принципам.

Главная цель – заставить несовершеннолетних совершать преступления вместо себя, чтобы извлечь выгоду без риска быть пойманым и нести наказание. «Провокатор» использует подчиненных, несовершеннолетних, как исполнителей своих злонамеренных планов, вынуждая их совершать преступления, в то время как сам остается в тени, избегая личной ответственности.

7) «Социопат». К данному типу следует отнести психически зрелое совершенолетнее лицо, манипулирующее несовершеннолетними с целью склонения к различного рода девиациям. Склонение к девиантному поведению, такому как употребление алкоголя, наркотиков, курение, бродяжничество и другие формы социальной дезадаптации, осуществляется посредством убеждения, оскорблений, угроз и других манипулятивных приемов, в том числе с использованием онлайн-ресурсов. Необходимо отметить, что «социопат» сам может вести асоциальный образ жизни, иметь проблемы с законом, страдать от различных зависимостей (алкогольная, наркотическая, игровая). Это создает дополнительный фактор риска для несовершеннолетних, так как они попадают под влияние человека, не имеющего устойчивых социальных связей и ценностей. «Социопат», позиционируя себя как противника общепринятых норм, перекладывает ответственность за свои поступки на внешнее окружение (родственников, коллег, работодателей, государственные структуры, общество). При этом перед несовершеннолетними он стремится создать положительный образ. Злоумышленник активно участвует в интернет-пространстве, чтобы искать и убеждать молодых людей в совершении недопустимых действий, используя различные способы воздействия, от угроз.

8) «Кибербуллر». Это субъект, достигший шестнадцатилетнего возраста, характеризующийся устойчивой мотивацией к нанесению психологического вреда другим лицам, особенно несовершеннолетним, выражающимся в систематической травле и оскорблении. В большинстве случаев он имеет опыт переживания травли, обусловленной различными факторами, такими как особенности внешности, физические недостатки, нарушения речи, социально-экономическое положение семьи, национальная принадлежность и другие признаки, подвергающиеся дискриминации. Интернет-пространство используется им как инструмент для осуществления преступной деятельности, включая планирование, организацию и совершение актов кибербуллинга. Выбор жертвы может носить как случайный характер (например, на основании не понравившегося комментария на онлайн-платформе, аватара, имени пользователя и т.д.), так и целенаправленный, когда в качестве объекта травли выступает знакомый субъекту несовершеннолетний из реального социального окружения или лицо, уже ставшее объектом активного обсуждения в сети Интернет. «Кибербуллр» систематически подвергает жертву психологическому насилию в сети, используя для этого различные методы, включая публичное унижение, распространение ложных слухов и компрометирующих материалов, что приводит к серьезным эмоциональным травмам. Также он нередко использует так называемые «фотожабы» – ретушированные карикатуры жертвы. «Кибербуллр» находит удовольствие в чужих страданиях, особенно когда жертва пытается восстановить свою репутацию, что в условиях стремительного распространения информации в сети практически невозможно. Основными мотивами кибербуллинга являются желание компенсировать собственные комплексы за счет унижения других, стремление к доминированию и утверждению собственной значимости.

9) «Инсайдер». Это такой тип личности, представители которого, обладая должностными полномочиями, предполагающими доступ к персональным данным третьих лиц (включая несовершеннолетних), используют данное служебное положение для реализации преступных намерений. Механизм совершения противоправных действий в данном случае включает в себя неправомерное получение конфиденциальной информации в силу занимаемой должности и последующее использование этих сведений для осуществления преступлений. Данные преступления, как правило, совершаются по одному из двух сценариев: субъект, мотивированный личной заинтересованностью (корыстной или иной), самостоятельно использует доступную ему информацию для совершения противоправных действий; либо он передает конфиденциальную информацию третьему лицу, которое впоследствии использует ее для совершения преступления. В данном случае «инсайдер» выступает в роли соучастника, предоставляя необходимые сведения. Типичным примером субъекта, попадающего под данную категорию, является сотрудник организации, предоставляющей услуги доступа к сети Интернет (интернет-провайдер) или оператора мобильной связи. Специфика деятельности данных организаций предполагает обработку большого объема персональных данных пользователей, включая конфиденциальную информацию о личной жизни, финансовом положении, местонахождении и т.д. Доступ к данной информации, обусловленный должностными обязанностями, создает потенциальную возможность для злоупотреблений. Мотивация преступных действий в большинстве случаев носит

корыстный характер и связана со стремлением к получению материальной выгоды. Однако, следует отметить, что не исключены случаи, когда мотивацией выступают и иные личные интересы, такие как личная неприязнь или месть; любопытство, шантаж и вымогательство. Важно подчеркнуть, что доступ к персональным данным несовершеннолетних представляет особую опасность, поскольку данная категория лиц является более уязвимой и подверженной негативному воздействию. Использование персональных данных несовершеннолетних в противоправных целях может привести к серьезным последствиям, таким как кибербуллинг и онлайн-преследование, сексуальная эксплуатация и совращение, мошенничество и кража личных данных.

Анализ показывает, что основы для формирования личности преступников, совершающих преступления против несовершеннолетних в сети, закладываются преимущественно в юношеском возрасте. Негативные факторы, такие как неблагоприятная семейная обстановка, подверженность насилию и различные виды дефицитов в развитии, способствуют формированию сложных личностных структур. При этом в реальности редко встречаются «чистые» типы, чаще наблюдается сочетание различных черт, например, «мессия-кибербуллер», «мессия-экстремал» или «парафилер-кукловод».

Выводы

Разработанная классификация обладает прогностическим и превентивным потенциалом в контексте противодействия преступлениям против детей в сети Интернет. В частности, она обеспечивает основу для разработки профилактических стратегий, направленных на выявление индивидов, склонных к совершению подобных действий. Более того, данная классификация позволяет конструировать алгоритмы, способные к прогнозированию и предотвращению деструктивного влияния на несовершеннолетних пользователей социальных сетей с использованием передовых технологий, таких как искусственный интеллект.

Несмотря на то, что вопросы, связанные с необходимостью профилактики преступлений против несовершеннолетних, в том числе с использованием информационных технологий, обсуждаются регулярно на научных форумах различного уровня, в публичной научной печати [6, 7, 8], они остаются во многом нереальными и требуют к себе пристального внимания.

Проведенное исследование подчеркивает необходимость непрерывного изучения взаимосвязи между технологическим развитием и преступностью. Появление новых типов преступников и форм противоправного поведения требует проведения углубленных исследований для разработки эффективных стратегий противодействия. В контексте противодействия киберпреступлениям, направленным против несовершеннолетних, необходим комплексный подход, включающий в себя не только совершенствование правоохранительных мер, но и проведение масштабных просветительских кампаний среди детей, подростков и их родителей. Особое внимание следует уделить формированию у подрастающего поколения критического мышления и навыков безопасного поведения в цифровой среде.

Список источников

1. Личность преступника и профилактика преступлений / под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2021. С. 6 – 14.
2. Личность преступника (уголовно-правовое и криминологическое исследование) / под ред. Б.С. Волкова. Казань: Издательство Казанского университета, 1972. 187 с.
3. Личность преступника / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Юридическая литература, 1975. 270 с.
4. Кургузкина Е.Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2003. 60 с.
5. Штурма Я. Был всего год: дочь экс-чиновника подозревают в педофилии. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/02/18/12965635.shtml> (дата обращения: 20.08.2024)
6. Туркулец В.А. Использование социологического метода в криминологии (на примере анализа деструктивного поведения молодежи в Интернете) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2021. № 2 (55). С. 46 – 55.
7. Туркулец В.А. Сексинг в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовой и виктимологический аспекты // Юридические исследования. 2020. № 5. С. 1 – 11.
8. Туркулец В.А. Уголовно-правовая защита несовершеннолетних от кибербуллинга // Молодые ученые – Хабаровскому краю: Материалы XXIII краевого конкурса молодых ученых. Хабаровск, 2021. С. 76 – 81.

References

1. The Personality of the Criminal and Crime Prevention.edited by Yu. M. Antoneyan. Moscow, 2021. P. 6 – 14.
2. The Personality of the Criminal (Criminal-Legal and Criminological Research) / edited by B. S. Volkov. Kazan: Kazan University Publishing House, 1972. 187 p.
3. The Personality of the Criminal. edited by V.N. Kudryavtsev. Moscow: Legal Literature, 1975. 270 p.
4. Kurguzkina E. B. Theory of the Personality of the Criminal and Problems of Individual Crime Prevention: Abstract of Doctor of Law. Moscow, 2003. 60 p.
5. Shturma Ya. It Was Only a Year Old: The Daughter of an Ex-Official Is Suspected of Pedophilia. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/02/18/12965635.shtml> (date accessed: 20.08.2024)
6. Turkulets V.A. Use of the sociological method in criminology (on the example of the analysis of destructive behavior of young people on the Internet). Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2 (55). P. 46 – 55.
7. Turkulets V.A. Sexting against minors: criminal-legal and victimological aspects. Legal research. 2020. No. 5. P. 1 – 11.
8. Turkulets V.A. Criminal-legal protection of minors from cyberbullying. Young scientists – Khabarovsk Krai: Materials of the XXIII regional competition of young scientists. Khabarovsk, 2021. P. 76 – 81.

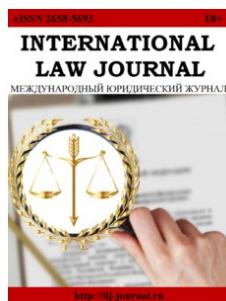
Информация об авторах

Туркулец В.А., кандидат юридических наук, доцент, SPIN-код: 4150-1053, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, turvalin@yandex.ru

Туркулец И.А., кандидат филологических наук, доцент, SPIN-код: 3126-8817, Дальневосточного государственного университета путей сообщения, ivan.turkulets@mail.ru

Туркулец С.Е., доктор философских наук, профессор, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, SPIN-код: 1189-2070, turswet@rambler.ru

© Туркулец В.А., Туркулец И.А., Туркулец С.Е., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.72.036.1

Критерий возможности влияния на результаты голосования при оспаривании решений органов управления юридическими лицами (п. 4 ст. 181.4 ГК РФ)

¹ Васильев А.Н.,
¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена теоретико-практическому анализу установленного п. 4 ст. 181.4 ГК РФ критерия наличия у участника корпорации, оспаривающего принятие решение собрания, возможности влиять на принимаемое решение в качестве обязательного условия удовлетворения подобных исков. В приведен анализ практических примеров применения такого критерия, по результатам которого констатируется недостаточная определенность в содержании такого критерия. Автор обосновывает тезис о том, что критерий наличия возможности влиять на принимаемые решения собрания не является по своей сути линейным и не зависит исключительно от количества голосов участника корпорации, поскольку может предопределяться иными факторами. В завершение анализа в работе сформулированы предложения по совершенствованию текущей правоприменительной практики.

Ключевые слова: решения собраний, оспаривание решения собраний, критерий влияния на решение, возможность влиять на решение, недействительность решения собрания, корпоративное управление, судебная практика

Для цитирования: Васильев А.Н. Критерий возможности влияния на результаты голосования при оспаривании решений органов управления юридическими лицами (п. 4 ст. 181.4 ГК РФ) // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 63 – 67.

Поступила в редакцию: 20 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 22 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

The criterion of the possibility of influencing the voting results when challenging the decisions of the governing bodies of legal entities (clause 4 of Article 181.4 of the Civil Code of the Russian Federation)

¹ Vasiliev A.N.,
¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to a theoretical and practical analysis of the criterion established by clause 4 of Article 181.4 of the Civil Code of the Russian Federation for a member of a corporation challenging a decision of the meeting to be able to influence the decision as a prerequisite for the satisfaction of such claims. The article provides an analysis of practical examples of the application of such a criterion, the results of which state the lack of certainty in the content of such a criterion. The author substantiates the thesis that the criterion of being able to influence the decisions of the meeting is not inherently linear and does not depend solely on the number of votes of a corporation participant, since it may be determined by other factors. At the end of the analysis, the paper formulates proposals for improving current law enforcement practice.

Keywords: decisions of the meetings, challenging the decision of the meetings, the criterion of influencing the decision, the ability to influence the decision, the invalidity of the decision of the meeting, corporate governance, judicial practice

For citation Vasiliev A.N. The criterion of the possibility of influencing the voting results when challenging the decisions of the governing bodies of legal entities (clause 4 of Article 181.4 of the Civil Code of the Russian Federation). International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 63 – 67.

The article was submitted: October 20, 2024; Approved after reviewing: December 22, 2024; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Цель исследования – изучение особенностей применения установленного п. 4 ст. 181.4 ГК РФ критерия наличия возможности влиять на принимаемое решение собрания, а также разработка предложений по совершенствованию текущей правоприменительной практики

Задачи – на основе анализа научной литературы, законодательства и судебной практики выявить и осуществить критический анализ текущих подходов к применению установленного п. 4 ст. 181.4 ГК РФ критерия наличия возможности влиять на принимаемое решение собрания, разработав предложения по улучшению правоприменительной практики

Гипотеза – содержащийся в п. 4 ст. 181.4 ГК РФ критерий наличия возможности влиять на принимаемое решение собрания является по своему юридико-техническому содержанию недостаточно определенным, что объясняется отсутствием конкретики и единобразия в понимании "возможности влиять" на принимаемое на собрании органа управления решения. По этой причине представляется целесообразным выработать ряд критериев (тестов), установление которых могло бы выступать ориентиром для установления при разрешении споров наличия либо отсутствия у истца возможности оказывать влияние на принимаемое решение собрания. Кроме того, такие же результаты могут быть достигнуты с помощью применения доказательственных презумпций, за счет которых облегчалось бы доказывание самого факта наличия либо отсутствия возможности влиять на принимаемое решение собрания.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, отечественного и иностранного законодательства.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная литература, материалы судебной практики.

Результаты и обсуждения

Гражданско-правовой институт оспаривания решений собраний обладает повышенной значимостью в контексте корпоративных правоотношений, опосредующих участие в юридических лицах, основанных на членстве, а также управление ими. Такое положение вещей объясняется тем, что большинство наиболее значимых управлеченческих решений, влекущих существенный экономические и юридические последствия для самой компании и её участников, принимаются именно путем голосования коллегиальным органом управления в виде общего собрания, совета директоров или иного – например, таким образом принимаются решения о ликвидации и организации компании, о назначении и отстранении от должности единоличного исполнительного органа (директора), о распределении прибыли, о внесении изменений в устав, а также ряд иных важных корпоративных решений [1].

Очевидно, что принимаемые коллегиальными органами корпоративного управления решения могут противоречить закону, что оправдывает необходимость предоставления заинтересованным лицам, прежде всего – лицам, имеющим право принимать участие в таком голосовании (участники, акционеры и иные члены корпораций) возможности эффективно оспаривать принимаемые решения собраний в целях дезавуирования правового эффекта и экономико-социальных последствий неправомерно принятого решения. По этой причине гражданское законодательства, в частности нормы главы 9.1 ГК РФ [2] вкупе со специализированным правовым регулированием, предусматривает возможность оспаривания принятых решений собраний.

Говоря об основаниях для признания решения собрания недействительным, которые предусмотрены положениями статей 181.4 и 181.5 ГК РФ, представляется возможным их условное деление на три группы: основания, связанные с незаконностью содержания решения (например, решение принято по вопросу, не относящемуся к компетенции органа); связанные с незаконностью порядка принятия решения (например, решение принято по не включенному в повестку дня вопросу); связанные с незаконностью формы решения (например, нарушение правила составления протокола собрания) [3].

Приводя практический пример действия механизма оспаривания решения собрания органа управления компанией, можно привести рассмотренное Девятым арбитражным апелляционным судом дело N A40-116265/2014, в рамках которого апелляционный суд изменил решение суда первой инстанции и признал недействительным решение общего собрания акционеров акционерного общества по вопросам распределения прибыли, назначения аудитора и избрании совета директоров, что было обусловлено тем, что воля majorityного акционера общества с 99,75% пакетом акций была направлена на голосование против принятия такого решения [4].

В то же время, несмотря на разнообразие оснований для признания решений собрания недействительными, закон устанавливает ряд ограничений, препятствующих в определенных случаях удовлетворению исков о признании решения собрания недействительным. При этом наибольший интерес представляет установленное п. 4 ст. 181.4 ГК РФ правило о том, что решение собрания не может быть оспорено в случае, когда заинтересованное лицо не могло повлиять на оспариваемое решение и принятое решение не влечет существенных неблагоприятных последствий для такого лица.

Прежде всего, следует отметить, что сам по себе критерий "возможности влиять на принятое решение", несмотря на свою кажущуюся простоту, является довольно неопределенным по своему содержанию, что вызывает сложности для теории и правоприменительной практики. Остановимся на данном вопросе подробнее, разобрав причины и проявления такой неопределенности.

С одной стороны, возможность влияния на принятое решение тесно ассоциируется с количеством голосов участника корпорации, поскольку от этого напрямую зависит, может ли такой участник повлиять на сам результат решения собрания с точки зрения голосования принадлежащими ему долями (акциями) [5]. Такая линейная логика представляется верной и её применение зачастую прослеживается в судебных актах. Например, в рамках дела N A40-250451/2023 Арбитражный суд Московского округа оставил в силе судебные акты, которыми было отказано в иске участника общества с ограниченной ответственностью, обладающего долей в 33,3% в уставном капитале, об оспаривании решения собраний со ссылкой на то, что такой участник в любом случае не мог повлиять на результат голосования [6].

Однако, представляется, что сам критерий возможности влиять на принятое на собрании решение является менее определенным, поскольку такое влияние может выражаться не только в непосредственном участии лица в голосовании, но и в иных факторах, способных прямо или косвенно предопределить принимаемое коллегиальным органом решение.

Например, в рамках одного дела, результат рассмотрения которого был включен в пункт 5 тематического Обзора судебной практики Верховного Суда РФ, посвященного вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах [7], была сформулирована позиция о необходимости признания решения общего собрания акционеров недействительным в связи с существенным нарушением порядка созыва акционеров, даже если размер доли неизвестного акционера-истца является незначительным (в данном деле акционеру принадлежал 1% голосующих акций компании).

По нашему мнению, суть такого правоприменительного подхода может заключаться в двух вариантах – либо как de facto отменяющего правило п. 4 ст. 181.4 ГК РФ, либо как изменяющее толкование данного правила, сужая сферу его действия за счет признания факта того, что возможность влиять на решение собрания может выражаться не только в количестве голосов участника собрания, но и в иных факторах.

Представляется, что верным пониманием вышеприведенной позиции Обзора будет второй вариант, поскольку в рамках описанного в Обзоре дела суды фактически применили п. 4 ст. 181.4 ГК РФ, не изменяя (корректируя) содержание данной нормы своим толкованием, а лишь указали на важность соблюдения права каждого участника на фактическое участие в собрании, независимо от размера их доли участия в юридическом лице. Так, развивая логику Верховного Суда РФ, можно предположить, что неизвещение даже minorитарного акционера о факте назначения собрания создает невозможность самого участия такого акционера в собрании, при этом можно представить, что акционер мог своим выступлением или раскрытием значимой информации склонить иных акционеров к голосованию определенным образом.

В то же время следует признать, что данная позиция в том виде, в каком она приведена в Обзоре, заслуживает критики, поскольку отсутствует какое-либо объяснение тому, что именно следует считать критерием (тестом) для применения п. 4 ст. 181.4 ГК РФ для вынесения решения об отказе в иске. В отсутствие понимания логического объема (гипотезы) нормы п. 4 ст. 181.4 ГК РФ, возникает существенный риск развития неопределенности в судебной практике, поскольку суды, рассматривая иски minorитарных акционеров об оспаривании решений собраний, смогут произвольно интерпретировать данный пункт и устанавливать, мог ли истец "повлиять" на решение собрания или нет.

Таким образом, представляется возможным заключить, что совершенствование методики разрешения подобных споров, в которых возникает вопрос о применении п. 4 ст. 181.4 ГК РФ, возможно за счет унификации правоприменительных подходов, как минимум, по двум взаимосвязанным направлениям: установлению критериев (тестов) наличия возможности участника собрания влиять на его решения, а также правильному распределению бремени доказывания факта наличия либо отсутствия такой возможности.

Так, по нашему мнению, допустимыми к практическому применению критериями наличия возможности влиять на решение собрания могут быть, в частности, следующие:

1) обоснование истцом-участником компании, не принявшим участие в голосовании, возможности предоставления значимых сведений, которые могли бы повлиять на позицию иных участников голосование по вопросам повестки дня;

2) аффилированность участника, оспаривающего решение собрания, с иными лицами, имеющими право принимать участие в голосовании, если за счет такой аффилированности возможно оказывать влияние на принимаемое решение собрания;

3) особенности решения собрания (вопросов повестки дня), заключающиеся в необходимости наличия определенного кворума для признания решения принятым (например, 100% кворум для признания решения собрания о ликвидации компании состоявшимся).

Говоря о распределении бремени доказывания, следует отметить существование сложившегося в отдельной судебной практике подхода о том, что бремя доказывания факта наличия возможности истца-участника корпорации повлиять на оспариваемое решение лежит на таком истце. Например, в деле N А66-1278/2023 Четырнадцатый апелляционный суд, отклоняя требования истца об оспаривании решения собрания, указал следующее: "В нарушение статьи 65 АПК РФ суду не представлено доказательство того, что Савенков И.Е. мог повлиять на принятное решение..." [8].

Представляется, что данный подход является по существу верным, поскольку установление неординарного факта в виде возможности оказывания влияния на решение собрания участником, у которого отсутствует такая возможность с точки зрения очевидности (например, в силу мажоритарности доли), является справедливым и взвешенным решением. В то же время, кажется возможным усовершенствовать данный подход, установив определенные презумпции в доказывании вышеобозначенных обстоятельств – например, в виде презумпции наличия возможности влиять на решение собрания участником общества, обладающим мажоритарной долей в уставном капитале компании.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Выявлено наиболее распространенное в научной литературе и судебной практике линейное понимание установленного п. 4 ст. 181.4 ГК РФ критерия в качестве количественного показателя наличия у участника компании голосов на собрании, что является верным, однако не единственным возможным критерием определения возможности участника собрания влиять на его результаты.

Проанализирована судебная практика по вопросу определения критерия возможности влияния на принимаемое решение собрания, из которой следует возможность применения противоположного подхода о том, что наличие возможности участника компании влиять на решение собрания может существовать и при отсутствии мажоритарной доли (пакета акций) в уставном капитале компании.

В целях совершенствования правоприменительной практики предложены дополнительные критерии определения наличия возможности у лица, оспаривающего решение собрания, влиять на принимаемое решение, среди которых такие, как: наличие у участника компании значимых сведений, предоставление которых могло повлиять на позицию иных участников голосования; аффилированность не принявшего участия в голосовании истца с иными участниками компаниями; особенности правил принятия решения на собрании, в том числе в виде повышенного уровня кворума участников собрания.

Выдвинут тезис о том, что совершенствованию судебной практики будет способствовать закрепление доказательственной презумпции о том, что наличие у истца (участника компании) мажоритарной голосующей доли (пакета акций) в компании предполагает, пока не доказано обратное, наличие возможности влиять на принимаемое решение собрания для целей применения п. 4 ст. 181.4 ГК РФ.

Список источников

1. Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: монография. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2023. 432 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. N 238-239. 08.12.1994.

3. Кузнецов А.А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО / Отв. ред. А.А. Кузнецов. Москва: Статут, 2020. С. 199 – 271.

4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.03.2015 N 09АП-4448/2015 по делу N A40-116265/2014 // СПС "Консультант Плюс".

5. Луценко С.И. Теневая часть корпоративного права: вопросы и ответы // Современное право. 2020. N 1. С. 66 - 73.

6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.09.2024 N F05-18262/2024 по делу N A40-250451/2023 // СПС "Консультант Плюс".

7. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 5. Май. 2020.

8. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.10.2023 N 14АП-6892/2023 по делу N A66-1278/2023 // СПС "Консультант Плюс".

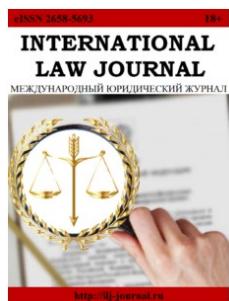
References

1. Andreev V.K., Laptev V.A. Corporate law of modern Russia: monograph. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect, 2023. 432 p.
2. Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 N 51-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 238-239. 08.12.1994.
3. Kuznetsov A.A. Challenging decisions of general meetings of participants (shareholders). Corporate law in anticipation of change: a collection of articles for the 20th anniversary of the Law on LLC. Ed. A.A. Kuznetsov. Moscow: Statut, 2020. P. 199 – 271.
4. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 16.03.2015 N 09AP-4448/2015 in case N A40-116265/2014. SPS "Consultant Plus".
5. Lutsenko S.I. The shadow part of corporate law: questions and answers. Modern law. 2020. N 1. P. 66 – 73.
6. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 26.09.2024 N F05-18262/2024 in case N A40-250451/2023. SPS "Consultant Plus".
7. Review of judicial practice on certain issues of application of legislation on business entities (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 25.12.2019). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 5. May. 2020.
8. Resolution of the Fourteenth Arbitration Court of Appeal dated 27.10.2023 No. 14AP-6892/2023 in case No. A66-1278/2023. SPS "Consultant Plus".

Информация об авторе

Васильев А.Н., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия,
aspir.lawyer@mail.ru

© Васильев А.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.3

Концепция очищения имущества, реализованного на торгах, как средство защиты добросовестного приобретателя

¹ Григоренко Ю.В.,
¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена анализу проблематики защиты интересов добросовестных приобретателей имущества, реализованного на публичных торгах. В работе раскрывается суть и причины возникновения указанной проблематики, а также анализируется концепция "очищения" реализованного на торгах имущества, которая разработана для защиты интересов участников торгов и поддержания стабильности гражданского оборота в целом. В работе анализируется научная литература и судебная практика, на основе чего разрабатываются предложения по совершенствованию действующего правового регулирования в части защиты интересов приобретателей реализованного на торгах имущества. Отдельное внимание автор уделяет проблематике физического освобождения реализованного на торгах имущества, что также вызывает проблемы в практической сфере и требует совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: реализация имущества на торгах, публичные торги, очищение имущества на торгах, прекращение обременений, добросовестный приобретатель, стабильность оборота, правовая определенность, освобождение имущества

Для цитирования: Григоренко Ю.В. Концепция очищения имущества, реализованного на торгах, как средство защиты добросовестного приобретателя // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 68 – 72.

Поступила в редакцию: 23 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 25 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 2024 г.

The concept of cleaning up the property sold at auction as a means of protecting a bona fide acquirer

¹ Grigorenko Yu.V.,
¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the analysis of the problems of protecting the interests of bona fide purchasers of property sold at public auction. The paper reveals the essence and causes of this problem, as well as analyzes the concept of "purification" of property sold at auction, which was developed to protect the interests of bidders and maintain the stability of civil turnover in general. The paper analyzes scientific literature and judicial practice, on the basis of which proposals are being developed to improve the current legal regulation in terms of protecting the interests of purchasers of property sold at auction. The author pays special attention to the problem of the physical release of the property sold at auction, which also causes problems in the practical sphere and requires improvement of the current legislation.

Keywords: sale of property at auction, public auctions, clearing of property at auction, termination of encumbrances, bona fide purchasers, stability of turnover, legal certainty, release of property

For citation: Grigorenko Yu.V. The concept of cleaning up the property sold at auction as a means of protecting a bona fide acquirer. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 68 – 72.

The article was submitted: October 23, 2024; Approved after reviewing: December 25, 2024; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Цель исследования – изучение проблематики защиты интересов добросовестного приобретателя имущества, реализованного на публичных торгах.

Задачи – на основе анализа законодательства, научной литературы и судебной практики выявить основные признаки механизма освобождения реализованного на торгах имущества от обременений, выявить его преимущества и недостатки, а также разработать рекомендации по совершенствованию действующего законодательства.

Гипотеза – доктриной и судебной практикой разработана специальная концепция "очищения" имущества, реализованного на торгах, что заключается в прекращении обременений такого имущества, за счет чего возможна повышенная защита интересов добросовестного приобретателя имущества на торгах. В то же время нерешенными остаются вопросы правовой регламентации данного принципа, что выражается в отсутствии конкретной нормативной базы, устанавливающей подобное правило на уровне закона. Кроме того, действующее правовое регулирование в недостаточной степени защищает интересы приобретателя имущества на торгах в ситуации необходимости физического освобождения такого имущества, что в настоящее время возможно только с помощью длительного судебного процесса.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, отечественного и иностранного законодательства.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная литература, материалы судебной практики.

Результаты и обсуждения

Гражданское право основывается на том, что граждане и организации несут ответственность по собственным обязательствам всем принадлежащим им имуществом, что в качестве общего правила отражено в ст. 24 и 48 ГК РФ [1]. Применительно к практическому положению вещей, данное регулирование означает, что всякого неисправного должника ожидают специальные правовые последствия в виде обращения взыскания на его имущество.

При этом, очевидно, что если должник не обладает достаточным количеством денежных средств, необходимых для расчетов с кредиторами, обращение взыскания предполагается на любое иное имущество, находящееся в собственности должника, будь то движимые или недвижимые вещи либо имущественные права, принадлежащие должнику (например, права требования) [2].

Говоря о конкретном способе обращения взыскания на имущество должника, следует отметить, что действующее законодательство – прежде всего, Закон об исполнительном производстве [3] и Закон о банкротстве [4] – предусматривает в качестве общего правила продажу имущества должника путем его реализации на публичных торгах в форме аукциона, что, по задумке законодателя, должно позволить добиться получения наибольшей выручки от продажи имущества и, следовательно, в наиболее полной мере удовлетворить требования кредиторов должника [5].

В то же время обращение взыскания на имущество должника путем его публичной реализации приводит к возникновению принципиально новой проблематики, что обусловлено появлением фигуры приобретателя имущества на торгах, который, как правило, будучи добросовестным и не погруженным в детали правоотношений между должником и его кредиторами, рассчитывает на юридическую чистоту реализуемого на торгах имущества.

Например, приобретенное на торгах имущество может оказаться заложенным либо предметом притязаний иных лиц – например, являться совместной собственностью должника и его супруга (супруги). В таких ситуациях вопрос действительности ранее совершенной сделки по отчуждению имущества должника является принципиально важным с точки зрения поддержания стабильности и правовой определенности, что непосредственно влияет как на эффективность функционирования гражданского оборота в целом, так и на надежность и доверие со стороны общества к существующим механизмам реализации имущества должников.

Таким образом, ключевым аспектом рассматриваемой проблематики является обеспечение интересов приобретателя имущества, реализованного на торгах, в ситуации наличия у реализованного имущества определенных юридических обременений, что может негативно влиять на стабильность приобретенного покупателем титула на имущество.

Анализ научной литературы демонстрирует, что данная проблематика неоднократно выступала предметом научных дискуссий, направленных на поиск сбалансированного решения проблематики реализации интереса приобретателя имущества на торгах. Большинство отечественных авторов основывается на необходимости установления повышенного уровня правовой защиты ожиданий приобретателей имущества на торгах, что может быть обосновано как догматическими, так и политико-правовыми аргументами.

Например, по свидетельствам Р.С. Бевзенко, российское гражданское право располагает предпосылками для проведения принципа, согласно которому публичные торги (на примере торгов в рамках исполнительного производства) "очищают" реализованное на таких торгах имущество, что выражается в освобождении его от всякого рода юридических обременений (залога, аренды, права бессрочного пользования и т.п.) [6].

Говоря о возможном правовом обосновании такого подхода, следует обратиться к мнению С.В. Сарбаша, который, со ссылкой на идеи Д.М. Генкина, предложил правовую квалификацию самого приобретения имущества путем его покупки на торгах в качестве первоначального, а не производного способа приобретения права на имущество [7]. Иными словами, позиция ученого сводится к тому, что признание покупки реализованного имущества на публичных торгах приравнивается к его "юридическому перерождению", что, в качестве юридической фикции, означает, что приобретатель такого имущества будет признаваться его первым собственником (как, например, при создании имущества своими силами), что само по себе исключает существование каких-либо обременений в отношении такого имущества.

Применительно к действующей судебной практике, следует отметить, что суды аналогичным образом приходят к выводу о том, что продажа имущества на торгах приводит к его очищению от всяких обременений.

Например, в деле N A50-25926/2022 Арбитражный суд Уральского округа сделал вывод о том, что реализованное в рамках процедуры банкротства имущество перешло его приобретателю очищенным от залога и иных подобных обременений [8].

Схожим образом, рассматривая дело N A60-4468/2023, в котором обсуждалась допустимость продажи на торгах принадлежащего должнику-банкроту права аренды без согласия арендодателя, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд указал, что "при продаже имущества (права аренды) с публичных торгов, должен проводиться принцип, в соответствии с которым публичные торги, проводимые в ходе банкротства, очищают имущество от лежащих на нем обременений", сделав меткий вывод о том, что "наличие определенности в правовом режиме выставленного на торги имущества приводит к повышению привлекательности предлагаемого к продаже лота, что, в конечном счете, должно благоприятно отразиться на формировании итоговой цены торгов и на пополнении конкурсной массы должника; следовательно, подобное регулирование направлено как на поддержание стабильности оборота, так и на максимально возможное удовлетворение интересов кредиторов в деле о банкротстве." [9].

Существование подобной судебной практики демонстрирует, с одной стороны, воспринятость подхода (или принципа) "очищения" имущества путем его продажи с торгов, а, с другой стороны, свидетельствует о наличии нехватки позитивно-правового материала, с помощью которого возможно обоснование существования данного принципа в качестве общего и универсального правила о прекращении действия всех обременений в отношении реализованного на торгах имущества.

Такое положение вещей приводит к тому, что суды, указывая в судебных актах на "очищенность" реализованного на торгах имущества от обременений, ссылаются либо на специальные (и, зачастую, нерелевантные) нормы ГК РФ о прекращении отдельных разновидностей обременений (например, пп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ о прекращении залога), либо не ссылаются ни на какие конкретные нормы права вовсе, что может ставить под сомнение легитимность такой правоприменительной практики с точки зрения её произвольности.

Представляется, что с практической точки зрения суды не лишены возможности использовать прием "очищения" реализованного на торгах имущества путем дедуктивного вывода данной правовой конструкции путем широко применения аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ), что, однако, следует признать чрезмерным усложнением, что обусловлено высокой степенью отдаленности такой аналогии от схожих правовых ситуаций.

Вышеизложенное позволяет прийти к общему концептуальному выводу о необходимости фиксации правового принципа или правила, согласно которому продажа имущества на публичных торгах приводит к его юридическому очищению с точки зрения прекращения всех ранее существовавших обременений такого

имущества. Представляется, что такая юридическая норма может быть отражена как в специальных профильных законах об обращении взыскания на имущество должника (например, Закон об исполнительном производстве и Закон о банкротстве), так и в ГК РФ как общем цивилистическом правовом источнике, что является скорее вопросом юридической техники.

Помимо изложенного, отдельного внимания заслуживает проблематика не только юридического освобождения приобретенного на торгах имущества, но и физического высвобождения, что особенно актуально для случаев приобретения на торгах жилых помещений, в которых продолжают определенные граждане (как правило, бывший владелец объекта либо его родственники).

Следует признать, что текущее правовое регулирование с трудом можно признать эффективным с точки зрения защиты интересов приобретателя имущества, реализованного на торгах, поскольку в подобных ситуациях последний не имеет иного выбора, кроме как выселения неправомерно проживающих жильцов в судебном порядке, посредством подачи искового заявления в суд.

Вышеизложенное также подтверждается материалами судебной практики. Например, Второй кассационный суд рассмотрел дело, в рамках которого суды удовлетворили иск гражданина, которым была приобретена квартира на публичных торгах, о выселении членов семьи предыдущего собственника данной квартиры [10].

Такое положение вещей в определенном смысле ослабляет, если вовсе не лишает смысла концепцию очищения имущества, реализованного на торгах, поскольку её суть сводится к установление априорного правила об отсутствии любых правовых обременений у имущества, приобретенного на торгах, в то время как в ситуации фактического пользования реализованным на торгах имуществом его приобретатель вынужден, защищая свои права, инициировать судебный процесс, в ходе которого последнему предстоит повторно доказывать наличия своего права и, соответственно, отсутствие прав иных лиц на реализованное имущество.

С функциональной точки зрения, такой алгоритм приводит к абсурдному правовому решению повторного доказывания покупателем имущества того, что никакие иные лица не имеют прав на такое имущество, что, однако, и так следует из "принципа очищения". Инициирование судебного процесса будет лишь оттягивать момент получения приобретателем имущества полного доступа к нему, что может занять несколько месяцев или даже лет.

Таким образом, имеет смысл рассмотреть альтернативные методы разрешения обозначенной проблематики – либо посредством внедрения внесудебных механизмов физического освобождения имущества, реализованного на торгах, либо установления упрощенной (ускоренной) процедуры разрешения спора о наличии либо отсутствии у третьих лиц притязаний в отношении реализованного на торгах имущества.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Обосновано, что проблематика сохранения титула на имущество, реализованное по результатам публичных торгов, имеет повышенное значение для целей защиты добросовестных приобретателей такого имущества и, тем самым, обеспечения стабильности гражданского оборота в целом.

Продемонстрировано, что доктриной и правоприменительной практикой было разработано решение данной проблемы в виде реализации концепции-принципа "очищения" реализованного на торгах имущества, что заключается в том, что все ранее существовавшие обременения и притязания третьих лиц признаются прекратившими в отношении имущества, реализованного на публичных торгах.

Аргументировано, что действующее правовое регулирование не содержит конкретного нормативного материала, из которого было бы возможно вывести принцип или правило об "очищении" реализуемого на торгах имущества от обременений. Изложенное позволяет судить о необходимости закрепления данного правила на уровне позитивного права, что может быть реализовано путем внесения изменения в ГК РФ или иные законодательные акты.

Обоснована актуальность проблематики физического освобождения имущества, приобретенного на торгах, что зачастую актуально для ситуаций приобретения жилых помещений, в которых продолжают проживать определенные граждане. В данном аспекте отмечена неэффективность действующего правового регулирование и предложены возможные меры дополнительной защиты интересов приобретателя имущества на торгах, в том числе внесудебные механизмы его освобождения из владения третьих лиц.

Список источников

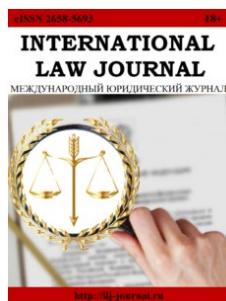
1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. N 238-239. 08.12.1994.
2. Соловьев С.С. Имущественные иммунитеты в исполнительном производстве // Вестник исполнительного производства. 2022. № 3. С. 32 – 33.
3. Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ "Об исполнительном производстве" // Парламентская газета. N 131. 10.10.2007.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" // Российская газета. N 209-210. 02.11.2002.
5. Беляева О.А. Аукционы и конкурсы: комментарий судебно-арбитражной практики. М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клювер, 2010. С. 146.
6. Бевзенко Р.С. Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в сфере залогового права: комментарий к Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. N 10 "О некоторых вопросах применения законодательства о залоге". М.: Статут, 2012. С. 68.
7. Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. С. 224.
8. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.07.2023 N F09-3240/23 по делу N A50-25926/2022 // СПС "Консультант Плюс".
9. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.08.2023 N 17АП-6662/2023-ГК по делу N A60-4468/2023 // СПС "Консультант Плюс".
10. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27.12.2022 по делу N 88-30194/2022 // СПС "Консультант Плюс".

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 N 51-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 238-239. 08.12.1994.
2. Soloviev S.S. Property immunities in enforcement proceedings. Bulletin of enforcement proceedings. 2022. No. 3. P. 32 – 33.
3. Federal Law of 02.10.2007 N 229-FZ "On enforcement proceedings". Parliamentary newspaper. N 131. 10.10.2007.
4. Federal Law of 26.10.2002 N 127-FZ "On insolvency (bankruptcy)". Rossiyskaya Gazeta. N 209-210. 02.11.2002.
5. Belyaeva O.A. Auctions and tenders: commentary on judicial and arbitration practice. M.: CONTRACT, Wolters Kluwer, 2010. P. 146.
6. Bevzenko R.S. Legal positions of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation in the field of pledge law: commentary to the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of February 17, 2011 N 10 "On certain issues of application of the legislation on pledge". M.: Statut, 2012. P. 68.
7. Sarbash S.V. Performance of a contractual obligation. M.: Statut, 2005. P. 224.
8. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 04.07.2023 N F09-3240/23 in case N A50-25926/2022. SPS "Consultant Plus".
9. Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal dated 08.08.2023 N 17AP-6662/2023-GK in case N A60-4468/2023. SPS "Consultant Plus".
10. Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 27.12.2022 in case N 88-30194/2022. SPS "Consultant Plus".

Информация об авторе

Григоренко Ю.В., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, kuchok_dm@rambler.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.04

Развитие конституционного права на образование в законодательстве РФ

¹ Докучаева К.С., ¹ Плеханова А.В.,
¹ Пензенский государственный университет

Аннотация: статья посвящена анализу эволюции конституционного права на образование в Российской Федерации. Особое внимание уделяется осмыслиению изменений в законодательстве, которые отражают динамику общественных отношений в сфере образования и их корреляции с конституционными нормами. Целью исследования является изучение процессов формирования и развития конституционного права на образование в РФ, а также выявление ключевых тенденций и направлений законодательных изменений в данной сфере. Для достижения поставленной цели использовались различные научные методы: историко-правовой анализ, систематический и сравнительный методы, анализ правоприменительной практики и обзор нормативно-правовых актов, регулирующих образовательные отношения. В результате исследования обнаружены значительные изменения в законодательном регулировании права на образование, начиная с принятия Конституции РФ в 1993 году и до последних изменений в соответствующих законодательных актах. Были выделены не только положительные аспекты этих изменений, но и некоторые проблемные моменты, требующие дальнейших улучшений. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что развитие конституционного права на образование в РФ отличается постепенностью и комплексностью. Особое внимание было уделено усилению гарантий доступности и качества образования, а также учету перемен в социально-экономических и культурных условиях страны. Подчеркивается необходимость продолжения работы по совершенствованию законодательства для обеспечения полного соответствия Конституции РФ и международным обязательствам в области прав человека на образование.

Ключевые слова: образование, право на образование, история, конституционные основы, доступность

Для цитирования: Докучаева К.С., Плеханова А.В. Развитие конституционного права на образование в законодательстве РФ // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 73 – 77.

Поступила в редакцию: 23 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 25 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

Development of the constitutional right to education in the legislation of the RF

¹ Dokuchaeva K.S., ¹ Plekhanova A.V.,
¹ Penza State University

Abstract: the article is devoted to the analysis of the evolution of the constitutional right to education in the Russian Federation. Particular attention is paid to understanding the changes in legislation that reflect the dynamics of public relations in the field of education and their correlation with constitutional norms. The purpose of the study is to study the processes of formation and development of the constitutional right to education in the Russian Federation, as well as to identify key trends and directions of legislative changes in this area. To achieve this goal, various scientific methods were used: historical and legal analysis, systematic and comparative methods, analysis of law enforcement practice and a review of regulatory legal acts regulating educational relations. The study revealed significant changes in the legislative regulation of the right to education, starting with the adoption of the Constitution of the Russian Federation in 1993 and up to the latest amendments to the relevant legislative acts. Not

only the positive aspects of these changes were highlighted, but also some problematic issues requiring further improvement. Based on the analysis, it was concluded that the development of the constitutional right to education in the Russian Federation is gradual and comprehensive. Particular attention was paid to strengthening guarantees of accessibility and quality of education, as well as taking into account changes in the socio-economic and cultural conditions of the country. The need to continue work on improving legislation to ensure full compliance with the Constitution of the Russian Federation and international obligations in the field of human rights to education is emphasized.

Keywords: education, the right to education, history, constitutional foundations, accessibility

For citation: Dokuchaeva K.S., Plekhanova A.V. Development of the constitutional right to education in the legislation of the RF. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 73 – 77.

The article was submitted: October 23, 2024; Approved after reviewing: December 25, 2024; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Глава вторая Конституции России возвещает о фундаментальных правах и свободах, присущих каждому индивиду. Среди прочего, статья 43 утверждает, что образование представляет собой неотъемлемое право каждого. Это положение подчеркивает значение интеллектуального развития в жизни личности и общества [1].

Основные права, включая доступ к образованию, являются неотчуждаемыми и принадлежат индивиду с момента рождения, что утверждается в статье 17 Конституции РФ. Таким образом, права эти не могут быть предметом передачи или взыскания, поскольку они составляют неотделимую часть человеческой сущности.

Материалы и методы исследований

В исследовании применен эмпирический метод: проанализированы Конституция РСФСР, Конституция РФ, Закон РСФСР и Советы Народных Комиссаров СССР.

Результаты и обсуждения

Основание конституционного права на получение образования было заложено в начале формирования советской власти. Истоки этого права уходят в глубину истории до Конституции РСФСР 1918 года. Данная Конституция стала ключевым документом той эры, поскольку она внесла в жизнь общества ряд фундаментальных прав и свобод, признанных на государственном уровне [8, с. 457].

Ст. 17 Конституции РСФСР, установленной в 1918 году, гарантировал политику безусловного предоставления образовательных возможностей от государства для всех граждан. Доступ к образованию, как гарантируется этой статьей, не был ограничен классовыми различиями или социальным положением, подчеркивая всеобщность и равенство в обучении. Статья также объявила о бесплатном характере образования, делая его не привилегией, а базовым правом, обеспечивающим равные шансы для всех слоев общества и способствующим созданию равноправных условий для каждого жителя страны в области получения знаний и навыков.

Обращение особого внимания на положения Основного Закона РСФСР позволяет проследить намерение государства не только заявить о праве на образование, но также принять на себя обязательства по его предоставлению и обеспечению. Однако на практике, это право в то время носило целеуказательный характер, ориентированный на последующую реализацию, вместо того чтобы быть немедленно гарантированным всем слоям общества. Доступ к образованию был ограничен и распространялся лишь на «рабочих и беднейших крестьян», исходя из идеологических принципов той эпохи.

Высокий уровень безграмотности, особенно среди крестьянства, на тот период являлся серьезной общественной проблемой. В ответ на этот вызов, в 1919 году был издан Декрет Совета Народных Комиссаров, предназначенный «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». Этот документ устанавливал четкие нормы и процедуры, целью которых было полное устранение неграмотности в стране.

Такая законодательная инициатива была направлена на обеспечение каждого гражданина основным образованием, закладывая фундамент для дальнейшего развития образовательной системы и повышения культурного уровня национального населения.

Конституция РСФСР 1925 года сохранила основные положения относительно права на образование, что отражено в статье 8. Этот документ подчеркивал стремление РСФСР дать полное и бесплатное образование, сосредоточив внимание на категории «трудящиеся». Такое изменение терминологии было направлено

на устранение различий между разными социальными группами, заменяя разделение на «рабочих» и «беднейших крестьян» более обширным и интегрирующим понятием.

Важно отметить, что даже с принятием новой редакции Конституции, правительство продолжало видеть своей задачей поставленную цель – полностью обеспечить все слои общества доступом к бесплатному образованию. Это было выражение стремления к удовлетворению образовательных потребностей граждан, хотя и реализация этих идеалов требовала дальнейших усилий и реформ.

Достижение задач, поставленных перед образовательной политикой, достигло знаковой вехи с принятием нового нормативного документа. Прогрессивным моментом стал 22 апреля 1927 года, когда было одобрено решение Совета Народных Комиссаров о реализации системы обязательного начального образования в пределах РСФСР. Данный шаг явился решающим в демократизации образовательного процесса, поскольку начальное образование, с этого момента, возлагалось не только как право каждого гражданина, но и как долг, налагаемый на государственные структуры и само общество, тем самым расширяя образовательные горизонты для всех слоев народа [3, с. 79].

Однако реализация постановления предполагала определенные условия – введение обязательного начального образования происходило только там, где подготовлена соответствующая инфраструктура и существовали нужные ресурсы. Это обеспечивало поэтапный подход к универсализации доступа к начальному образованию, признавая при этом наличие региональных различий и неравенства в образовательных возможностях того времени.

Спустя двенадцать лет после принятия постановления 1927 года, в СССР был учрежден новый Основной Закон – Конституция СССР, принятый в 1936 году. В статье 121 закреплялось право каждого гражданина на получение бесплатного и полного образования, что представляло значительный прогресс в образовательной политике страны. Этим актом начальное образование становилось не только бесплатным, но и обязательным для всех граждан, отойдя от ограничений предыдущих законодательных норм, когда образование было доступно лишь отдельным категориям населения, таким как «трудящиеся».

В 1936 году были предприняты важные шаги для улучшения образовательной системы в СССР, направленные на расширение прав и возможностей всех граждан в области образования. Значимым нововведением стала введенная система стипендий, которая значительно снизила материальные барьеры для студентов, способствуя их успешному обучению и академическому прогрессу. Помимо этого, законодательство заложило фундамент для обучения, учитывая разнообразие культурных и языковых особенностей народов страны. Это предусматривало возможность изучения и получения образования на языке каждого гражданина, что стало отражением стремления к созданию гармоничной, инклюзивной образовательной среды в мультикультурном обществе Советского Союза.

Принятие Конституции РСФСР в 1937 году придало дополнительное законодательное подтверждение правам граждан в области образования, как это было отражено в статье 125 этого документа. Эта статья не повторяла, но гармонировала с положениями статьи 121 Конституции СССР, упоминая те же принципы доступности бесплатного и полного образования для всех слоев населения [9, с. 180].

В истории образовательной политики Советского Союза 1940 год означал временный курс на корректировку предыдущих принципов. В этом году Совет Народных Комиссаров СССР принял решение, которое знаменовало введение платы за обучение в старших классах средней школы (8-10 классы) и в высших учебных заведениях. Этот момент стал ярким примером изменений в образовательной системе, однако не на долго. Вскоре последовала отмена данного постановления, что было характерным отражением динамичного характера и преобразования государственной политики в области образования того периода.

Дополнительно в 1943 году был принят ещё один нормативный акт, вносящий изменения в структуру образования на территории РСФСР – постановление о раздельном обучении для мальчиков и девочек в общеобразовательных школах. Эта практика продолжалась до 1954 года, после чего была отменена, обусловив вернуть общее смешанное обучение в школьные учебные планы.

С десятилетия 1980-х годов наблюдалась динамика развития образовательной системы СССР, которую отчетливо демонстрирует принятие Постановления «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы». Реформа предусматривала комплекс государственных инициатив, целью которых было существенное повышение качества школьного образования. В рамках данного процесса было решено увеличить продолжительность учебного процесса и акцентировать внимание на трудовом воспитании учащихся.

Несмотря на эти попытки улучшений, после распада Советского Союза правовая основа и структура образования подверглись значительным изменениям. В начале новой эры, с начала 1990-х годов, система об-

разования постепенно приобретает элементы платности, что порождает очевидные диспропорции в доступности и качестве образовательных услуг на разных уровнях [10, с. 361].

В 1992 году произошёл значительный пересмотр образовательной системы, который был закреплён принятием нового закона "Об образовании". Хотя этот закон со временем утратил свою актуальность, он заложил основные камни в основание современного образования в стране, утвердив принципы его доступности и бесплатности на таких уровнях, как дошкольное, начальное, основное полное среднее, и начальное профессиональное образование. Провозглашение этих принципов отражало постоянное стремление государства обеспечивать и поддерживать право каждого гражданина на получение образования. Несмотря на изменения в условиях по сравнению с эпохой СССР, такой подход подтверждал намерение страны сохранять образование как фундаментальную ценность и доступное благо для каждого слоя общества.

Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 году и модифицированная в ходе поправок 2020 года, гарантирует каждому человеку право на образование. Этот фундаментальный документ утверждает роль государства в обеспечении беспрепятственного и равноправного доступа к образовательным ресурсам на различных этапах: а именно дошкольному, начальному и среднему профессиональному образованию. Что касается высшего образования, то оно предоставляется на бесплатной основе для кандидатов, успешно прошедших конкурсный отбор, при условии, что у них уже есть аттестат об основном общем образовании.

Расширяя рамки конституционного права на образование, 29 декабря 2012 года начал действовать Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», номер 273-ФЗ [2]. Этот нормативный документ задал структурные основания и нормы, которые направляют деятельность образовательной системы страны. Среди прочего, ключевой его миссией выступает гарантирование предоставления равных возможностей в сфере образования всем гражданам, при этом категорически исключая любые проявления дискриминации в этом процессе.

Федеральный закон обязывает Правительство Российской Федерации предоставлять ежегодный отчёт перед Федеральным Собранием, отражая динамику и успехи, достигнутые в рамках государственной политики в области образования. Помимо этого, Россия активно фоментирует многообразие образовательных подходов и самообразования, а также разрабатывает и внедряет федеральные образовательные стандарты. Эти стандарты задают общенациональные требования к качеству и результатам обучения, обеспечивая единые критерии оценки в образовательной среде.

Хотя законодательство Российской Федерации ясно очерчивает право каждого гражданина на образование, в жизни общества встречаются случаи, когда законные образовательные гарантии не находят своего практического применения. Подобные обстоятельства акцентируют важность оценки и укрепления работающих механизмов, которые задуманы защищать и осуществлять право на образование. Обновление и оптимизация этих механизмов должны идти в ногу со временем и меняющимися требованиями общества, чтобы у каждого гражданина была возможность воспользоваться своим основополагающим правом на образование в полной мере.

Выводы

Таким образом, образование играет ключевую роль в формировании общества и представляет собой процесс, необходимый каждому человеку в нашей стране. Исторически сложилось так, что в 1918 году были заложены основы конституционного права на обучение, которое с течением времени претерпело значительные трансформации. Эволюция этого права тесно связана с социально-экономическими и политическими переменами в стране.

Система образования неуклонно развивается, повышая свою эффективность и качество, причем этот процесс сопровождался не только усовершенствованием формального обучения, но и расширением возможностей для самообразования. В добавок, стало традицией, что государство оказывает финансовую поддержку студентам.

Сегодня перед нами стоит задача оглянуться назад, чтобы черпать уроки из истории развития образования. Критический анализ прошлых реформ позволит избежать ранее допущенных ошибок и способствовать дальнейшему повышению уровня образования в России.

Перед государственными органами стоит стратегическая цель – устранить существующие проблемы и улучшить условия для реализации права на образование. Это позволит российским гражданам в полной мере использовать свои конституционные права и раскрыть свой потенциал в образовательной сфере.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; в ред. от 4 октября 2022 г. // Российская газета. 2022. 6 октября.
2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета. 2012. 31 декабря.
3. Алиева З.И., Гаджиев З.Р. Реализация конституционного права на образование // Евразийский юридический журнал. 2023. № 8 (183). С. 78 – 79.
4. Амхадова А.М. Конституционное право граждан РФ на образование // Юридический факт. 2021. № 125. С. 54 – 57.
5. Вилачева М.Н. Роль права на дошкольное образование в системе конституционных прав и свобод // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 3 (25). С. 64 – 71.
6. Казьмина Е.А. Инклюзия: правовые аспекты закрепления и реализации конституционного права на образование детей с особенностями развития в России // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2022. № 1. С. 30 – 36.
7. Каштанова Е.А. Современное состояние и актуальные проблемы законодательного закрепления права на профессиональное образование в системе конституционных прав // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 19 – 21.
8. Порошина В.О., Полупанова О.Н. Проблема доступности и качества образования как аспект реализации конституционного права на образование // Аллея науки. 2023. Т. 1. № 7 (82). С. 456 – 459.
9. Пушкаренко А.С. История развития конституционного права на образование в России // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 4 (68). С. 179 – 182.
10. Шерина А.А. Конституционное право на образование в России // Синергия Наук. 2021. № 60. С. 359 – 364.

References

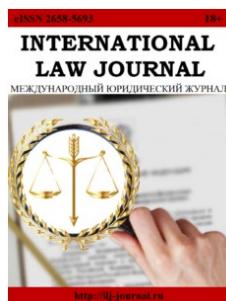
1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993; as amended on October 4, 2022. Rossiyskaya Gazeta. 2022. October 6.
2. On Education in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ. Rossiyskaya Gazeta. 2012. December 31.
3. Aliyeva Z.I., Gadzhiev Z.R. Implementation of the Constitutional Right to Education. Eurasian Law Journal. 2023. No. 8 (183). P. 78 – 79.
4. Amkhadova A.M. Constitutional Right of Citizens of the Russian Federation to Education. Legal Fact. 2021. No. 125. P. 54 – 57.
5. Vilacheva M.N. The Role of the Right to Preschool Education in the System of Constitutional Rights and Freedoms. Citizen. Elections. Power. 2022. No. 3 (25). P. 64 – 71.
6. Kazmina E.A. Inclusion: Legal Aspects of Enshrining and Implementing the Constitutional Right to Education for Children with Special Needs in Russia. Journal of the Belarusian State University. Law. 2022. No. 1. P. 30 - 36.
7. Kashtanova E.A. Current State and Current Problems of Legislative Enshrinement of the Right to Professional Education in the System of Constitutional Rights. Law and State: Theory and Practice. 2022. No. 2 (206). P. 19 – 21.
8. Poroshina V.O., Polupanova O.N. The Problem of Accessibility and Quality of Education as an Aspect of the Implementation of the Constitutional Right to Education. Alley of Science. 2023. Vol. 1. No. 7 (82). P. 456 – 459.
9. Pushkarenko A.S. History of the development of the constitutional right to education in Russia. Skif. Issues of student science. 2022. No. 4 (68). P. 179 – 182.
10. Sherina A.A. Constitutional right to education in Russia. Synergy of Sciences. 2021. No. 60. P. 359 – 364.

Информация об авторах

Докучаева К.С., Пензенский государственный университет

Плеханова А.В., Пензенский государственный университет

© Докучаева К.С., Плеханова А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.918.

Примирительные процедуры для участников арбитражного и гражданского процесса

¹ Иванюта Н.В., ¹ Катрыч А.В.,
¹ Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию примирительных процедур как эффективного инструмента урегулирования споров в рамках арбитражного и гражданского процессов. Актуальность темы обусловлена возрастающим интересом к альтернативным методам разрешения конфликтов, которые позволяют снизить нагрузку на судебную систему, сократить сроки рассмотрения дел и минимизировать издержки сторон. В работе проведен анализ нормативно-правовой базы, регулирующей применение примирительных процедур в России, а также рассмотрены ключевые формы примирения, такие как медиация, мировое соглашение и переговоры. Особое внимание уделено сравнительному анализу практики применения примирительных механизмов в арбитражном и гражданском процессах, выявлены их сходства и различия.

Исследуются проблемы, связанные с внедрением примирительных процедур, включая недостаточную осведомленность участников процесса о возможностях примирения, низкую активность судей в содействии урегулированию споров, а также отсутствие единой методики применения данных процедур. На основе проведенного анализа предложены рекомендации по совершенствованию законодательства и практики, направленные на повышение эффективности примирительных процедур. В частности, обоснована необходимость расширения информационной поддержки сторон, внедрения обязательных консультаций по вопросам примирения на ранних стадиях процесса, а также разработки стандартов для медиаторов и иных участников примирительных процедур.

Статья представляет интерес для судей, адвокатов, медиаторов, научных работников и всех, кто занимается вопросами совершенствования судебной системы и альтернативного разрешения споров. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего развития законодательства и практики в области примирительных процедур, а также для повышения уровня правовой культуры участников арбитражного и гражданского процессов.

Ключевые слова: примирительные процедуры, медиация, мировое соглашение, арбитражный процесс, гражданский процесс, альтернативное разрешение споров, судебная система, поиск медиатора, процессуальное примирение, действующее законодательство

Для цитирования: Иванюта Н.В., Катрыч А.В. Примирительные процедуры для участников арбитражного и гражданского процесса // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 78 – 84.

Поступила в редакцию: 5 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 25 января 2025 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

Conciliation procedures for participants in arbitration and civil proceedings

¹ Ivanyuta N.V., ¹ Katrych A.V.,
¹ Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi

Abstract: this article is devoted to the study of conciliation procedures as an effective dispute resolution tool in the framework of arbitration and civil proceedings. The relevance of the topic is due to the growing interest in alternative methods of conflict resolution, which can reduce the burden on the judicial system, shorten the time for

consideration of cases and minimize the costs of the parties. The paper analyzes the regulatory framework governing the use of conciliation procedures in Russia, as well as key forms of reconciliation, such as mediation, settlement agreement and negotiations. Special attention is paid to the comparative analysis of the practice of using conciliation mechanisms in arbitration and civil proceedings, their similarities and differences are revealed.

The problems associated with the introduction of conciliation procedures are investigated, including the lack of awareness of the participants in the process about the possibilities of reconciliation, the low activity of judges in facilitating dispute resolution, as well as the lack of a unified methodology for the application of these procedures. Based on the analysis, recommendations are proposed for improving legislation and practice aimed at improving the effectiveness of conciliation procedures. In particular, the need to expand information support for the parties, introduce mandatory consultations on reconciliation issues at the early stages of the process, as well as develop standards for mediators and other participants in conciliation procedures is justified.

The article is of interest to judges, lawyers, mediators, researchers, and anyone involved in improving the judicial system and alternative dispute resolution. The results of the research can be used for further development of legislation and practice in the field of conciliation procedures, as well as for raising the level of legal culture of participants in arbitration and civil proceedings.

Keywords: conciliation procedures, mediation, settlement agreement, arbitration, civil procedure, alternative dispute resolution, judicial system, mediator search, procedural reconciliation, current legislation

For citation: Ivanyuta N.V., Katrych A.V. Conciliation procedures for participants in arbitration and civil proceedings. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 78 – 84.

The article was submitted: January 5, 2025; Approved after reviewing: January 25, 2025; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Современное правовое пространство характеризуется возрастающей сложностью и многообразием споров, возникающих в экономической и социальной сферах. В условиях высокой загруженности судебной системы и стремления к оптимизации судебных процессов особую актуальность приобретают примирительные процедуры, которые позволяют разрешать конфликты с минимальными временными и финансово-выми затратами. Примирительные процедуры, такие как медиация, переговоры, посредничество и мировые соглашения, становятся важным инструментом для достижения компромисса между сторонами спора. Их внедрение в арбитражный и гражданский процесс способствует не только снижению нагрузки на суды, но и повышению уровня доверия к правовой системе в целом.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ примирительных процедур в контексте арбитражного и гражданского процесса. В рамках работы рассматриваются теоретические основы примирительных процедур, их виды и механизмы, а также проводится сравнительный анализ их применения в различных правовых системах. Особое внимание уделяется практическим аспектам внедрения примирительных процедур, включая выявление существующих проблем и определение перспектив их дальнейшего развития.

Научная новизна исследования заключается в систематизации и обобщении теоретических и практических аспектов примирительных процедур, а также в разработке рекомендаций по их совершенствованию. В статье предложен сравнительный анализ различных видов примирительных процедур, что позволяет выявить их сильные и слабые стороны в контексте арбитражного и гражданского процесса. Кроме того, в работе рассматриваются актуальные проблемы, связанные с внедрением примирительных процедур, и предлагаются пути их решения, что делает исследование значимым для дальнейшего развития данной области права.

Материалы и методы исследований

Материалы и способы проведения исследования включают анализ нормативно-правовых актов, регулирующих примирительные процедуры в арбитражном и гражданском процессе, а также изучение научной литературы, судебной практики и зарубежного опыта. В работе использованы такие методы, как сравнительно-правовой анализ, системный подход, а также методы индукции и дедукции, что позволяет обеспечить всесторонний и объективный подход к изучению темы.

Настоящее исследование нацелено на углубление понимания роли примирительных процедур в современном правовом процессе и разработку практических рекомендаций для их эффективного внедрения в арбитражный и гражданский процесс.

Результаты и обсуждения

1. Теоретические основы примирительных процедур в арбитражном и гражданском процессе

Примирительные процедуры занимают важное место в системе разрешения споров, выступая альтернативой традиционным судебным разбирательствам. Их теоретическое обоснование базируется на принципах добровольности, конфиденциальности, гибкости и стремления к достижению взаимовыгодного решения. В арбитражном и гражданском процессе примирительные процедуры рассматриваются как инструмент, способствующий снижению нагрузки на судебную систему, ускорению разрешения конфликтов и сохранению деловых и личных отношений между сторонами [3].

Теоретическая основа примирительных процедур включает в себя несколько ключевых аспектов. Во-первых, это принцип автономии воли сторон, который предполагает, что участники спора самостоятельно определяют условия и порядок урегулирования конфликта. Данный принцип находит отражение в нормах гражданского и арбитражного процессуального законодательства, где закрепляется право сторон на заключение мирового соглашения или использование иных примирительных механизмов [8, с. 67-68]. Во-вторых, важным элементом является принцип конфиденциальности, который обеспечивает защиту информации, раскрываемой в ходе примирительных процедур. Это способствует созданию доверительной атмосферы и повышает вероятность достижения компромисса.

С теоретической точки зрения примирительные процедуры также опираются на концепцию восстановительного правосудия, которая акцентирует внимание на восстановлении нарушенных прав и интересов сторон, а не на наказании виновного. В отличие от традиционного судебного процесса, где решение принимается третьей стороной (судом), примирительные процедуры предполагают активное участие сторон в поиске взаимоприемлемого решения. Это позволяет учитывать не только правовые, но и экономические, социальные и психологические аспекты конфликта.

В арбитражном процессе примирительные процедуры получили широкое распространение благодаря их эффективности в разрешении коммерческих споров. Мировое соглашение, медиация и переговоры позволяют сторонам сохранить деловую репутацию, минимизировать издержки и избежать длительных судебных разбирательств. В гражданском процессе примирительные процедуры играют важную роль в урегулировании споров, связанных с семейными, трудовыми и жилищными отношениями, где сохранение социальных связей имеет особое значение.

Теоретическое обоснование примирительных процедур также включает анализ их правовой природы. В научной литературе выделяются две основные точки зрения. Согласно первой, примирительные процедуры являются частью процессуального права, поскольку они регулируются нормами гражданского и арбитражного процессуального законодательства [1, 2]. Согласно второй, они относятся к сфере альтернативного разрешения споров (ADR), что подчеркивает их внесудебный характер. Обе точки зрения имеют свои аргументы, однако наиболее обоснованной представляется позиция, согласно которой примирительные процедуры сочетают в себе элементы процессуального и материального права, что позволяет гибко подходить к урегулированию споров.

Нужным моментом теоретического анализа является также рассмотрение роли суда в примирительных процедурах. В арбитражном и гражданском процессе суд выступает не только как орган, разрешающий спор, но и как посредник, содействующий примирению сторон. Это отражает тенденцию к гуманизации судебной системы и повышению ее доступности для граждан и организаций [5, с. 11-12].

Таким образом, теоретические основы примирительных процедур в арбитражном и гражданском процессе базируются на принципах автономии воли, конфиденциальности и восстановительного правосудия. Они представляют собой эффективный механизм урегулирования споров, который способствует снижению нагрузки на судебную систему, сохранению социальных и деловых связей и достижению справедливого и взаимовыгодного решения. Дальнейшее развитие теоретических и практических аспектов примирительных процедур будет способствовать совершенствованию системы разрешения споров и повышению доверия к правосудию.

2. Виды и механизмы примирительных процедур: сравнительный анализ

Примирительные процедуры представляют собой важный инструмент разрешения конфликтов, который находит применение в различных сферах общественной жизни, включая правовую, социальную, экономическую и политическую. Их основная цель заключается в достижении консенсуса между сторонами, что позволяет избежать длительных и затратных судебных разбирательств, а также способствует сохранению социальной гармонии. В данной статье рассматриваются основные виды примирительных процедур, их механизмы и особенности, а также проводится сравнительный анализ их эффективности в различных контекстах.

Одним из наиболее распространенных видов примирительных процедур является медиация. Медиация представляет собой процесс, в котором нейтральный посредник (медиатор) помогает сторонам конфликта найти взаимоприемлемое решение [10, с. 65]. Ключевой особенностью медиации является ее добровольный характер: стороны самостоятельно принимают решение о начале процедуры и могут прекратить ее в любой момент. Медиация активно используется в гражданских, семейных, трудовых и коммерческих спорах. Ее преимущество заключается в гибкости, конфиденциальности и возможности учета интересов всех сторон. Однако эффективность медиации во многом зависит от квалификации медиатора и готовности сторон к компромиссу [7, с. 57].

Другим важным видом примирительных процедур является арбитраж. В отличие от медиации, арбитраж предполагает передачу спора третьей стороне (арбитру), которая принимает обязательное для исполнения решение. Арбитраж часто используется в коммерческих спорах, особенно в международной практике. Его преимущество заключается в быстроте и окончательности решения, что делает его привлекательным для бизнеса. Однако арбитраж может быть менее гибким, чем медиация, так как решение принимается без учета пожеланий сторон, а процесс может быть формализованным и дорогостоящим.

Третейское разбирательство, хотя и схоже с арбитражем, имеет свои особенности. Оно также предполагает передачу спора третьей стороне, но процесс может быть менее формализованным и более ориентированным на интересы сторон. Третейское разбирательство часто используется в спорах между физическими лицами или в случаях, когда стороны хотят избежать публичности. Однако, как и в случае с арбитражем, решение третейского суда является обязательным, что ограничивает возможность дальнейшего обсуждения.

Переговоры как вид примирительной процедуры занимают особое место. Они могут быть как самостоятельным процессом, так и частью других процедур, таких как медиация или арбитраж. Переговоры предполагают прямое взаимодействие сторон без участия третьих лиц. Их преимущество заключается в полной автономии сторон, которые могут самостоятельно определять условия соглашения. Однако успех переговоров во многом зависит от уровня доверия между сторонами и их готовности к сотрудничеству. В случае отсутствия таких условий переговоры могут зайти в тупик.

Особого внимания заслуживает примирение в рамках судебного процесса. В некоторых правовых системах судьи активно поощряют стороны к примирению, предлагая им заключить мировое соглашение. Такой подход позволяет сократить сроки рассмотрения дела и снизить нагрузку на судебную систему. Однако примирение в суде может быть ограничено формальными требованиями и отсутствием гибкости, характерной для внесудебных процедур.

Сравнительный анализ примирительных процедур позволяет выделить их ключевые различия и преимущества. Медиация и переговоры наиболее гибки и ориентированы на интересы сторон, что делает их эффективными в случаях, когда важно сохранить отношения между участниками конфликта. Арбитраж и третейское разбирательство, напротив, более формализованы и подходят для ситуаций, где требуется быстрое и обязательное решение. Примирение в суде сочетает в себе элементы формальности и гибкости, но его эффективность зависит от конкретных обстоятельств дела и позиции судьи [4, с. 534].

Надо также отметить и нормативное регулирование рассматриваемых норм. В разных странах подходы к регулированию могут существенно отличаться. Например, в некоторых юрисдикциях медиация активно поддерживается государством и интегрирована в правовую систему, в то время как в других она остается преимущественно частной практикой. Арбитраж и третейское разбирательство также регулируются по-разному, что влияет на их доступность и популярность.

В заключение следует отметить, что выбор примирительной процедуры зависит от множества факторов, включая характер конфликта, отношения между сторонами, их цели и ресурсы. Каждая процедура имеет свои преимущества и ограничения, и их эффективность может варьироваться в зависимости от контекста. Однако общим для всех примирительных процедур является их направленность на поиск взаимовыгодного решения, что делает их важным инструментом в современном обществе. Дальнейшее развитие и совершенствование примирительных механизмов может способствовать более эффективному разрешению конфликтов и укреплению социальной стабильности.

3. Практические аспекты внедрения примирительных процедур: проблемы и перспективы

В социуме, где конфликты являются неотъемлемой частью социальных, экономических и правовых отношений, особую актуальность приобретают примирительные процедуры [6, с. 28]. Эти механизмы, направленные на урегулирование споров без обращения к традиционным судебным разбирательствам, становятся важным инструментом для снижения нагрузки на судебную систему, сокращения временных и финансовых затрат сторон, а также для достижения более гибких и взаимовыгодных решений. Однако внед-

рение примирительных процедур в практику сталкивается с рядом проблем, которые требуют детального анализа и поиска эффективных решений.

Одной из первоочередных проблем называют недостаточную осведомленность участников конфликтов о возможностях и преимуществах примирительных процедур [9, с. 33]. Многие граждане и организации по-прежнему воспринимают судебное разбирательство как единственный способ защиты своих прав, что обусловлено как историческими традициями, так и недостаточной популяризацией альтернативных методов урегулирования споров. В этой связи важным шагом становится развитие образовательных программ, направленных на повышение правовой грамотности населения, а также активное информирование о преимуществах медиации, переговоров и других примирительных механизмов.

Существенной деталью внедрения примирительных процедур считается подготовка квалифицированных специалистов-медиаторов. Эффективность примирительных процедур во многом зависит от профессионализма медиатора, его способности выстроить конструктивный диалог между сторонами и помочь им найти взаимоприемлемое решение. Однако на сегодняшний день уровень подготовки медиаторов зачастую оставляет желать лучшего, что связано как с отсутствием единых стандартов обучения, так и с недостаточным финансированием образовательных программ. В этой связи необходимо разработать систему сертификации медиаторов, а также обеспечить их постоянное профессиональное развитие через курсы повышения квалификации и обмен опытом.

Не менее важной проблемой является психологическая готовность сторон к участию в примирительных процедурах. Многие конфликты сопровождаются высоким уровнем эмоционального напряжения, что затрудняет поиск компромисса. В таких условиях медиатору необходимо не только обладать навыками ведения переговоров, но и уметь работать с эмоциями участников, помогая им перейти от конфронтации к сотрудничеству. Для этого важно развивать психологические аспекты медиации, включая техники управления эмоциями и методы восстановления доверия между сторонами.

В итоге, успешное внедрение примирительных процедур требует комплексного подхода, включающего как совершенствование нормативной базы, так и развитие инфраструктуры, подготовку специалистов и повышение осведомленности общества. Несмотря на существующие проблемы, примирительные процедуры обладают значительным потенциалом для повышения эффективности разрешения споров и укрепления социальной стабильности. Их дальнейшее развитие будет способствовать созданию более гибкой и справедливой системы урегулирования конфликтов, отвечающей потребностям современного общества.

Выводы

Проведенное исследование примирительных процедур в арбитражном и гражданском процессе позволило выявить их значимость как эффективного инструмента разрешения споров, способствующего снижению нагрузки на судебную систему и достижению консенсуса между сторонами. В статье были рассмотрены теоретические основы примирительных процедур, что позволило определить их правовую природу, цели и задачи, а также их место в системе альтернативных способов урегулирования конфликтов.

Сравнительный анализ видов и механизмов примирительных процедур, таких как медиация, переговоры, посредничество и судебное примирение, продемонстрировал их специфику и особенности применения в арбитражном и гражданском процессе. Было установлено, что каждая из процедур обладает уникальными характеристиками, которые позволяют адаптировать их к конкретным обстоятельствам спора и потребностям сторон. Однако для их эффективного внедрения требуется четкое законодательное регулирование, а также развитие профессиональных стандартов для примирителей и медиаторов.

Практические аспекты внедрения примирительных процедур выявили ряд проблем, связанных с недостаточной осведомленностью участников процесса о возможностях примирения, низким уровнем доверия к альтернативным методам разрешения споров, а также отсутствием единой методической базы для их применения.

Тем не менее, перспективы развития примирительных процедур в арбитражном и гражданском процессе представляются весьма обнадеживающими. Внедрение современных технологий, таких как онлайн-медиация, расширение образовательных программ для юристов и судей, а также популяризация примирительных процедур среди участников процесса способны значительно повысить их востребованность. Кроме того, совершенствование законодательной базы, включая закрепление обязательных этапов примирения в судебном процессе, может способствовать более активному использованию данных процедур.

В заключение следует отметить, что примирительные процедуры представляют собой важный элемент современной системы правосудия, способный не только сократить сроки рассмотрения споров, но и обеспечить более гибкий и конструктивный подход к их разрешению. Дальнейшее развитие и совершенствование примирительных процедур требует комплексного подхода, включающего как теоретическую разработку, так и практическую апробацию, что позволит создать эффективный механизм для достижения справедливости и стабильности в правовых отношениях.

Список источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Консультант Плюс, 2025 г.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Консультант Плюс, 2025 г.
3. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (с изм. и доп. от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.09.2025)
4. Зарипов Ш.Р. Примирительные процедуры в арбитражном процессе Российской Федерации // Вопросы российской юстиции, 2020. С. 531 – 536.
5. Колоколов Н. А. В поисках регламента судебного примирения // Мировой судья. 2020. № 1. С. 9 – 15.
6. Лисицын В. В. К вопросу о судебном примирении // Администратор суда. 2015. № 4. С. 26 – 29.
7. Самсонов Н.В., Самсонов В.Н. Проблема исполнимости медиативных соглашений // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 2. С. 55 – 59.
8. Худойкина Т.В. Применение посредничества как примирительной процедуры при разрешении право-вых споров и конфликтов в России // Социально-политические науки. 2012. № 4. С. 67 – 70.
9. Ардизинба А.А., Новиков В.В., Новиков В.В. и др. Экономика и право: монография / Гл. ред. Э.В. Фомин. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2023. 172 с.
10. Янчар Н.В. Примирительные процедуры как одно из направлений совершенствования арбитражного процессуального законодательства Российской Федерации // Царскосельские чтения. 2014. Выпуск 3. № 18. С. 61 – 66.

References

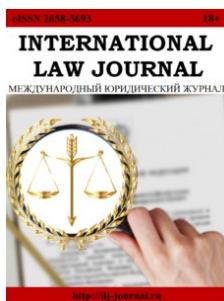
1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation" of July 24, 2002 N 95-FZ (as amended on December 28, 2024). Consultant Plus, 2025
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation" of November 14, 2002 N 138-FZ (as amended on December 28, 2024). Consultant Plus, 2025
3. Federal Law of July 27, 2010 N 193-FZ "On an Alternative Dispute Resolution Procedure with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)" (as amended and supplemented on July 26, 2019 N 197-FZ). Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date accessed: 16.09.2025)
4. Zaripov Sh.R. Conciliation procedures in the arbitration process of the Russian Federation. Issues of Russian justice, 2020. P. 531 – 536.
5. Kolokolov N.A. In search of the rules of judicial reconciliation. Justice of the peace. 2020. No. 1. P. 9 – 15.
6. Lisitsyn V.V. On the issue of judicial reconciliation. Court administrator. 2015. No. 4. P. 26 – 29.
7. Samsonov N.V., Samsonov V.N. The problem of enforceability of mediation agreements. Arbitration and civil process. 2016. No. 2. P. 55 – 59.
8. Khudojkina T.V. The Use of Mediation as a Conciliation Procedure in Resolving Legal Disputes and Conflicts in Russia. Social and Political Sciences. 2012. No. 4. P. 67 – 70.
9. Ardizinba A.A., Novikov V.V., Novikov V.V. et al. Economics and Law: Monograph. Ed.-in-Chief E.V. Fomin. Cheboksary: Limited Liability Company “Publishing House Sreda”, 2023. 172 p.
10. Yanchar N.V. Conciliation Procedures as One of the Directions for Improving the Arbitration Procedural Legislation of the Russian Federation. Tsarskoye Selo Readings. 2014. Issue 3. No. 18. P. 61 – 66.

Информация об авторах

Иванюта Н.В., доктор юридических наук, профессор, Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи, inv2284@mail.ru

Катрыч А.В., кандидат юридических наук, Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи, kav2391@mail.ru

© Иванюта Н.В., Катрыч А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.1

История возникновения и развития института предъявления обвинения в Соединенных Штатах Америки

^{1, 2, 3} Карпова Г.С.,
¹ Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
² следователь Железногорского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Курской области,
³ старший лейтенант юстиции

Аннотация: в статье проведено исследование формирование института привлечения в качестве обвиняемого в Соединенных Штатах Америки с целью сравнительно-правового анализа с институтом привлечения в качестве обвиняемого в Российской Федерации и разработки предложений о возможности изменения современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в части предъявления обвинения по аналогии с порядком предъявления обвинения в США. В работе анализируются источники уголовно-процессуального права США в их историческом развитии, причины и условия формирования современного уголовного судопроизводства. Для достижения цели настоящего исследования поставлены задачи анализа источников уголовно-процессуального права США, положений о порядке привлечения в качестве обвиняемого и предъявления обвинения и на его основе рассмотрение варианта изменения уголовно-процессуального законодательства России в части привлечения в качестве обвиняемого.

Ключевые слова: обвинение, привлечение в качестве обвиняемого, Конституция, предъявление обвинения, предварительное следствие, права обвиняемого, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Карпова Г.С. История возникновения и развития института предъявления обвинения в Соединенных Штатах Америки // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 85 – 90.

Поступила в редакцию: 25 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 27 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

The history of the emergence and development of the institution of bringing as an accused and bringing charges in the United States of America

^{1, 2, 3} Karpova G.S.,
¹ Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev,
² Investigator of the Interdistrict Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Kursk region,
³ Senior Lieutenant of Justice

Abstract: the article examines the formation of the institution of prosecution as an accused in the United States of America with the aim of comparative legal analysis with the institution of prosecution as an accused in the Russian Federation and the development of proposals on the possibility of changing the modern criminal procedure legislation of the Russian Federation in terms of bringing charges by analogy with the procedure for bringing charges in the United States. The paper analyzes the sources of US criminal procedure law in their historical development, the causes and conditions of the formation of modern criminal justice. To achieve the purpose of this study, the objectives are to analyze the sources of US criminal procedure law, the provisions on the procedure for

bringing an accused and bringing charges, and based on it, to consider the option of changing the criminal procedure legislation of Russia in terms of bringing as an accused.

Keywords: accusation, involvement as an accused, Constitution, indictment, preliminary investigation, rights of the accused, criminal proceedings

For citation: Karpova G.S. The history of the emergence and development of the institution of bringing as an accused and bringing charges in the United States of America. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 85 – 90.

The article was submitted: October 25, 2024; Approved after reviewing: December 27, 2024; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Уголовное судопроизводство Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки имеет существенные отличия, в том числе и в процедуре привлечения в качестве обвиняемого и предъявления обвинения. Правовая система США относится к англосаксонской системе, что обусловлено историческими процессами штатов.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие общенаучные методы: анализ, синтез, сравнительно-правовой, методы индукции и дедукции, моделирования, сравнения, а также частнонаучные методы, такие как диахронный метод, метод актуализации, хронологический метод, метод историко-правового анализа, историко-правового анализа.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты Соединенных Штатов Америки, научная, правовая литература.

Результаты и обсуждения

История формирования института привлечения в качестве обвиняемого за преступление в США уходит корнями в период времени до принятия Конституции США и представляло собой частное обвинение, со стороны потерпевшего в отношении лица, совершившего преступление. Согласно такому порядку потерпевший сам инициировал уголовное преследование, уголовные дела могли рассматриваться губернатором, городским советом и членами палаты представителей в городском суде, которые были в качестве судей. Ими же и предъявлялись обвинения в устной форме. Законодательно частный порядок уголовного преследования не закреплялся – это было общепринятой практикой, которая формировалась совокупность судебных прецедентов, характерных для системы общего права. Вместе с тем, параллельно развивался институт государственного (публичного) обвинения в Англии, в связи с чем к началу XVII века началось формирование аппарата государственного обвинения. В каждой колонии формировался уголовный суд, назначался генеральный прокурор. Генеральный прокурор мог представлять сторону обвинения в уголовных делах, осуществляя от имени государства уголовное преследование. Кроме того, в тот же период времени в колониях, в частности в Вирджинии, начали формироваться первые суды с участием присяжных заседателей, задача которых заключалась в наблюдении за соблюдением закона во время судебного заседания и ведение протокола судебного заседания судопроизводства [1, с. 125]. В ходе судебного заседания потерпевший или нанятый им адвокат предъявлял обвинение обвиняемому в устной форме, в ходе заседания прокурор мог не участвовать за исключением уголовных дел в отношении рабов, или по преступлениям, совершенным в отношении должностных лиц (например, шерифов). К концу XVII века в колониальной Америке использовалась и частное и публичные формы обвинения, которые сформировали гибридную систему обвинения. После обретения независимости колониями Америки от Великобритании в 1776 году, прецеденты публичного обвинения участились, частное обвинение оставалось правом потерпевшего. Несмотря на развитие публичного обвинения, которое предъявлялось прокурором, оставалось не ясным, по какому делу не необходимо частное обвинение, по какому публичное, по какому делу обвинение предъявляется судьей, по какому генеральному прокурором штата. В образованных от колоний штатах на протяжении 18 столетия формировалась своя судебная практика [1, с. 135]. В частности, в штате Коннектикут, закреплялось выдвижение публичного обвинения и инициирование возбуждения уголовного дела генеральным прокурором, при этом потерпевший и нанятый им адвокат могли осуществлять «помощь» государственному обвинителю.

17 сентября 1787 года принятая Конституция США, а 15 декабря 1791 года ратифицирована 5 поправка Билля о правах, согласно которой лицо могло быть привлечено к уголовной ответственности за преступление, за которое предусмотрена смертная казнь, или за иное «позорящее» преступление, только по представлению или обвинительному заключению Большого Жюри. На протяжении XVIII века каждый штат Америки

ки принимал свою Конституцию, не противоречащую конституции 1787 года, в которой устанавливались субъекты инициирования уголовного преследования, а также резолютивная запись обвинительных актов. Кроме того, в отдельных конституциях учреждалась должность государственного обвинителя – прокурора. В XVIII веке также распространяются известные в Англии Большое Жюри, которое получает полномочия по предъявлению обвинения обвиняемому, в случае, если федеральный окружной прокурор принял решение об отказе в выдвижении против обвиняемого обвинения. Как отмечает Т. Суджа, нередко Большое Жюри предъявляло обвинение британским солдатам в период Американской революции при освобождении колониальных земель и отказывалось предъявлять обвинение гражданам, выступающим за проведение бойкотов в поддержку войны после принятия Декларации независимости, и критикующих Парламент Британии. Отмечается, что предъявление обвинения Большим Жюри было распространено в XVIII веке. Особенностью уголовного преследования с участием Большого Жюри являлось то, что инициировать уголовное преследование можно было любому гражданину, обратившемуся к Большому Жюри. В этом случае, что было характерно для XVIII века, Большое Жюри проводило расследования и при подтверждении факта преступления предъявляло обвинение и выносило окончательный вердикт. В XVIII веке, также из Англии имплементировалась практика составления обвинительного заключения (обвинительного акта) - письменного документа, с отражением обвинения лица, его личностных данных, а также с перечнем собранных доказательств. Составление обвинительного заключения обуславливалось необходимостью проверки технических недостатков в ходе судебных заседаний и ошибок, которые могли привести к вынесению необоснованного или несправедливого обвинительного приговора. Кроме того, обвинительный акт давал обвиняемому возможность ознакомиться с выдвигаемыми перед ним обвинениями и таким образом защитить себя [2, с. 78], что соответствовало внесенной и ратифицированной 7 поправки к Конституции США, которая гарантировала обвиняемому право знать, в чем он обвиняется. Однако за обвиняемым сохранялось право отказа от рассмотрения его дела Большим Жюри. В этом случае прокуратуре для того, чтобы не утверждать обвинительное заключение, необходимо было составить информацию (information), которая не отличалась по содержанию от обвинительного акта и содержала выдвигаемые для предъявления обвинения лицу, совершившему преступление [3, с. 69]. После составления информации, указанный документ направлялась в суд для судебного разбирательства.

Гибридная форма частного и публичного обвинения, как со стороны государственного обвинителя, так и с участием частного обвинителя в штатах Америки сохранялось до середины XIX века. После начала распространения идей демократии, закрепления избирательных прав, изменялся и статус прокурора в уголовном судопроизводстве. Если ранее потерпевшие привлекали на платной основе квалифицированных частных обвинителей, которые представляли их интересы и фактически занимались выдвижением обвинения, а роль прокурора была номинальной, то к середине 18 века все чаще во время судебных заседаний стороной обвинения заявлялись жалобы о процессуальных нарушениях в том, что обвинение фактически выдвигалось и доказывалось не государственным обвинителем – прокурором, а третьим лицом, которому заплатили за достижение конечного результата – обвинительного приговора [4]. Ввиду вышеизложенного к началу 19 столетия публичное обвинение стало превалировать над смешанной формой, то есть с участием частных обвинителей и государственного обвинителя в суде. Этому способствовало также образование в штатах государственной полиции, уполномоченной на задержание и арест предполагаемого виновного [4]. В 1868 году монополия на уголовное преследование и предъявление обвинения за окружным прокурором закреплена Верховным судом США при рассмотрении жалобы на дело о конфискации (Confiscation Cases, 74 U.S. 7 Wall. 454 (1868)) [5]. Не смотря на это, за потерпевшим сохранялось конституционное право привлекать к судебному производству частных обвинителей, которые могли помочь прокурору поддерживать государственное обвинение. К началу 20 века преступление окончательно считалось совершенное против общества, штата и потерпевший не мог самостоятельно инициировать и каким-либо образом способствовать обвинению и повлиять на объем его предъявления непосредственно своим участием в суде [6, с. 975]. Порядок уголовного судопроизводства регулировался законодательством штатов [7, с. 108-111; 8, с. 112]. Тем не менее, до 1946 года в США отсутствовал единый закон о порядке судопроизводства, в связи с чем были разработаны и приняты Федеральные правила уголовного судопроизводства (Federal Rules of Criminal Procedure), которые вступили в силу 21 марта 1946 года. Федеральные правила закрепили законодательно ранее принятый порядок вынесения обвинительного заключения и информации и порядок предъявления обвинения (Правило 10), а именно предъявление обвинения в суде после получения обвиняемым копии обвинительного заключения. Позднее Верховным судом выносились иные основополагающие решения, имеющие силу федеральных законов, в частности дело Гриффина 1956 г. (решение закрепило право на получение осужденными копий материалов уголовного дела бесплатно), дело Гидеона 1963 года (решение закре-

пило право обвиняемых иметь защитника за счет штатов), дело Эскобедо 1964 года (решение Верховного суда предусматривало исключение из числа доказательств признания вины обвиняемых, которые были получены после отказа в свидании с защитниками). Таким образом, в 20 веке на основе судебных precedентов и решений Верховного суда в совокупности с принятыми Федеральными правилами уголовного судопроизводства сформировалась система уголовного судопроизводства США, которая определила порядок судопроизводства. Поскольку основными источниками права являются судебные precedенты, система уголовно-процессуального законодательства динамична, но в то же время противоречива, поскольку ранее принятые решения все же остаются судебными precedентами, использование которых допустимо в ходе осуществления правосудия по делу. Предъявление обвинения нельзя однозначно выделить как отдельную стадию уголовного судопроизводства. Предъявление обвинения, как необходимая стадия определилась в судопроизводстве после принятия Конституций штатов и Билля о правах, предусматривавших необходимость уведомление обвиняемого о том, в чем он обвиняется для осуществления последним защиты. В ходе ареста обвиняемый доставлялся к судье магистрату, который в ходе судебного заседания разъяснял обвиняемому в чем он обвиняется. Обвиняемый в ходе судебного заседания давал разъяснения магистрату, которые заносились в протокол, однако обвиняемый на данном этапе не допрашивается. В ходе судебного заседания магистрат выносил постановление об освобождении обвиняемого при отсутствии оснований для дальнейшего предания суда или о передаче дела органу предания суду - Большому Жюри или прокурору (в зависимости от штатов). Разъясненные обвинения обвиняемому не являлись заключительными, а носили предварительный характер, так как в ходе заседания Большое Жюри могло дополнить обвинение, указанное в обвинительном акте, а по итогу заседания и в общем вынести оправдательный вердикт [9]. После поступления уголовного дела прокурору последний составлял обвинительный акт, который также направлялся Большому Жюри. В ходе заседания Большого Жюри исследовались доказательства, допрашивался обвиняемый, после чего голосованием присяжными утверждалось или не утверждалось обвинительное решение, о чем делалась запись на обвинительном акте. Такая процедура действует и в настоящее время, но может сокращаться в некоторых штатах. Кроме того, в случае отказа обвиняемого от рассмотрения дела в Большом Жюри, прокурор инициирует уголовное преследование перед судом и составляет информацию, которая направляется им в суд. Информация по содержанию аналогична обвинительному заключению (обвинительному акту). Перед судебным заседанием обвиняемому направляется копия информации или обвинительного акта. В ходе судебного заседания, инициированного на основании обвинительного акта или информации, устанавливается, получена ли обвиняемым копия обвинительного акта или информации, подтверждаются личные анкетные данные обвиняемого, обвинительный акт или и информация оглашаются обвиняемому, то есть фактически ему предъявляется обвинение и разъясняется его сущность, а также разъясняются права обвиняемого. После чего обвиняемому предоставляются слово о высказывании его позиции по поводу предъявленного обвинения. По результатам судебного заседания судья принимает решение об обвинительном или оправдательном приговоре [10, с. 149-160]. Отметим, что система уголовного судопроизводства США уже с двадцатого столетия подвергалась критике со стороны советских ученых. В работах советских ученых отмечается, что уголовно-процессуальные нормы США об уголовном судопроизводстве несистемны, не предусматривают в полном объеме гарантий, реакционны и антидемократичны [11, 20-21]. Несистемность уголовно-процессуального законодательства усматривается не только в отсутствии единого кодифицированного акта об уголовном судопроизводстве во всех штатах, но и дублировании конституций штатов, решений Верховного суда. За сотни лет precedentная практика стала настолько объемной, что в судебных решениях обнаруживаются противоречия, которые используются адвокатами или государственным обвинением не для достижения цели правосудия, а для демонстрации профессионализма перед «клиентом» или руководством. Такое поведение обусловлено не столько сложившейся практикой, но и историческим контекстом, частного характера защиты и обвинения.

Не смотря на критическую оценку порядка уголовного судопроизводства в США, отметим, что следует обратить внимание на такой порядок, как достаточно эффективный. В ходе следствия до судебной стадии сторона обвинения и сторона защиты – обвиняемый и его защитник после получения ими обвинительного заключения вправе собирать и предоставлять доказательства, подтверждающие или опровергающие виновность лица, совершившего преступление, после чего в суде предоставляют данные доказательства. Таким образом, отсутствие предъявления обвинения на досудебной стадии не умаляет право обвиняемого на защиту.

Выводы

Предъявление обвинения в Российской Федерации как стадия привлечения в качестве обвиняемого сформировалось на основании принимаемых законов с 19 столетия. Фактически в настоящее время в Российской Федерации предъявление обвинения на предварительном следствии дублируется в дальнейшем на судебной стадии, как и последующий допрос обвиняемого в суде. В связи с этим, следует рассмотреть вопрос о возможном исключении этапа привлечения в качестве обвиняемого и предъявления обвинения на стадии предварительного следствия и предъявления обвинения уже на судебной стадии государственным обвинителем. Однако за принятием такого решения следует не только принятие федеральных законов существенно изменяющих процедуру уголовного преследования, но и изменение правового сознания участников уголовного судопроизводства. Со стороны должностных лиц органов предварительного расследования, в деятельности которых будет преобладать не функция обвинения, реализующаяся в привлечении лица в качестве обвиняемого, а функция сбора доказательств, отраженных в обвинительном заключении или обвинительном акте; задачи защитника на стадии предварительного расследования будут заключаться в сборе доказательств невиновности лица, совершившего преступления в согласовании с позицией подозреваемого или обвиняемого.

Список источников

1. Barth J. Criminal Prosecution in American History: Private or Public? 67 S.D. L. REV. 119, 2022. P. 125.
2. Robert I. Broussard. The Short Form Indictment: History, Development, and Constitutionality // Louisiana law review. 1944. Vol. 6. № 1. P.78.
3. Чельцов-Бебутов М.А. Уголовный процесс главнейших империалистических государств: пособие для студентов заочников. М.: Тип. «Красная звезда», 1949. С. 69.
4. Prosecution: history of the public prosecutor. [Electronic resource]. URL: <https://www.encyclopedia.com/law/legal-and-political-magazines/prosecution-history-public-prosecutor> (date of treatment: 17.09.2024)
5. Justia. Confiscation Cases, 74 U.S. 454 (1868) [Electronic resource]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/74/454/> (date of treatment: 01.08.2024)
6. Donald J. Hall, The Role of the Victim in the Prosecution and Disposition of a Criminal Case, 28 Vanderbilt Law Review 931, 1975. P. 975.
7. Пешков М.А. Источники уголовно-процессуального права США // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2000. № 1. С. 108 – 111.
8. Гуценко К.Ф. Уголовный процесс основных капиталистических государств (Англия. США). Вып. I. М.: УДН, 1969. С. 112.
9. Justia. United States v. Kilpatrick, 726 F. Supp. 789 (D. Colo. 1989) [Electronic resource]. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/726/789/1739684/> (date of treatment: 15.09.2024)
10. Волосова Н.Ю. Уголовно-процессуальное законодательство США: общая характеристика, законодательства штатов, сравнительный анализ. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 149 – 160.
11. Строгович М.С. Уголовный процесс в США и Англии, его реакционная сущность (текст): материалы к лекциям по курсу уголовного процесса для слушателей ВЮА. М.: (Б.И.), 1950. С. 20 – 21.

References

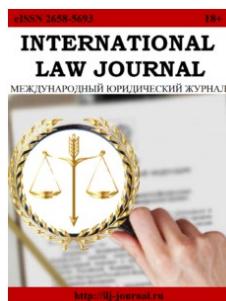
1. Barth J. Criminal Prosecution in American History: Private or Public? 67 S.D. L. REV. 119, 2022. P. 125.
2. Robert I. Broussard. The Short Form Indictment: History, Development, and Constitutionality. Louisiana law review. 1944. Vol. 6. No. 1. P. 78.
3. Cheltsov-Bebutov M.A. Criminal Procedure of the Major Imperialist States: A Manual for Correspondence Students. Moscow: Type. "Red Star", 1949. P. 69.
4. Prosecution: history of the public prosecutor. [Electronic resource]. URL: <https://www.encyclopedia.com/law/legal-and-political-magazines/prosecution-history-public-prosecutor> (date of treatment: 17.09.2024)
5. Justia. Confiscation Cases, 74 U.S. 454 (1868) [Electronic resource]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/74/454/> (date of treatment: 01.08.2024)
6. Donald J. Hall, The Role of the Victim in the Prosecution and Disposition of a Criminal Case, 28 Vanderbilt Law Review 931, 1975. P. 975.
7. Peshkov M.A. Sources of US Criminal Procedure Law. Bulletin of RUDN. Series: Legal Sciences. 2000. No. 1. P. 108 – 111.

8. Gutsenko K.F. Criminal Procedure of the Main Capitalist States (England. USA). Issue I.M.: UDN, 1969. P. 112.
9. Justia. United States v. Kilpatrick, 726 F. Supp. 789 (D. Colo. 1989) [Electronic resource]. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/726/789/1739684/> (date of treatment: 15.09.2024)
10. Volosova N.Yu. Criminal Procedure Legislation of the USA: General Characteristics, State Legislation, Comparative Analysis. M.: Yurlitinform, 2008. P. 149 – 160.
11. Strogovich M.S. Criminal procedure in the USA and England, its reactionary essence (text): materials for lectures on the course of criminal procedure for students of the VLA. M.: (B.I.), 1950. P. 20 – 21.

Информация об авторе

Карпова Г.С., аспирант, Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева; следователь Железногорского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Курской области; старший лейтенант юстиции, 307170, Россия, Курская область, г. Железногорск, ул. Рокоссовского, д. 54 «б», karpovagalinasergeevna@ya.ru

© Карпова Г.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.948

Применение специальных знаний в судебных делах по защите чести и достоинства, авторских прав, обусловленных использованием технологии дипфейк-анализа

¹ Кузбагарова Е.В., ^{2,3} Кузбагаров М.Н.,
¹ Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет,
² Северо-Западный институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
³ Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Аннотация: в данной работе авторы исследуют возможности использования методов анализа дипфейков для идентификации фальсифицированных данных и установления их аутентичности. В контексте судебных разбирательств, связанных с защитой чести и достоинства личности, применение технологий дипфейк-анализа при проведении судебных экспертиз и других исследовательских процедур может служить доказательной базой, способствующей защите прав и законных интересов лиц, подвергшихся нарушению их чести и достоинства, авторские права через распространение подложных материалов.

Ключевые слова: дипфейк, защита чести и достоинства, специальные знания, судебная экспертиза

Для цитирования: Кузбагарова Е.В., Кузбагаров М.Н. Применение специальных знаний в судебных делах по защите чести и достоинства, авторских прав, обусловленных использованием технологии дипфейк-анализа // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 91 – 97.

Поступила в редакцию: 25 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 27 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

Application of specialized knowledge in court cases on the protection of honor and dignity, copyrights, caused by the use of deepfake analysis technology

¹ Kuzbagarova E.V., ^{2,3} Kuzbagarov M.N.,
¹ Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
² North-West Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
³ Saint Petersburg State University of Economics

Abstract: in this paper, the authors explore the possibilities of using deepfake analysis methods to identify falsified data and establish their authenticity. In the context of court proceedings related to the protection of an individual's honor and dignity, the use of deepfake analysis technologies in forensic examinations and other research procedures can serve as an evidence base that helps protect the rights and legitimate interests of individuals whose honor and dignity, copyrights have been violated through the distribution of forged materials.

Keywords: deepfake, protection of honor and dignity, special knowledge, forensic examination

For citation: Kuzbagarova E.V., Kuzbagarov M.N. Application of specialized knowledge in court cases on the protection of honor and dignity, copyrights, caused by the use of deepfake analysis technology. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 91 – 97.

The article was submitted: October 25, 2024; Approved after reviewing: December 27, 2024; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Современные технологии генерации медиаконтента, основанные на применении искусственных нейронных сетей, таких как генеративно-состязательные сети (GAN), позволяют создавать высококачественные цифровые копии лиц, голосов и движений людей, известные как *дипфейки*. Под термином «Deepfake» понимается комплекс методов интеграции фото- и видеоконтента, а также аудиоданных в фальсифицированное единое целое посредством использования генеративно-состязательных нейронных сетей.

Справедливо отмечают В.Б. Батоев, Р.С. Юможапов, что «доступность разнообразных нейросетевых алгоритмов в форме приложений и программного обеспечения с открытым исходным кодом предоставляет возможность создания реалистичных синтетических изображений, видео- и аудиоматериалов без необходимости обладания специальными знаниями, навыками или умениями. Здесь подразумевается широкий спектр программных решений (таких как Zao, Reface, FaceSwapLite, DeepFaceLab, FaceApp, Mogrh, Avatarify, FacePlay, ToonMe, BabyGenerator и др.), находящихся в открытом доступе и предназначенных для синтеза медиаконтента»[1, с. 77].

Современные методы синтеза дипфейков включают в себя такие процедуры, как инсерция, дубликация и элиминация объектов, а также манипуляции с лицевыми изображениями, включая частичную и полную замену лиц, генерацию новых лиц и реконструкцию. Кроме того, к числу ключевых операций относятся синтез и синхронизация движений губ с заранее определенными аудиоданными, что позволяет создавать реалистичные видеоизображения.

Важно подчеркнуть, что этот список манипуляций непрерывно расширяется благодаря новым функциям компьютерного программного обеспечения и приложений, разработчиками которых ставится цель максимального упрощения процесса создания дипфейков.

Синтетические медиафайлы могут представлять собой угрозу личной безопасности, репутации и общественной стабильности, поскольку они способны имитировать реальность настолько точно, что их трудно отличить от оригинальных записей.

Материалы и методы исследований

В процессе исследования были использованы методы описания, системного анализа, обобщения, абстрагирования, логический метод, позволившие сделать основные выводы по результатам проведённого исследования.

Результаты и обсуждения

На сегодняшний день российское законодательство не содержит прямых норм, регулирующих использование дипфейков. Тем не менее, Федеральный закон Российской Федерации от 18 марта 2019 года «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» [2], известный как закон о фейковых новостях, представляет собой одну из первых попыток противодействия распространению недостоверной информации, включая дипфейки. Хотя этот закон не предусматривает конкретных санкций за создание и распространение дипфейков, он может применяться в тех случаях, когда:

- Нарушаются личные неимущественные права граждан, например, право на защиту изображения, чести, достоинства и деловой репутации;
- Незаконно используются биометрические данные человека;
- Потребители вводятся в заблуждение через рекламу, содержащую дипфейки;
- Нарушаются авторские права.

В этих ситуациях создатели и распространители дипфейков могут нести как гражданско-правовую, так и административно-правовую ответственность. В настоящее время в Государственной Думе Российской Федерации обсуждается законопроект о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, предусматривающий уголовную ответственность за использование дипфейков в процессе совершения ряда преступлений» [3].

Создание дипфейков влечёт за собой множество правовых вопросов, касающихся охраны авторских прав, права на изображение и голоса. Лица, чьи образы были использованы без согласия, могут столкнуться с утратой репутации или даже подвергнуться шантажу. Несмотря на отсутствие четкого законодательства, судебная практика начинает формироваться, и пострадавшие уже имеют возможность защищать свои права и требовать компенсации» [4].

Фотографические и видео-материалы, применяемые в дипфейках, могут охраняться авторским правом, однако доказать нарушение такого права может оказаться сложным, поскольку фотография может рассматриваться судом как механическая фиксация реальности, а не творческое произведение. Согласно ст. 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [5], изображение человека защищено вне зависимости от того, кем оно было размещено, и требует согласия субъекта на использование.

Голосовая информация, используемая в дипфейках, также подлежит особому рассмотрению. В настоящее время голос не признается объектом интеллектуальной собственности, но может входить в состав биометрических данных, передача которых без согласия запрещена. Существуют примеры регистрации звуковых товарных знаков [6], что частично защищает голос как элемент патентования и индивидуализации товаров и услуг. В ближайшее время ожидается рассмотрение законопроекта, направленного на защиту голоса от использования в системах искусственного интеллекта [7].

Выявление дипфейков может осуществляться различными методами, начиная от визуального анализа и заканчивая применением специализированных программных средств. Некоторые из наиболее распространенных подходов включают: 1) анализ дефектов речи: Несогласованность интонаций, односложность предложений, нечеткость произношения слов; 2) натуральные движения: Странная мимика, резкие движения головы, плеч или рук; 3) графические артефакты: Рассинхронизация губ и звука, низкое разрешение изображения, пустое выражение лица, неравномерная цветовая гамма.

Существуют также специализированные программы для автоматического обнаружения дипфейков, такие как например, система «Forensic Deepface Detection» от компании Sensity, которая использует базу данных из нескольких миллионов GAN-изображений для анализа подозрительных видеофайлов.

Для проверки текстовых дипфейков возможно использование бесплатного бота аудио и текста на дипфейки, тестовая версия которого запущена Департаментом информационных технологий Москвы, занимает всего несколько секунд, а проверить можно файл до пяти минут. Telegram-бот анализирует присланные скриншоты переписки, текстовое или голосовое сообщение и помогает определить, есть ли в нем признаки мошенничества [8].

В информационно-коммуникационной среде Интернет в 2020 году был доступен чек-лист, включающий пошаговый алгоритм для защиты личных прав при несанкционированном использовании фотоматериалов в технологиях дипфейков [9]. Этот алгоритм сохранил свою значимость к 2025 году, приобретя дополнительную актуальность вследствие увеличения оборота дипфейк-контента в сетевых ресурсах, социальных платформах и мессенджерах.

Для обеспечения правовой защиты чести и достоинства, а также авторских права от несанкционированного использования визуальных материалов в контексте технологий дипфейков предлагается следующий комплекс мер:

1. Сбор доказательственной базы- анализ и сбор всех возможных фотографий и видеозаписей, которые могли послужить основой для создания дипфейкового материала, осуществление фиксации экранных изображений (скриншотов) страниц интернет-ресурсов, содержащих дипфейковый материал.

2. Контактирование с администрацией ресурса может осуществляться одновременно двумя способами:

– направление по юридическому адресу письменного запроса, в котором необходимо указать следующие сведения: а) полное имя и контактные данные; б) URL-адрес страницы, содержащей дипфейк; в) заявление о нарушении прав на изображение, а также на честь, достоинство и деловую репутацию (на основании ст. 152 и 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации), а также нарушение прав на обработку персональных данных (в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ [10]). Целесообразно приобщить скриншот страниц интернет-ресурсов, содержащих дипфейковый материал.

- направление на платформе с использованием разделов, посвящённые вопросам нарушения авторских прав («О нарушении авторских прав» или «Правовая информация») официального запроса на удаление соответствующего контента по указанным контактам в случае наличия у заявителя авторских прав на материалы, использованные в дипфейках.

4. Подача письменных жалоб или через платформу Госуслуги обращения в Роскомнадзор с приобщением ссылок на платформы, скриншотов и иных доказательств, подтверждающих использование вашего изображения в дипфейковом материале.

5. Обращение в суд – при отсутствии положительного результата или параллельно в целях защиты нарушенных авторских прав, а также защиты чести и достоинства.

Обращение в судебные инстанции требует юридической консультации и предоставления исчерпывающих доказательств.

По делам о защите чести и достоинства, авторских прав в качестве доказательств создания дипфейковых материалов целесообразно представить в суд результаты досудебной технической экспертизы или в ходе судебного разбирательства ходатайствовать о производстве судебных технических экспертиз для подтверждения факта фальсификации визуального и/или голосового материала.

В экспертных учреждениях, осуществляющих производство судебных экспертиз по дипфейкам и деструктивному медиаконтенту осуществляется деятельность на выявление диагностических признаков модифицированный с помощью нейронных сетей видеоконтент. В частности, по состоянию на 2022 год, как отмечают Д.Е. Проценко, Д.Н. Жидков модифицированный с помощью нейронных сетей видеоконтент имел следующий комплекс характерных диагностических признаков: 1) выраженные контрастные различия или неестественные границы смежных областей изображения; 2) несоответствие шумовых шаблонов смежных областей изображения; 3) наличие похожих участков на изображении; наличие характерных для работы нейронных сетей частот в спектре изображения; 4) сжатие видеоизображений с применением алгоритма JPEG в два раза и более; 5) наличие области изображения, сжатого в формате JPEG, мера отклонения матрицы квантования которого отличается от остальной области изображения (покадрово для видеоизображения); 6) наличие аномалий в видеопоследовательности; 7) резкие перепады освещенности или контрастности; 8) различные направления (отсутствие) теней от одного источника освещения; 9) несоответствие метаданных EXIF предполагаемым условиям съемки; 10) скачкообразные или неестественные положения, размеры или формы объектов; 11) наличие в изображении объектов с нарушением линейной перспективы [11, с. 278]. Данный комплекс диагностических признаков выявляется в процессе исследования дипфейков и пополняют базу информации в рамках экспертной методики. Думается, что на настоящий момент перечень диагностических признаков значительно расширен и активно используется экспертами в рамках видео-технической экспертизы.

В данном случае необходима комплексная экспертиза: видео-техническая и габитоскопическая (портретная) экспертизы. Обладая специальными познаниями по экспертизе звуко- и видеозаписей, эксперт изучит предоставленный файл на предмет возможного монтажа, в т.ч. дип-фейк. Применяя специальное программное обеспечение, сделает раскадровку, которая в дальнейшем будет исследована экспертом портретной экспертизы.

Экспертиза дипфейк-видео представляет собой исследование, направленное на обнаружение признаков синтеза видеоматериалов посредством использования технологий искусственного интеллекта. Данная процедура включает следующие этапы:

1. Исследование видеофайла для выявления признаков наложения одного видеопотока на другой.
2. Идентификация типа дипфейк-манипуляции (например, замена лица, синтезированная речь или полностью сгенерированный видеоконтент).
3. Применение специализированных программных средств для анализа видеоданных и выявления возможных аномалий и несоответствий.

Анализ дипфейк-видео является комплексным процессом, который позволяет выявить манипуляции с видеоматериалами, произведённые с использованием методов машинного обучения и нейросетевых технологий

На данный момент в экспертных методиках видео-технической экспертизы существуют различные способы распознавания дипфейков, в частности использование обычных методов медийной экспертизы типа изучения сигналов на физическом уровне (условия освещения), на уровне самого сигнала (шум датчика, двойное сжатие JPEG) и семантическим способом почти не применимы для видео, созданных с помощью искусственного интеллекта [12, с. 79].

Дополнительным способом выявления подделки является тщательное обнаружение неестественного мигания. Данный метод расписан в работе Ли, Юэ Цзинь, Минг-Цзин Ченг и Амай Лю. «*В ictu oculi: выявление поддельных видеороликов, созданных искусственным интеллектом, путём обнаружения моргания глаз*» [13].

Следующий способ распознавания – это рентген лица на изображении. Большинство поддельных изображений и дипфейков в процессе их создания проходят несколько этапов, один из которых обязательно этап смешивания наложенного изображения с фоновым, что несомненно вызывает внутреннее несоответствие изображений. Данное несоответствие можно обнаружить, выполнив рентгеновский снимок [14].

С помощью оценки модальности диссонанса также можно выявить поддельное видео, путем анализа различий между аудио- и визуальной модальностью [15].

В настоящее время экспертами ЭКЦ МВД России в экспериментальной части криминалистического исследования видеоконтента, модифицированного с использованием нейронных сетей, используются следующие модели нейронных сетей сверточного типа:

- MesoNet (Компактная сеть обнаружения подделки лиц на видео, англ.: «a Compact Facial Video Forgery Detection Network»);
- Xception (Глубокое обучение с разделяемыми по глубине свертками, англ.: «Deep Learning with Depthwise Separable Convolutions»);
- EfficientNet (Переосмысление масштабирования модели для сверточных нейронных сетей, англ.: «Rethinking Model Scaling for Convolutional Neural Networks»);
- ResNet+LSTM (соединения для быстрого доступа) [1, с. 79].

Эксперт портретной экспертизы, имея полученные кадры, может дополнительно запросить у суда экспериментальные образцы - сопоставимые ракурсы проверяемого лица с исследуемыми материалами. По результатам исследования, качеству предоставленного видеоматериала и предоставленным образцам, эксперты могут прийти к категорическому или вероятному выводам, а также к выводу – не представилось возможным.

Голосовые дипфейки представляют собой технологический феномен, основанный на применении методов искусственного интеллекта для генерации аудиоматериалов, имитирующих оригинальные голосовые данные конкретных индивидов. Нейронные сети используются для синтеза речевого контента, который по своим акустическим характеристикам может быть практически идентичен аутентичным образцам.

Процесс распознавания голосовых дипфейков заключается в выявлении подобных фальсификаций. Современные подходы к обнаружению синтетических речевых сигналов включают анализ спектральных параметров аудио, исследование временных паттернов и применение алгоритмов машинного обучения для идентификации отклонений в структуре речевой информации. В рамках фоноскопической экспертизы звуковых дипфейков осуществляется анализ аудиозаписи с помощью специализированного программного обеспечения, на предмет обнаружения несоответствий и наличия признаков характерных для дипфейка; очистка аудиозаписи от посторонних шумов и исследование аудиозаписи на предмет монтажа.

При необходимости в рамках исследования голосового дипфейка могут быть проведены и лингвистические исследования продуктов речевого деятельности. В рамках лингвистической экспертизы осуществляется специализированное исследование текстов, устных высказываний или других языковых материалов с целью выявления их содержания, формы выражения, а также определения намерений автора или говорящего. В рамках исследования голосового дипфейка имеет значение: 1) определение авторства, т.е. установление личности автора текста или речи; 2) выявление особенностей разговорной манеры, 3) интерпретация смысла: точное определение значения спорных фраз, предложений или целых текстов; 4) выявление скрытых смыслов: анализ текста на предмет наличия намеков, аллюзий, метафор или иных форм косвенной передачи информации; 5) оценка эмоциональной окраски: определение тональности высказывания, например, является ли оно оскорбительным, угрожающим или нейтральным; 6) проверка на наличие угроз или призывов к насилию.

В случае наличия в дипфейке как видеоряда, так и голосового сопровождения, рекомендуется проведение комплексной экспертизы. Эта экспертиза должна включать в себя три основных компонента: видеотехническую экспертизу для анализа видеоматериала, фоноскопическую экспертизу для исследования аудиоданных и лингвистическую экспертизу для оценки речевых характеристик. Такой многоаспектный подход позволит получить наиболее полное заключение, на основе которого можно будет сделать обоснованные выводы о подлинности или фальсификации представленного материала.

Выходы

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что технологии дипфейков представляют собой значительный вызов для общества и правовых систем. Несмотря на отсутствие прямого регулирования, существующие правовые механизмы, позволяющие защищать интересы пострадавших от неправомерного использования их образов и голосов.

Применение современных судебно-экспертных методов для анализа дипфейк-контента позволяет истцам предоставить суду достоверные доказательства фальсификации визуальных и аудиоматериалов.

Последующее совершенствование законодательной базы и интеграция инновационных решений по выявлению дипфейков будут способствовать усилинию информационной безопасности и защите персональных прав граждан.

Список источников

1. Батоев В.Б., Юмажапов Р.С. Использование технологий искусственного интеллекта в выявлении видеодипфейков // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 3 (61). С. 76 – 81.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 18.03.2019 г. № 31-ФЗ О внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44084> (дата обращения: 27.09.2024)
3. Законопроект № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности)» Электронный ресурс URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 27.09.2024)
4. Постановление Суда по Интеллектуальным правам по делу № А40-200471/2023 URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4d7f0305-69af-44fe-8841-a59e84aa7deb/07f50431-2227-4197-9137-084c5b61ed74/A40-200471-2023_20240819_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 27.09.2024)
5. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 1 от 21.10.1994 № 190-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 27.01.2025)
6. Необычные виды товарных знаков. URL: https://www.znakoved.ru/articles/neobychnye_vidy_tovarnyx_znakov/#T02 (дата обращения: 28.09.2024)
7. Законопроект № 718834-8 О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации (об охране голоса). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8> (дата обращения: 29.09.2025)
8. Проверка аудио и текста на дипфейки через бота ДИТ Москвы занимает секунды. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22944987> (дата обращения: 29.09.2024)
9. Чек-лист: что делать, если ваше изображение использовали для дипфейка. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5fc7a3a79a79479acca83024?from=copy> (дата обращения: 29.09.2024)
10. Федеральный закон Российской Федерации «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/?docbody&nd=102108261> (дата обращения 29.01.2025 г.)
11. Проценко Д.Е., Жидков Д.Н. Диагностические признаки внутрикадрового монтажа видеоизображений, выполненного с помощью нейронных сетей // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее: материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2021. С. 277 – 281.
12. Руденкова Ю.С., Хазиев Ш.Н., Усов А.И. Искусственный интеллект и судебная компьютерно-техническая экспертиза // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. № 2. С. 76 – 87.
13. Li Yuezun, Ming-Jing Chang and Sivei Liu. «In ictu oculi: exposing fake videos created by AI by detecting eye blinks.» 2018 // IEEE International Seminar on Information Criminality and Security (WIFS). IEEE, 2020. P. 1 – 7.
14. Li Lingzhi et al. «Face X-rays for more general face tampering detection» // IEEE/CVF Conference Proceedings on Computer Vision and Pattern Recognition. 2020 C. 5001 – 5010.
15. Chug, Komal et al. «Not made for each other - detecting and localising deep fakes based on audiovisual dissonance» // Proceedings of the 28th ACM International Conference on Multimedia. 2020. P. 439 – 447.

References

1. Batoev V.B., Yumojapov R.S. Using artificial intelligence technologies in detecting video deepfakes. Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (61). P. 76 – 81.
2. Federal Law of the Russian Federation of March 18, 2019 No. 31-FZ On Amendments to Article 15-3 of the Federal Law "On Information, Information Technology and Information Protection". URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44084> (date of access: 27.09.2024)
3. Bill No. 718538-8 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation (in terms of establishing criminal liability for committing crimes using identity substitution technologies)" Electronic resource URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (date of access: 27.09.2024)
4. Resolution of the Intellectual Property Court in case No. A40-200471/2023 URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4d7f0305-69af-44fe-8841-a59e84aa7deb/07f50431-2227-4197-9137-084c5b61ed74/A40-200471-2023_20240819_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed: 27.09.2024)
5. Civil Code of the Russian Federation, Part 1 of 21.10.1994 No. 190-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of access: 27.01.2025)

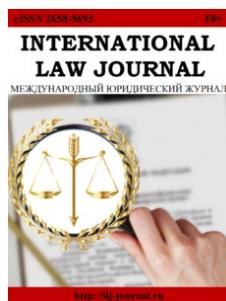
6. Unusual types of trademarks. URL:
https://www.znakoved.ru/articles/neobychnye_vidy_tovarnyx_znakov/#T02 (date of access: 28.09.2024)
7. Bill No. 718834-8 On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation (on the Protection of Voice). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8> (accessed: 29.09.20254)
8. Checking audio and text for deepfakes via the Moscow DIT bot takes seconds. URL:
<https://tass.ru/obschestvo/22944987> (accessed: 29.09.2024)
9. Checklist: what to do if your image was used for a deepfake. URL:
<https://trends.rbc.ru/trends/industry/5fc7a3a79a79479acca83024?from=copy> (accessed: 29.09.2024)
10. Federal Law of the Russian Federation "On Personal Data" dated 27.07.2006 N 152-FZ. URL:
<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108261> (accessed on 29.01.2025)
11. Protsenko D.E., Zhidkov D.N. Diagnostic features of intra-frame editing of video images performed using neural networks. Forensic examination: past, present and a look into the future: proc. Int. scientific-practical. conf. St. Petersburg, 2021. P. 277 – 281.
12. Rudenkova Yu.S., Khaziev Sh.N., Usov A.I. Artificial intelligence and forensic computer-technical examination. Theory and practice of forensic examination. 2024. Vol. 19. No. 2. P. 76 – 87.
13. Li Yuezun, Ming-Jing Chang and Sivei Liu "In ictu oculi: exposing fake videos created by AI by detecting eye blinks." 2018. IEEE International Seminar on Information Criminality and Security (WIFS). IEEE, 2020. P. 1 – 7.
14. Li Lingzhi et al. "Face X-rays for more general face tampering detection". IEEE/CVF Conference Proceedings on Computer Vision and Pattern Recognition. 2020. P. 5001 – 5010.
15. Chug, Komal et al. "Not made for each other – detecting and localizing deep fakes based on audio-visual dissonance". Proceedings of the 28th ACM International Conference on Multimedia. 2020. P. 439 – 447.

Информация об авторах

Кузбагарова Е.В., кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, elenakuzbagarova@mail.ru

Кузбагаров М.Н., кандидат юридических наук, доцент, Северо-Западный институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Санкт-Петербургский государственный экономический университет, muslim_72@mail.ru

© Кузбагарова Е.В., Кузбагаров М.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.637

Ограничение и лишение родительских прав: сравнительный анализ законодательства и правоприменительной практики России и Франции. Проблемы и пути их решения

¹ Мосиенко Т.А., ¹ Татарчук М.А.,
¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация: авторы проводят сравнительный анализ положений семейного законодательства, российской и французской правовых теорий и практик, выявляя, при этом, пробелы действующего российского законодательства и правоприменительной практики, и формулируя предложения по их устранению в том числе на основе заимствования идей зарубежного законодательства.

Ключевые слова: ребенок, родительские права, лишение родительских прав, ограничение родительских прав, суд, прокурор, органы опеки и попечительства, юридическая практика, проблемы правоприменения, российское и зарубежное законодательство

Для цитирования: Мосиенко Т.А., Татарчук М.А. Ограничение и лишение родительских прав: сравнительный анализ законодательства и правоприменительной практики России и Франции. Проблемы и пути их решения // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 98 – 108.

Поступила в редакцию: 26 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 29 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

Restriction and deprivation of parental rights: a comparative analysis of legislation and law enforcement practice in Russia and France. Problems and solutions

¹ Mosienko T.A., ¹ Tatarchuk M.A.,
¹ Rostov State University of Economics

Abstract: the authors conduct a comparative analysis of the provisions of family law, Russian and French legal theories and practices, identifying gaps in the current Russian legislation and law enforcement practice, and formulating proposals for their elimination, including by borrowing ideas from foreign legislation.

Keywords: child, parental rights, deprivation of parental rights, restriction of parental rights, court, prosecutor, guardianship and trusteeship authorities, legal practice, problems of law enforcement, Russian and foreign legislation

For citation: Mosienko T.A., Tatarchuk M.A. Restriction and deprivation of parental rights: a comparative analysis of legislation and law enforcement practice in Russia and France. Problems and solutions. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 98 – 108.

The article was submitted: October 26, 2024; Approved after reviewing: December 29, 2024; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Институт семьи имеет фундаментальное значение как в жизни каждого отдельно взятого индивида, так и общества, государства в целом. Мировая практика показывает, что законодатель значительную долю своих усилий и внимания направляет на установление универсальных императивов, определяющих основные характеристики, которым должно соответствовать поведение субъектов семейных правоотношений, как с правовой, так и с нравственной стороны, а также разработку индивидуально определенных нормативов, имеющих свою специфику в каждом отдельно взятом государстве.

Российский опыт показывает, что отечественное семейное законодательство акцентирует внимание на фигуре несовершеннолетнего в указанных правоотношениях, обеспечении реализации его прав и законных интересов, защите от неправомерного посягательства на последние со стороны широкого круга субъектов, в числе которых первое место занимают его родители. Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) [1], таким образом, содержит отдельную главу, посвященную правам и обязанностям родителей – нормам, следование которым является для них обязательным.

Отметим, что не один лишь только СК РФ является актом, оказывающим влияние на определение юридической судьбы ребенка в рамках российского правопорядка, однако раскрытие сущности положений прочих нормативно-правовых актов (далее – НПА), по нашему мнению, требует последовательного подхода сообразно постепенному раскрытию нами, без сомнения, многогранной темы прав несовершеннолетнего и его родителей, а также последствий несоблюдения последними правил, закрепленных в законе.

Необходимо, по нашему мнению, обращать внимание и на зарубежный опыт регламентации внутрисемейных отношений. В качестве объекта анализа нами были избраны положения французских законов, соответствующих заявленной нами ранее тематике исследования.

Отвечая на вопрос о том, чем вызван проявленный нами интерес к французскому законодательству, апеллируем к материалам многочисленных научных публикаций, содержащих хвалебное описание французского правопорядка, регламентирующего реализацию прав ребенка [2, с. 108]; предложения по заимствованию некоторых его положений российским правом; проблематике терминологической неопределенности некоторых положений семейного права РФ [3, с. 89], которая также могла бы быть устранена, обратив российский законодатель внимание на опыт Франции, а главное, тем, что по мнению авторов [4], Франция является одной из наиболее прогрессивных в вопросах обеспечения не только правовой, но и психоэмоциональной защиты ребенка в случаях возникновения спорных, а подчас и конфликтных ситуаций в семейной жизни такого несовершеннолетнего.

Употребляя термин «конфликт» применительно к семейным правоотношениям в контексте настоящей работы мы, должны отметить, не подразумеваем сиюминутные эмоциональные порывы родителей и ребенка, скоротечно утрачивающие для них свою актуальность и не приводящие к серьезному разладу в межличностных отношениях членов семьи. Внимание мы предлагаем уделять тем ситуациям, когда реализация родителями данных им государством прав в отношении несовершеннолетнего ставится под вопрос, а пребывание в семье становится для ребенка опасным.

В дополнение к изложенному укажем и на то, что Россия и Франция являются участниками Конвенции о правах ребенка [5], что обосновывает схожесть общих принципов, которым следуют законодатели данных государств при формировании правовой регламентации норм и правил, так или иначе направленных на взаимодействие компетентных лиц, организаций, субъектов правоотношений, в том числе, семейных, с несовершеннолетним.

Актуальность избранной нами темы исследования детерминирована семейной политикой Российской Федерации [6], которая, строится на поддержании, укреплении и защите семьи, повышении авторитета родительства, профилактики семейного неблагополучия и социального сиротства, однако в современных реалиях, по нашему мнению, не является в полной степени реализуемой ввиду того, что одного лишь документального закрепления соответствующих положений не достаточно для преодоления заявляющих о себе проблем в данной сфере жизни российского общества.

Так, авторы отмечают недостаточность проводимых в государстве мер по предупреждению и преодолению нарушения прав ребенка [7, с. 28], а также удручающую стабильность показателей количества сирот. Статистические данные указывают на то, что процент случаев ограничения и лишения родительских прав (далее – ОиЛРП) в России постепенно снижается.

Обращаясь к актуальным данным, в 2023 г. в РФ насчитывалось 358 тыс. детей – сирот, что на 9% меньше, чем в 2021 г. [8].

При этом, авторы данных материалов предлагают указывать на то, что процент такого снижения обоснован не улучшением в социальной и правовой сферах, а снижением числа рождений в РФ. Этот процент не

отражает действительный масштаб проблемы, а реальное положение вещей гораздо более плачевно в силу того, что российский банк сирот ежегодно пополняется на более, чем 20 тыс. детей [9].

Возвращаясь к французскому опыту необходимо сказать, что зарубежная процедура ограничения и лишения родительских прав представляется нам более сложной и детализированной, в силу чего также заслуживает внимания. Тем более, что французское законодательство о правах и обязанностях родителей и детей находится в непрерывном развитии, на что указывают правовые изменения 2024 года, которым мы предлагаем также уделить отдельное внимание.

Материалы и методы исследований

В основу настоящего исследования легли материалы нормативно-правового характера как российского, так и зарубежного законодательства; акты федерального уровня, а также уровня субъектов Российской Федерации. Значительную долю используемых источников информации составили научные труды как отечественных ученых-правоведов, так и иностранных специалистов, осуществляющих критические оценку и анализ положений французского права.

Фундаментальное значение в ходе изучения заявленной автором темы имели также материалы статистического характера, данные открытых источников информации.

Методология исследования представлена методами анализа и синтеза, обобщения, индукции и дедукции.

Результаты и обсуждения

Неоспоримым фактом является неидентичность норм российского и французского законодательства, как в общем, так и относительно отдельных интересующих нас вопросов, а именно регламентации прав ребенка, последствий нарушения его родителями таковых в виде ограничения и лишения родительских прав.

В целях наиболее полного анализа сходств и различий отечественного и зарубежного законодательства, и, что более важно, выявления тех качеств и характеристик последнего, которые могли бы стать своеобразным стандартом дальнейшего совершенствования российского права, полагаем необходимым проведение, во всяком случае, краткого обзора законоположений национального и иностранного права и проблематики применения данных юридических норм.

Авторитет родительства, о котором было сказано нами ранее, поддерживается не только на уровне концепций, формулируемых российским законодателем в качестве плана на определенный период времени, но, в первую очередь, закреплен конституционно. Так, ст. 38 Конституции РФ [10] прямо закрепляет обязанность родителей заботиться о своих детях. Продолжение положений ведущего правового акта содержится в гл. 12 СК РФ «Права и обязанности родителей».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Семейный кодекс не содержит определения родительских прав.

Такие ученые, как Г.О. Беланова [11, с. 47] полагают необходимой разработку данного определения и закрепления его в законе, однако отмечают, что подобное мероприятие труднореализуемо ввиду того, что невозможно в полной мере описать все аспекты осуществления родительских прав, уместив их в одну дефиницию. Это же обосновывает то, что в доктрине права до сих пор не сложилось единого подхода к определению родительских прав.

Так, указанный автор предлагает обозначать их как совокупность субъективных личных неимущественных и имущественных правомочий лиц, признанных родителями данного несовершеннолетнего в установленном законом порядке.

В свою очередь, Ю.В. Чеснокова [12, с. 378], наоборот, описывает родительские права посредством перечисления допустимых в рамках существующего правопорядка действий родителей, направленных на взаимодействие с несовершеннолетним, как то: право воспитывать ребенка и отдавать его на воспитание, право на общение с ребенком, право выбора родителями имени ребенка, право осуществлять функции законных представителей несовершеннолетнего. Такое определение, как видим, носит крайне неинформационный характер, не является полным, и, ожидаемо, не может быть нормативно закреплено.

По нашему мнению, отсутствие определения родительских прав в российском законодательстве не является пробелом. Общий анализ положений СК РФ, и, в частности, главы 12 показывает, что наиболее оптимальным вариантом их изложения в законе является акцентирование внимания на приоритетных направлениях деятельности родителей, связанных с осуществлением ими соответствующих функций.

Мы полагаем необходимым отметить и то, что формулировка «родительские права» под собой имеет основу, состоящую главным образом не из субъективных прав родителей, а из их обязанностей. На это указывает название соответствующей главы СК РФ, текст ее положений, общий смысл норм об ограничении и лишении родительских прав, согласно которому подобным последствия влечет именно нереализация роди-

телями предписанных законом обязанностей (прав).

Заметим, что превалирующее значение законодатель придает институту лишения родительских прав. Так, положения о данной мере правового воздействия содержатся в ст. 69 СК РФ, ей же отведены ст. 70-72 СК РФ. Ограничению родительских прав посвящена лишь ст. 73 СК РФ.

Как мы полагаем, подобная иерархия норм семейного законодательства обусловлена тем, что лишение родительских прав – это всегда санкция за неправомерное поведение субъектов детско-родительских правоотношений.

Оценка неправомерности действий (бездействия) родителей составляет отдельную тему для дискуссии. Так, ст. 69 СК РФ, конечно, перечисляет подобные деяния, относя к ним: уклонение от выполнения обязанностей родителей; уклонение от уплаты алиментов; отказ забрать ребенка из родильного дома, медицинской или образовательной организации и т.д. без уважительной на то причины; злоупотребление родительскими правами; жестокое обращение с ребенком; хронические алкоголизм и наркоманию родителей несовершеннолетнего; совершение ими (одним из них) умышленного преступления в отношении ребенка или супруга.

При этом, ст. 73 СК РФ носит более общий характер, указывая, что отобрание ребенка у родителей возможно как вследствие их собственных виновных действий, угрожающих несовершеннолетнему, так и при стечении обстоятельств без воли на то родителей изымаемого из семьи ребенка.

Ни одно из указанных оснований ОиЛРП, при этом, с точки зрения права (но не субъективного взгляда сотрудника органов опеки и попечительства, или лиц, обращающихся в соответствующие органы, либо подающих иск об ОиЛРП), не подлежит моментальной оценке, а скорость реагирования компетентных органов в данном случае играет существенную роль, так как от нее фактически зависит судьба наименее защищенного субъекта правоотношений – ребенка.

Только в случае, предусмотренном ст. 77 СК РФ возможно немедленное отобрание ребенка у родителей – т.е., при существовании явной угрозы жизни и здоровью несовершеннолетнего.

Проблема правоприменения в описанных нами случаях кроется в субъективизме оценки опасности для здоровья, нравственного развития, эмоционального состояния, жизни ребенка как сотрудниками учреждений, где могли обратить внимание на неудовлетворительное состояние несовершеннолетнего, неоднозначное поведение его родителей; органов опеки; суда.

Проблеме судебского усмотрения уделяют внимание П.В. Шаталова и Э.Х. Губайдуллина [13, с. 274]. Авторы на основании конкретных примеров из судебной практики последних лет указывают, что суды недрко руководствуются единообразным подходом при разрешении дел о ОиЛРП, стремясь к наиболее быстрому разрешению спора по существу.

Исследования проблемных аспектов ОиЛРП показывают, что суды при принятии решений руководствуются неподтвержденными фактами, не углубляются в изучение обстоятельств конкретного дела. Полагаем, что данное обстоятельство является следствием нагрузки на судебную систему, снизить которую судам удается лишь в небольшой части, если удается вообще, поскольку скоропалительное принятие решения об изъятии ребенка из семьи приводит к обратному эффекту – повторному обращению граждан в суд с ис ком о восстановлении в родительских правах. Как показывают данные статистики [14], почти 80 % подобных требований удовлетворяются судом.

Но даже в случае, когда процесс ОиЛРП оказывается запущен, исходя из содержания Постановления Пленума ВС РФ № 44 [15] (далее – Постановление) может быть сделан вывод о том, защита прав несовершеннолетнего осуществляется не так быстро и качественно, как нам хотелось бы. В данном случае мы должны говорить не только об осуществлении возложенных на него функций судом, но и исполнении предписанных законом обязательств иными органами и должностными лицами.

Так, согласно п. 9 Постановления, суд отклонит заявление о лишении родительских прав, поданное кем либо, кроме близких родственников ребенка.

Данное положение оценивается нами двояко: с одной стороны его действие помогает частично снизить нагрузку на судебную систему, о которой было сказано нами ранее; с другой – в случае крайней необходимости, если поведение родителей действительно окажется угрожающим ребенку, прочим субъектам, стремящимся к его спасению, придется искать «обходные» пути, обращаясь в суд не напрямую, а к прокурору, органам опеки и попечительства и др. субъектам права, указанным в ст. 70 СК РФ. Срок рассмотрения заявления, при этом, неизвестен.

Так, согласно положениям ст. 12 Федерального закона № 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [16], рассмотрение соответствующих обращений составляет 30 дней со дня регистрации данного документа. Более короткий срок (20 дней) предусмотрен только в случае поступления

в компетентные органы обращения по вопросам нарушения миграционного законодательства РФ.

Полагаем, однако, что сокращение срока рассмотрения обращения должно быть проведено и в отношении дел, связанных с нарушением прав несовершеннолетних.

Негативно оценивается нами и содержание ст. 154 Гражданского процессуального кодекса РФ [17], согласно которому общий срок рассмотрения и разрешения гражданских дел составляет до двух месяцев со дня поступления искового заявления в суд. Данный срок может быть сокращен до одного месяца в установленных п. 2 настоящей статьи случаях, среди которых нет ни единого указания на нарушение прав несовершеннолетнего, иски об ОиЛРП. Полагаем неверным постановку материальных вопросов, выше судьбы ребенка, и, следовательно, необходимым, сокращение срока, в который суд должен обратить внимание на подобные исковые заявления до месяца.

Сроки реагирования растягиваются, как указывают источники, и в силу неопределенности компетенций субъектов правоотношений. Так, как указывает один из авторов: «На самом деле, никто точно не знает, кто должен реагировать на сообщение об угрозе жизни и здоровья ребенка. Органы опеки считают, что нужно вызывать полицию, полиция говорит, что это к инспектору по делам несовершеннолетних, тот говорит, что без сотрудников опеки он не может войти в квартиру» [18].

Отмечают источники и то, что отечественный опыт правоприменения изобилует случаями необоснованного лишения родительских прав, что является следствием нежелания уполномоченных органов брать на себя ответственность за работу с конкретной семьей, хотя российское законодательство предусматривает возможность таковой, согласно ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» № 120 [19].

«Легкость» отобрания ребенка у родителей некоторые из авторов предлагают объяснять завуалированностью нормативных положений, согласно которым помимо актов федерального законодательства, регламентирующим порядок ОиЛРП, действуют регламенты межведомственного взаимодействия [20].

По нашему же мнению, последнее из указанных положений не является соответствующим действительности. Проведенный нами анализ текста приводимого авторами рассматриваемого материала Порядка межведомственного взаимодействия по выявлению семейного и детского неблагополучия, организации работы с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении, на территории Калининградской области [21] показал, что в нем не содержится данных, противоречащих установленным федеральным законодательством правилам, либо выходящих за пределы, уже очерченные российским законодателем.

Более того, на официальном сайте Правительства Калининградской области [22] прямо указано, что семьям, оказавшимся в социально опасном положении, положено социальное сопровождение продолжительностью от 3 до 6 месяцев. Другой вопрос в том, реализуется ли это сопровождение, и насколько эффективным оказывается.

Другим примером акта межведомственного взаимодействия в рамках обоснования нами недостаточной авторской аргументации критики российского правопорядка стало Постановление областной межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, действующее на территории Ростовской области с 14 марта 2024 г. [23] и, которое четко определяет перечень критериев оценки состояния ребенка (факторов риска детского и семейного неблагополучия), классифицированных по уровням реагирования от экстренного до текущего.

Так, сотрудники образовательных организаций, например, обязаны незамедлительно реагировать на: истерическое поведение ребенка; его неопрятный внешний вид; прогулы; нежелание идти домой после школы; пассивность родителей несовершеннолетнего (не посещают школьные мероприятия, не забирают ребенка из образовательного учреждения, не отвечают на звонки и т.д.), наличие у ребенка телесных повреждений, демонстрацию несовершеннолетним сексуального поведения и т.д.

Тем не менее, авторы [24, с. 241] указывают, что фактически на законодательном уровне в РФ на настоящий момент времени не разработана достаточно подробная правовая регламентация деятельности социальных служб, что является существенным пробелом отечественного права. Мы же полагаем, что большая проблема заключена не в «теории», а в «практике». Положения отечественного законодательства не могут действовать без приложения к тому субъективных усилий всех сторон соответствующих правоотношений, исключающем их холодность, пассивность, медлительность и безразличие.

Отвлекаясь от проблематики отечественного правоприменения, но не пренебрегая ей, перейдем к изучению зарубежного опыта ОиЛРП.

Французское законодательство ориентировано на применение как можно большего количества мер, обеспечивающих поддержание связи ребенка с родителями, бережное отношение к его чувствам, оздоров-

ление семейных отношений.

Учитывая объем нормативной базы регламентации прав и обязанностей родителей во французском праве, мы предлагаем проведение сравнения в уже намеченных нами при анализе и оценке российской юридической практики границах. По нашему мнению, одной из ключевых линий сравнения российского и французского опыта лишения и ограничения родительских прав должны так же стать проблематика правоприменения, основания ОиЛРП и правовые последствия таковых.

Помимо иностранных норм права, несомненно заслуживающих внимания, исследованию должен подлежать подход французского общества к вопросам воспитания детей, осуществления родительских прав в социальном отношении.

Французские авторы отмечают, что «родительский авторитет», «родительская власть» (употребляемые ими синонимы родительских прав, которыми мы будем оперировать в дальнейшем) поддерживаются уважением родителей к их потомку, учетом его интересов не только на уровне права, но с точки зрения субъективных, индивидуальных притязаний ребенка. Невнимательность со стороны родителей также является основанием лишения родительских прав, согласно французскому подходу [25]. Такой родитель, согласно зарубежным информационным ресурсам, именуется «падшим» по отношению к ребенку [26].

В прочем, авторские позиции еще не являются основанием для констатации каких-либо фактов относительно зарубежного законодательства. Более детальная их оценка будет проведена нами в перспективе.

Сравним социальный подход к защите прав и интересов ребенка Франции с позицией представителей российского общества. Внимание социальному аспекту мы предлагаем уделять в силу того, что менталитет конкретного народа оказывает влияние на формирование правовых норм.

Так, отечественные авторы указывают на то, что ребенок вне зависимости от возраста, с рождения наделен не только правами, но и обязанностями. Конечно, перечень обязанностей ребенка не определен законодательно, не является строго определенным, конкретизированным, его содержание зависит от воспитательной практики каждой отдельной семьи. Но общее отношения российских граждан следующее: ребенок должен уважать своих родителей, прислушиваться к ним, следовать тем правилам, которые ими установлены. Если же родители не удовлетворяют те или иные потребности ребенка, но подобное их поведение не выходит за пределы закона – это не является основанием утраты ими «авторитета» в юридическом смысле [27].

Правовое регулирование детско-родительских внутрисемейных отношений, оснований ОиЛРП во Франции базируется на совокупности нормативных актов. При этом, в отличие от российского правопорядка, французский законодатель предлагает закрепление соответствующих норм на уровне двух кодифицированных актов: Гражданского кодекса Франции [28] (далее – ГКФ), а также Кодекса социальных действий и семьи [29] (далее – КСДиС). Последний акт охватывает собой вопросы социального обеспечения широких слоев населения, не только детей и их родителей.

Дополнением к указанным актам является Закон № 2024-233 от 18 марта 2024 г. [30] (далее – Закон № 2024-233), имеющий более узконаправленный, специализированный характер и посвященный защите прав несовершеннолетнего, пострадавшего от семейного насилия.

Возвращаясь к проблеме терминологической неопределенности относительно формулировки «родительские права» в российском праве отметим, что французское законодательство определяет «родительскую власть» не иначе как совокупность прав и обязанностей, направленных на обеспечение наилучших интересов ребенка (ст. 371-1 ГКФ).

Отметим, что с нашей точки зрения, российское и французское законодательство во многом схожи по общему смыслу норм и положений, содержащихся в кодифицированных актах. Однако, французское законодательство более детализировано как в части определения правомочий родителей в отношении несовершеннолетнего ребенка, так и в части организации процедуры ОиЛРП.

Закон № 2024-233 предполагает лишение родителей, нарушивших права ребенка путем совершения уголовно наказуемого деяния в отношении несовершеннолетнего, либо родителя несовершеннолетнего родительской власти (ст. 1). Здесь, как видим, прослеживается схожесть с уже упомянутыми положениями СК РФ, однако французское законодательство предусматривает многоступенчатость лишения родительских прав.

Так, согласно описываемому нами закону, родитель-правонарушитель может быть лишен «власти» либо в полном объеме, либо частично. Частичное лишение родительских полномочий возможно почти во всех случаях, за исключением осуществления родителем сексуального насилия над ребенком, влекущим наибольшее строгие санкции (ст. 2, ст. 7). На то же указывает ст. 378 ГКФ. При этом, частичное лишение родительских прав не сродни их ограничению. В этом состоит одно из существенных различий российского и фран-

цузского правопорядков.

Гражданское законодательство Франции, как и российское, допускает лишение лица родительской власти в случаях, когда таковое происходит не в следствие преступного поведения. Ст. 378-1 ГКФ указывает в качестве оснований лишения родительской власти схожие СК РФ.

Лишить родительской власти в полном объеме предполагает полное прекращение правовой связи родителя с ребенком. Если СК РФ в ст. 71 указывает буквально: «родители, лишенные родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они были лишены родительских прав...», то ст. 379 ГКФ устанавливает лишение родительских прав не только в отношении конкретного несовершеннолетнего, чьи права были нарушены, но всех детей лишенного родительской власти лица вне зависимости от того, причинило ли оно им вред, либо нет.

Другим возможным вариантом, допускаемым французским законодателем в случае лишения субъекта родительских прав, является полное их прекращение в отношении пострадавшего ребенка и частичное – в отношении прочих детей лица, привлекаемого к данному виду юридической ответственности (ст.379-1 ГКФ).

Интересно и то, что французский законодатель настолько ориентирован на реализацию прав ребенка, в том числе имиджевых (а родители, согласно французскому гражданскому праву, обязаны следить за тем, какую репутацию они создают своему отпрыску, согласно ст. 372-1 ГКФ), что в рамках ст. 380-1 ГКФ, что в момент принятия решения о лишении лиц/лица родительских прав судья полномочен с согласия и по желанию ребенка, достигшего возраста 13 лет, одновременно вынести и решение об изменении последним имени дабы восстановить нарушенную репутацию и прекратить связь с недобросовестным родителем на всех возможных уровнях.

По нашему мнению, лишение потенциально опасного лица родительских прав в отношении не одного только лишь претерпевшего ребенка, но всех несовершеннолетних (биологических и юридических) детей, верно с той точки зрения, что позволяет, во-первых, избежать причинения вреда более широкому кругу субъектов; во-вторых, усиливает санкционный эффект, оказываемый на привлекаемое к юридической ответственности лицо.

Однако, по нашему мнению, данная мера может быть применена только лишь в крайнем случае, когда лишенное родительских прав лицо представляет угрозу жизни и здоровью несовершеннолетних, либо страдает от алкогольной и наркотической зависимостей.

Частичное лишение родительских прав, по нашему мнению, сложно реализовать в условиях российской правовой действительности. Однако, ограничение таковых в отношении детей лишенного данной группы прав лица мы полагаем возможным не только по основаниям ст. 73 СК РФ, но и вследствие пристрастия лица к азартным играм. К сожалению, на данный момент времени, озвученное предложение не нашло реализации ни в тексте СК РФ, ни в тексте ГКФ.

Что же касается изменения имени ребенка в судебном порядке, то мы полагаем, что данная практика, возможно имеет смысл с философской точки зрения, однако не может быть воспринята, заимствована отечественным семейным или гражданским процессуальным правом, ввиду отсутствия фактической необходимости в этом и доступности изменения имени ребенка с момента достижения им возраста 14 лет при получении им документа, удостоверяющего личность на основании ст. 58 ФЗ «Об актах гражданского состояния» [31].

Однако, мы должны отметить, что если французский закон не предполагает учет воли родителя, не лишенного родительских прав, при изъявлении ребенком желания о перемене имени, то российское право обязывает несовершеннолетнего руководствоваться ей, но мы полагаем, что следование французским нормам российским правом и в этом случае не должно быть осуществлено.

Ранее нами был сделан акцент на многоступенчатости процедуры ОиЛРП и направленности французского законодателя на поддержание семейных уз, отсутствие у французского правоприменителя рвения к лишению лиц родительской власти. Так, наравне с полным лишением родительского авторитета существует частичное, предполагающее обеспечение общения ребенка и ограниченного в правах родителя, их личные встречи «в специально отведенном для этой цели помещении» в присутствии уполномоченного третьего лица (ст. 373-2-1 ГКФ).

Отобрание ребенка – не приоритетное направление деятельности социальных служб и суда Франции.

Так, своеобразным аналогом (хотя и не идентичным по смысловой нагрузке) российского ограничения родительских прав являются меры воспитательной помощи, которые могут быть назначены конкретной семье по решению суда на срок не более двух лет, который может быть продлен на неопределенный срок (ст. 375, ст. 375-2 ГКФ).

Данная мера направлена на предупреждение лишения родительской власти, профилактическую работу с родителями несовершеннолетнего, смягчение давления ребенка, потенциально изымающего из семьи и привычных условий жизни. На то же направлена мера по содействию управлению семейным бюджетом в рамках ст. 375-2 ГКФ.

Отметим, что на уровне теоретических положений сложившаяся в рамках французской правовой действительности ситуация кажется положительной, а французский подход прогрессивным, гибким и перспективным с точки зрения учета прав и интересов несовершеннолетнего.

Российские ученые, такие как уже упомянутый нами ранее Н.Г. Семья перечисляют службы, органы и организации, деятельность которых направлена на защиту прав детей во Франции, их разнообразие, эффективность их работы. Однако, как мы полагаем, полноценный анализ зарубежного законодательства должен быть основан, в том числе на иностранной, а в нашем случае, французской доктрине права.

В свою очередь, французские авторы, такие как А. Гуттенуар [32] положительно оценивают тенденции развития французского законодательства о детско-родительских отношениях, однако выражает сомнения в практической действенности таковых, даже учитывая то, что во Франции вопросы ОиЛРП находятся в юрисдикции суда по семейным спорам, т.е. отдельного органа судебной власти. Авторские опасения обоснованы фактической скованностью французских судей в принятии решений по вопросам лишения родительских прав даже потенциально опасного родителя (родителей) ввиду общей направленности законодательства, описанной нами ранее.

Изложенное позволяет нам установить факт наличия несовершенств в любой правовой системе и необоснованность слепой похвалы или критики той или иной из них.

По нашему мнению, вопросы ОиЛРП действительно заслуживают пристального внимания, как законодателя, так и правоприменителя. Отведение семейных дел отдельному суду мы оцениваем положительно, а внедрение данной практики необходимым в целях обеспечения наиболее совершенного разрешения семейных конфликтов, защиты прав несовершеннолетних и других участников семейных правоотношений, снижения нагрузки на судей, на сегодняшний день вынужденных рассматривать и разрешать споры разнообразных категорий в авральном режиме.

Выводы

Ребенок – одна из важнейших фигур в правопорядке развитого в социальном и правовом смыслах государства. Защита его прав и интересов, сообразно этому, ключевое направление деятельности законодателя.

Как российский юридический опыт, так и зарубежный имеет свою проблематику. Однако, законодательные пробелы, допущенные субъектами нормотворчества когда-то не статичны, могут быть устранены, а юридические нормы доработаны, дополнены, модифицированы.

Проведенный нами анализ положений российского и французского законодательства показал, что оба исследованных правопорядка имеют свои положительные и негативные черты, преимущества и недостатки, сходства и различия.

Российское материальное и процессуальное законодательство на сегодняшний день нуждается в изменении: дополнении правовых норм раскрывающих порядок привлечения недобросовестных родителей к ответственности; доработке положений, устанавливающих основания ОиЛРП; обеспечивающих рассмотрение обращений граждан с соответствующими заявлениями о причинении вреда несовершеннолетнему; порядком рассмотрения подобных дел в судах РФ, а возможно, и создании отдельного органа судебной власти, концентрирующего внимание на семейных спорах и их наиболее справедливом разрешении. Каждая из указанных мер нами должна быть реализована для достижения высшей цели – обеспечения защиты прав и законных интересов детей, а значит и будущего Отечества.

Список источников

1. Конвенция ООН «О правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Выпуск XLVI.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Российская газета. 27.01.1996. № 17.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 26.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

5. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.
6. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
7. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.
8. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://www.pravo.gov.ru>, 29.08.2014.
9. Постановление администрации городского округа «Город Калининград» от 18.04.2014 № 567 «Об утверждении Регламента межведомственного взаимодействия по выявлению семейного неблагополучия, организации работы с семьями, находящимися в социально опасном положении (трудной жизненной ситуации), в городском округе «Город Калининград» // Гражданин (специальный выпуск). 30.04.2014. № 17.
10. Постановление областной межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав от 14.03.2024 № 2.3-П/12. <https://www.donland.ru/documents/19257>.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.
12. Белanova Г.О. Понятие родительских прав в российском семейном праве // Закон и право. 2021. № 1. С. 47 – 49.
13. Достовалова Н.М. Лишение и ограничение родительских прав: правовое регулирование и последствия // Символ науки. 2022. № 11. С. 26 – 29.
14. Ординарцев И.И. «Опасность» при ограничении родительских прав: проблемы определения и содержания понятия // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 3. С. 87 – 89.
15. Семья Г.В. Обзор материалов о действующем законодательстве и практике Франции в сфере профилактики социального сиротства // Социальные науки и детство. 2021. Т. 2. № 2. С. 108 – 118.
16. Черникова Т.А., Шайдукова Л.Д. Социальная работа с неблагополучными семьями с детьми в современных условиях // Мир экономики и управления. 2018. Т. 18. № 4. С. 240 – 253.
17. Чеснокова Ю.В. Правовое регулирование родительских прав в Российской Федерации // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 375 – 378.
18. Шаталова П.В., Губайдуллина Э.Х. Проблемы правоприменительной практики лишения и ограничения родительских прав // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. № 3-1 (54). С. 273 – 278.
19. За два года число сирот в России уменьшилось на 9%. <https://www.forbes.ru/forbeslife/522657-za-dva-goda-cislo-sirot-v-rossii-umen-silos-na-9>.
20. Как и за что опека забирает детей из семей и что с ними происходит потом. <https://mel.fm/zhizn/razbor/9175284-yesli-rebenkazaberut-v-detdom-razve-tam-emu-budet-luchshe-kak-rabotat-s-krizisnymi-semyami-chtoby-ne>
21. Какие обязанности есть у детей. <https://journal.tinkoff.ru>.
22. Лишение родительских прав: специфика процедуры. <https://alrf.ru/articles/lishenie-roditelskikh-prav-spetsifika-protsedury>
23. На 463% больше сирот в Ростовской области, антирекорд иностранных усыновлений и снижение числа детей в детдомах. Исследование «Если быть точным». <https://tochno.st/materials/na-463-bolse-sirot-v-rostovskoi-oblasti-antirekord-inostrannix-usynovlenii-i-snizenie-cisla-detei-v-detdomax-issledovanie-esli-byt-tocnym>
24. Официальный сайт Правительства Калининградской области. <https://social.gov39.ru/informatsiya/po-kategoriyam-grazhdan/semyam-v-sotsialno-opasnom-polozhenii/>
25. Почему органы опеки зачастую забирают детей из благополучных, но небогатых семей. <https://www.mk.ru/social/2015/08/30/pochemu-organy-opeki-zachastuyu-zabirayut-detey-izblagopoluchnykh-nonebogatykh-semey.html>
26. Права детей: Французский подход. <https://thewallmagazine.ru/rights-of-the-child-french-approach/>
27. Code civil français. <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGISCTA000006136194>

28. Code de l'action sociale et des familles.
https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006074069/

29. Gouttenoire A. L'amélioration du dispositif de limitation des droits parentaux de l'auteur de violences intrafamiliales par la loi «Santiago» du 18 mars 2024. <https://www.lexbase.fr/article-juridique/105960964-breveslameliorationdudispositifdelimitationdesdroitsparentauxdelauteurdeviolencesintraf>

30. LOI № 2024-233 du 18 mars 2024 visant à mieux protéger et accompagner les enfants victimes et covictimes de violences intrafamiliales. <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000049291163>

31. Les limites de l'autorité parentale: Que faut-il savoir? <https://www.callalawyer.fr/blog-avocat/limites-autorite-parentale>.

32. Perdre son autorité parentale. <https://educaloi.qc.ca/capsules/perdre-son-autorite-parentale/>

References

1. UN Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 20.11.1989). Collection of international treaties of the USSR. 1993. Issue XLVI.
2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). Official Internet portal of legal information. <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
3. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 23.11.2024). Rossiyskaya Gazeta. 27.01.1996. № 17.
4. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 № 138-FZ (as amended on 26.10.2024). Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. № 46. Art. 4532.
5. Federal Law of 02.05.2006 № 59-FZ (as amended on 04.08.2023) "On the Procedure for Considering Appeals of Citizens of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. № 19. Art. 2060.
6. Federal Law of 24.06.1999 No. 120-FZ (as amended on 29.05.2024) "On the Fundamentals of the System for the Prevention of Neglect and Delinquency of Minors". Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 26. Art. 3177.
7. Federal Law of 15.11.1997 No. 143-FZ (as amended on 08.08.2024) "On Acts of Civil Status". Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 47. Art. 5340.
8. Order of the Government of the Russian Federation of 25.08.2014 No. 1618-r "On approval of the Concept of state family policy in the Russian Federation for the period up to 2025". Official Internet portal of legal information. <http://www.pravo.gov.ru>, 29.08.2014.
9. Resolution of the administration of the urban district "City of Kaliningrad" of 18.04.2014 No. 567 "On approval of the Regulations for interdepartmental interaction to identify family distress, organizing work with families in a socially dangerous situation (difficult life situation), in the urban district "City of Kaliningrad". Citizen (special issue). 30.04.2014. № 17.
10. Resolution of the regional interdepartmental commission on minors and protection of their rights dated 14.03.2024 № 2.3-P/12. <https://www.donland.ru/documents/19257>.
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 14.11.2017 № 44 "On the practice of applying legislation by courts in resolving disputes related to the protection of the rights and legitimate interests of a child in the event of an immediate threat to his life or health, as well as in the restriction or deprivation of parental rights". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 1.
12. Belanova G.O. The concept of parental rights in Russian family law. Law and Right. 2021. № 1. P. 47 – 49.
13. Dostovalova N.M. Deprivation and restriction of parental rights: legal regulation and consequences. Symbol of science. 2022. No. 11. P. 26 – 29.
14. Ordinartsev I.I. "Danger" in the restriction of parental rights: problems of definition and content of the concept. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 3. P. 87 – 89.
15. Family G.V. Review of materials on the current legislation and practice of France in the field of prevention of social orphanhood. Social Sciences and Childhood. 2021. Vol. 2. No. 2. P. 108 – 118.
16. Chernikova T.A., Shaidukova L.D., Social work with dysfunctional families with children in modern conditions. The world of economics and management. 2018. Vol. 18. No. 4. P. 240 – 253.
17. Chesnokova Yu.V. Legal regulation of parental rights in the Russian Federation. Baltic Humanitarian Journal. 2017. Vol. 6. No. 3 (20). P. 375 – 378.
18. Shatalova P.V., Gubaidlina E.Kh. Problems of law enforcement practice of deprivation and restriction of parental rights. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 3-1 (54). P. 273 – 278.

19. In two years, the number of orphans in Russia has decreased by 9%.
<https://www.forbes.ru/forbeslife/522657-za-dva-goda-cislo-sirot-v-rossii-umen-silos-na-9>.

20. How and why guardianship takes children from families and what happens to them later.
<https://mel.fm/zhizn/razbor/9175284-yesli-rebenkazaberut-v-detdom-razve-tam-emu-budet-luchshe-kak-rabotat-s-krizisnymi-semyami-ctoby-ne>

21. What responsibilities do children have. <https://journal.tinkoff.ru>.

22. Deprivation of parental rights: specifics of the procedure. <https://alrf.ru/articles/lishenie-roditeleskikh-prav-spetsifika-protsedury>

23. 463% more orphans in the Rostov region, an anti-record of foreign adoptions and a decrease in the number of children in orphanages. Research "If to be precise". <https://tochno.st/materials/na-463-bolse-sirot-v-rostovskoi-oblasti-antirekord-inostrannyx-usynovlenii-i-snizenie-cisla-detei-v-detdomax-issledovanie-esli-byt-tocnym>

24. Official website of the Government of the Kaliningrad Region. <https://social.gov39.ru/informatsiya/po-kategoriyam-grazhdan/semyam-v-sotsialno-opasnom-polozhenii/>

25. Why guardianship authorities often take children from prosperous but poor families.
<https://www.mk.ru/social/2015/08/30/pochemu-organy-opeki-zachastuyu-zabirayut-detey-izblagopoluchnykh-nonebogatykh-semey.html>

26. Children's Rights: The French Approach. <https://thewallmagazine.ru/rights-of-the-child-french-approach/>

27. Code civil français. <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGISCTA000006136194>

28. Code de l'action sociale et des familles.
https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006074069

29. Gouttenoire A. L'amélioration du dispositif de limitation des droits parentaux de l'auteur de violences intrafamiliales par la loi "Santiago" du 18 mars 2024. <https://www.lexbase.fr/article-juridique/105960964-breveslameliorationdudispositifdelimitationdesdroitsparentauxdelautheurdeviolencesintraf>

30. LOI No. 2024-233 du 18 Mars 2024 visant à mieux protéger et accompagner les enfants victimes et covictimes de violences intrafamiliales. <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000049291163>

31. Les limites de l'autorité parentale: Que faut-il savoir? <https://www.callalawyer.fr/blog-avocat/limites-autorite-parentale>.

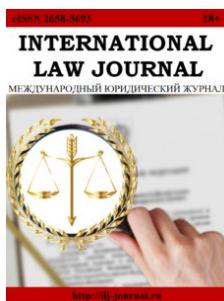
32. Perdre son autorité parentale. <https://educaloi.qc.ca/capsules/perdre-son-autorite-parentale/>

Информация об авторах

Мосиенко Т.А., кандидат юридических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Татарчук М.А., аспирант, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

© Мосиенко Т.А., Татарчук М.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
УДК 347.214.2

Исторические вехи становления института государственной кадастровой оценки

¹ Цуканов С.С.,
¹ Дальневосточный филиал Российской государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

Аннотация: оценка стоимости объектов недвижимого имущества имеет значение не только в реализации права собственности, но и для пополнения государственной казны. Налогообложение в Российской Федерации напрямую зависит от стоимости объекта недвижимости. Представленная статья раскрывает процесс становления в нашей стране такого института как государственная кадастровая оценка. Автор рассматривает процесс нормативного закрепления стоимости недвижимости в разные исторические периоды.

В истории России существовали различные формы земельного кадастра, но они были недостаточно развиты и систематизированы. Оценка земли проводилась в основном для целей налогообложения, но она часто была субъективной и зависела от местных условий и усмотрения чиновников. Не существовало единой системы оценки, что приводило к большим различиям в оценке аналогичных объектов в разных регионах.

После революционных потрясений 1917 г. вся земля была национализирована, и частная собственность на землю была отменена. В условиях плановой экономики не существовало полноценного рынка недвижимости, что делало неактуальной рыночную оценку недвижимости. Оценка земли проводилась в основном для целей налогообложения колхозов и совхозов, а также для учета государственного имущества.

Переход к рыночной экономике вызвал необходимость создания системы оценки недвижимости для целей налогообложения, купли-продажи, залога и других операций. В Российской Федерации в короткий период сложилась самостоятельная система государственной кадастровой оценки. Ее развитие позволяет выделить 3 этапа характеризующиеся формированием нормативной правовой базы, а также ее трансформации на основе судебной практики.

Ключевые слова: государственное управление, правовое регулирование, кадастровая стоимость, оценка объектов недвижимости, история кадастрового учета, оспаривание кадастровой стоимости

Для цитирования: Цуканов С.С. Исторические вехи становления института государственной кадастровой оценки // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 109 – 114.

Поступила в редакцию: 27 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 30 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

Historical milestones in the formation of the institute of state cadastral assessment

¹ Tsukanov S.S.,
¹ Far Eastern Branch Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Abstract: the assessment of the value of real estate objects is important not only in the implementation of property rights, but also for replenishing the state treasury. Taxation in the Russian Federation directly depends on the value of the property. The presented article reveals the process of formation of such an institution as state cadastral assessment.

tral assessment in our country. The author considers the process of normative consolidation of the value of real estate in different historical periods.

In the history of Russia, there were various forms of land cadastre, but they were insufficiently developed and systematized. Land assessment was carried out mainly for tax purposes, but it was often subjective and depended on local conditions and the discretion of officials. There was no unified assessment system, which led to large differences in the assessment of similar objects in different regions.

After the revolutionary upheavals of 1917, all land was nationalized, and private ownership of land was abolished. Under the planned economy, there was no full-fledged real estate market, which made market valuation of real estate irrelevant. Land valuation was carried out mainly for the purposes of taxation of collective and state farms, as well as for the accounting of state property.

The transition to a market economy necessitated the creation of a real estate valuation system for the purposes of taxation, purchase and sale, pledge and other transactions. In the Russian Federation, an independent system of state cadastral valuation was formed in a short period. Its development allows us to distinguish 3 stages characterized by the formation of a regulatory legal framework, as well as its transformation based on judicial practice.

Keywords: public administration, legal regulation, cadastral value, real estate valuation, history of cadastral registration, challenging cadastral value

For citation: Tsukanov S.S. Historical milestones in the formation of the institute of state cadastral assessment. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 109 – 114.

The article was submitted: October 27, 2024; Approved after reviewing: December 30, 2024; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Кадастровая оценка недвижимости – важнейший и старейший способ определения стоимости объекта недвижимого имущества. Исторические факты свидетельствуют, что еще в период Древнего мира, а особенно с укреплением феодальных отношений, оценка недвижимого имущества, как правило, земельных участков, проводилась на постоянной основе. Основная цель проведения такой работы – получение налогов с владельцев недвижимости. В истории России имеются сведения о первой упорядоченной работе по налогообложению проведенной княгиней Ольгой [7], а также сведения о размере податей с земельных владений имеются в «Русской правде» и уставных грамотах Новгородского князя Святослава.

После длительного периода феодальной раздробленности стремление русских князей к централизации способствовало появлению собственности на землю, а следовательно и формировало главный его принцип – стоимость объекта как основу расчета налога. Земельные переписи в XV в. стали частым явлением и давали основания для раздачи поместий и вотчин, а учет земель велся на основании Писцового наказа.

Становление Российской империи трансформировало систему взимания налогов. В этот период подход к налогообложению существенно изменился, появилась подушная подать, которая не зависела от стоимости земли. Учетом земельных владений стало заниматься отдельное ведомство – Камер-коллегия, в функции которой входило межевание земель. Оценка имущества проводилась в ходе сделки самими договаривающимися сторонами.

Оценка стоимости недвижимости, прежде всего земли, стала важна в ходе реформ 1860-х гг., когда фактически в Российской империи начали складываться рыночные отношения. Появился класс свободных крестьян и собственников земли, а стоимость земли в разных регионах нашей страны имела не только существенные отличия, но и имела разную сумму налога. В 1899 г. появился закон об оценке земли, который учитывал доходность земельной собственности.

В советский период характеризуется полным пересмотром сложившейся в России системы учета объектов недвижимого имущества, а также ликвидацией класса собственников такового. Только в 1976 г. была введена в действие 2 Общественная методика оценки земли», которая определила цель и порядок проведения работ по оценке земли. Кадастровая оценка не влияла на налогообложение простых советских граждан.

Материалы и методы исследований

Историко-правовые исследования базируются одновременно на двух методологических столпах. С одной стороны применяются исторические методы системного анализа рассматриваемых объектов в исторической ретроспективе, но с другой стороны методология сопряжена с изучением нормативных правовых документов. Ключевыми же принципами такого типа исследований являются: научность, историзм и системность.

Исходя из определения методологии исследования, становится очевидным, что материалом для исследования стали исторические документы освещдающие процесс оценивания недвижимости для определения процента взимаемого налога.

Результаты и обсуждения

Современная система кадастровой оценки в Российской Федерации является относительно новым институтом законодательства, основной задачей которого, определенно, выступало реформирование прежней системы налогообложения, а также переходом к исчислению налоговой базы налога на недвижимость исходя из рыночной стоимости [8].

Внимательное изучение нормативных правовых актов Российской Федерации с момента распада СССР позволяет условно выделить несколько этапов становления системы кадастровой оценки в Российской Федерации:

1. Первый этап 1990-1999 гг. Переходный этап от советской системы оценки недвижимости к формированию нормативного регулирования определения кадастровой стоимости. Его окончание связано с началом функционирования системы государственной кадастровой оценки недвижимости.

Еще 1993 г. в нашей стране было организовано Российское общество оценщиков. Для урегулирования этой сферы деятельности ими была разработана «Концепцию оценки недвижимости и бизнеса». Следует подчеркнуть, что прообразом Концепции стали критерии, принятые в большинстве европейских государств [5]. Так, к основным принципам проведения оценки были отнесены: независимость оценки, обязательное применение трех подходов к расчету стоимости, преимущество определения стоимости на основе анализа рынка недвижимости, при всем при этом, стоимость определялась для эффективнейшего использования объекта недвижимости. В дальнейшем на основе Концепции был принят Федеральный закон от 27.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон об оценочной деятельности) [2], который указывает на то, что в государстве и обществе стало формироваться рыночное восприятие мира.

Представляется интересным отметить «эксперименты», проводимые государством для отработки системы налогообложения недвижимости. Ввиду того, что действующая редакция НК РФ не предусматривала данный налог, государство в некоторых регионах проводило эксперименты, как например эксперимент в Твери и Великом Новгороде в 1997-2004 гг. [1]. Объектом налогообложения являлись единые объекты недвижимости – земельный участок, а также здания, расположенные на нем, строения, или сооружения. Все вышеизложенное подпадало под понятие объекта налогообложения.

Дальнейшее развитие системы государственной кадастровой оценки было связано с крупными реформами, происходившими в налоговой и земельных сферах в конце 1990-х годов, реформированием подходов к налогообложению земли.

Полагаем необходимо отметить, что в рассматриваемый период были приняты основные кодифицирующие акты, регулирующие данную сферу и на сегодняшний день. Так, например, принят Налоговый кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, Земельный кодекс Российской Федерации, еще находился в разработке. Для временного регулирования оценки земли действовало Постановление Правительства РФ от 25.08.1999 № 945 «О государственной кадастровой оценке земель» (далее – Постановление № 945) [3]. В соответствии с документом, в 1999-2001 гг. необходимо было провести кадастровую оценку всей земли, находящейся на территории РФ, для внедрения экономических методов управления земельными ресурсами. Иными словами, произошла институционализация рынка земли, введен кадастровый учет, сформирован реестр объектов недвижимости.

В это же время были приняты многие другие подзаконные акты, в том числе и правила проведения государственной кадастровой оценки земель, а также многие другие документы: например, огромное количество приказов Росземкадастра, или Минэкономразвития, связанных с особенностями проведения кадастровой оценки определенного вида земель [4].

С точки зрения автора, именно принятие Постановления № 945 можно считать рубежом завершения первого этапа становления системы государственной кадастровой оценки в России. Представляется очевидным, что изданный нормативный акт стал основой для создания системы государственной кадастровой оценки, так как именно в нем предусматривались основные положения, а также повсеместно была введена кадастровая оценка.

Таким образом, первый этап можно охарактеризовать следующими ключевыми событиями, благодаря которым произошло становление системы ГКО в РФ:

- проведена кодификация земельно-частных отношений;
- принят федеральный закон об оценочной деятельности;

- сформирован рынок недвижимого имущества;
- фактически была завершена массовая приватизация земельных участков и иных объектов недвижимого имущества.

Второй этап 2000-2010 гг., характеризуется изменениями в налоговой области, в связи с существованием и функционированием сложившихся земельных отношений.

Этап начинается с практического применения Постановления № 945, т.е. с работы Федеральной службы земельного кадастра по государственной оценке всех категорий земель. Примерно в это время началось переосмысление налоговой политики в отношении земель, организована работа по созданию налоговых основ. Так, в начале 2000-х гг. в Налоговый кодекс РФ были внесены важные изменения: введена гл. 30 «Налог на имущество организации», а также гл. 31 «Земельный налог». Законодательные новеллы стали результатом проведенных в Твери и Великом Новгороде налоговых экспериментов. Они способствовали разработке нормативной базы; создали основу единого государственного реестра земель, реестра объектов капитального строительства, градостроительного и иных кадастров; определили критерии оценки недвижимого имущества. Система кадастровой оценки начала функционировать, а уже к 2005 г. была достигнута основная государственная цель данного института, а именно – введение налога на землю, предусмотренного в ст. 390 Налогового кодекса РФ. Первые суммы налогов стали поступать в бюджет страны в 2006 г.

Помимо указанных нововведений, на втором этапе происходят важнейшие изменения и организационных аспектов, связанных с оценочной деятельностью. Можно отметить, что в федеральный закон об оценочной деятельности были внесены изменения, которые касались организационных вопросов, вопросов проведения оценочной деятельности, а также закрепления понятийного аппарата:

- оценочная деятельность стала саморегулируемой;
- законодательно закреплены дефиниции «кадастровая стоимость» и «кадастровая оценка»;
- появился института мониторинга рынка недвижимости и сформирован фонд данных кадастровой оценки.

Важно понимать, что внесение данных изменений показало отношение государства к системе кадастровой оценки, ведь фактически, создание таких условий указывало на минимизацию государственного участия в процессе оценочной деятельности.

Полагаем уместным подчеркнуть, что на втором этапе наиболее активный виток развития получила судебная практика оспаривания результатов кадастровой оценки, притом, как отмечают многие авторы, она была довольно конфликтна [6, 9, 10].

В большинстве случаев истцы-налогоплательщики были не согласны с кадастровой оценкой и приносили в суд индивидуальную оценку рыночной стоимости участка, которая, как правило, была существенно ниже. Практика вынесенных судебных решений способствовала изменению законодательства, в 2010 г. нормативно были определены порядок работы досудебных комиссий, а также критерии установления рыночной стоимости в качестве кадастровой.

В результате второго этапа развития системы государственной кадастровой оценки в РФ произошли значительные изменения во всех институтах:

- сформировано федеральное законодательство, которое отменило ряд подзаконных актов в сфере налогообложения и государственной кадастровой оценки;
- появилась система налогообложения земли, основанная на кадастровой стоимости участка;
- произошло развитие и создание информационных баз и ресурсов, связанных с государственной кадастровой оценкой, в том числе с мониторингом земель;
- введено саморегулирование оценочной и кадастровой деятельности;
- сложилась судебная практика оспаривания кадастровой оценки.

Третий этап с 2011 г. по настоящее время включает в себя практику реализации сложившейся системы налогообложения и кадастровой оценки, которая постоянно поддается изменениям.

На данном этапе внесены изменения в федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», появилась глава III.1 «Государственная кадастровая оценка», нормы которой применяются ко всем объектам недвижимого имущества.

Изменения затронули понятийный аппарат, в законе была зафиксирована дефиниция «государственная кадастровая оценка», в соответствии с которой она представляет собой совокупность действий, включающих в себя:

- принятие решения о проведении государственной кадастровой оценки;
- формирование перечня объектов недвижимости, подлежащих государственной кадастровой оценке;

- отбор исполнителя работ по определению кадастровой стоимости и заключение с ним договора на проведение оценки;
- определение кадастровой стоимости и составление отчета об определении кадастровой стоимости;
- экспертизу отчета об определении кадастровой стоимости;
- утверждение результатов определения кадастровой стоимости;
- опубликование утвержденных результатов определения кадастровой стоимости;
- внесение результатов определения кадастровой стоимости в государственный кадастр недвижимости.

Кроме того, изменения затронули и Земельный кодекс Российской Федерации, так, п. 3 ст. 66, определяет соотношение рыночной и кадастровой стоимости недвижимости. Законодатель закрепил правило о том, что государственная кадастровая оценка не может быть ниже рыночной, а при такой ситуации, кадастровая стоимость становится тождественной рыночной.

Федеральный закон об оценочной деятельности пополнился ст. 24.19, которая содержит в себе общие правила рассмотрения споров о кадастровой стоимости. Главными основаниями для пересмотра кадастровой оценки, в соответствии с законом являются недостоверность сведений об объекте недвижимости, использованных при определении его кадастровой стоимости, а также установление в отношении недвижимости его рыночной стоимости на дату, на которую уже установлена кадастровая стоимость.

Выводы

Оценка недвижимого имущества в нашей стране имеет глубокие исторические корни. Ретроспективное рассмотрение кадастровой оценки свидетельствуют о трансформации подходов к системе налогообложения. В постсоветский период сложились условия для появления частных собственников недвижимого имущества, что повлекло пересмотр не только системы кадастрового учета, но и оценки недвижимости.

С началом нового тысячелетия система государственной кадастровой оценки претерпела существенные изменения и приобрела свой современный вид. Она основана на статистических методах и моделях оценки, которые обеспечивают большую объективность и прозрачность.

В настоящее время в процессе государственной кадастровой оценке все шире используются современные технологии, такие как геоинформационные системы, спутниковые снимки и большие данные.

Список источников

1. О проведении эксперимента по налогообложению недвижимости в городах Великом Новгороде и Твери: федеральный закон от 20.07.1997 № 110-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации N 30, 28.07.97
2. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.1998 № 135-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 1998 г. N 31 ст. 3813
3. О государственной кадастровой оценке земель: постановление Правительства РФ от 25.08.1999 № 945 // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 августа 1999 г., N 35, ст. 4326
4. Об утверждении Методики государственной кадастровой оценки земель лесного фонда Российской Федерации: Приказ Росземкадастра от 17.10.2002 № П/336 (утратил силу с изданием Приказа Минэкономразвития РФ от 15.03.2010 № 96.) // СПС «КонсультантПлюс»
5. Доклад президента Российского общества оценщиков С.А. Табаковой // Имущественные отношения в РФ. 2003. № 7. С. 50.
6. Драчен А.В. Споры о результатах определения кадастровой стоимости. Практические аспекты // Имущественные отношения в РФ. 2011. № 10 (121) С. 94 – 103.
7. Морозова Л.Е. Государственная деятельность княгини Ольги // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. № 4 (12) С. 31 – 41.
8. Петропавловская Ю.С. Правовое регулирование в области государственной кадастровой оценки недвижимости: некоторые аспекты // Вестник Арбитражного суда Московской области. 2018. № 1. С. 5.

9. Пожарская М.С., Матина А.А. Анализ эффективности оспаривания кадастровой стоимости // Инновационные процессы в сельском хозяйстве: сб. статей XVI междунар. науч. конфер. Москва, 2024. С. 230 – 234.

10. Скиданова К.И., Скачкова О.С. Оспаривание результатов кадастровой оценки объектов недвижимости в суде: сущность процесса, основные этапы // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. № 6-1(81). С. 124 – 128.

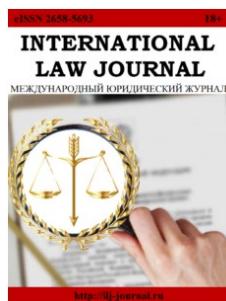
References

1. On conducting an experiment on real estate taxation in the cities of Veliky Novgorod and Tver: Federal Law of 20.07.1997 No. 110-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation No. 30, 28.07.97
2. On appraisal activities in the Russian Federation: Federal Law of 27.07.1998 No. 135-F3. Collection of Legislation of the Russian Federation of August 3, 1998 No. 31, Art. 3813
3. On state cadastral valuation of lands: Resolution of the Government of the Russian Federation of 25.08.1999 No. 945. Collection of Legislation of the Russian Federation of August 30, 1999, No. 35, Art. 4326
4. On approval of the Methodology of state cadastral valuation of forest fund lands of the Russian Federation: Order of Roszemkadastr dated 17.10.2002 No. P/336 (ceased to be effective with the publication of the Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated 15.03.2010 No. 96.). SPS "Consultant-Plus"
5. Report of the President of the Russian Society of Appraisers S.A. Tabakova. Property relations in the Russian Federation. 2003. No. 7. P. 50.
6. Drachen A.V. Disputes over the results of determining cadastral value. Practical aspects. Property relations in the Russian Federation. 2011. No. 10 (121) P. 94 – 103.
7. Morozova L.E. State activities of Princess Olga. Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary. 2015. No. 4 (12) P. 31 – 41.
8. Petropavlovskaya Yu.S. Legal regulation in the field of state cadastral valuation of real estate: some aspects. Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow Region. 2018. No. 1. P. 5.
9. Pozharskaya M.S., Matina A.A. Analysis of the effectiveness of challenging the cadastral value. Innovative processes in agriculture: collection of articles of the XVI int. scientific conference. Moscow, 2024. P. 230 – 234.
10. Skidanova K.I., Skachkova O.S. Challenging the results of cadastral valuation of real estate in court: the essence of the process, the main stages. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 6-1 (81). P. 124 – 128.

Информация об авторе

Цуканов С.С., кандидат исторических наук, доцент, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, сер200670@ya.ru

© Цуканов С.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.9:339.543

Проблемные вопросы при определении предназначения товаров, перемещаемых физическими лицами

^{1,2} Шахматова Н.А.,
¹ Российская таможенная академия,
² начальник отдела контроля за соблюдением законности в области таможенного дела правовой службы Шереметьевской таможни

Аннотация: в статье рассматривается проблема определения предназначения товаров, перемещаемых физическими лицами через таможенную границу Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в контексте отсутствия четких правовых дефиниций понятий «семья» и «члены семьи» в Таможенном кодексе ЕАЭС. Недостаточная проработка терминологии приводит к правовой неопределенности при классификации товаров личного пользования, что затрудняет правоприменимую практику и может становиться основанием для административных споров. Автор анализирует существующие подходы к решению данной проблемы, в том числе попытки восполнения правового пробела за счет обращения к нормам семейного законодательства Российской Федерации. Рассматривается возможность использования определений из Семейного кодекса РФ и иных нормативных актов, однако выявляются сложности, связанные с различием отраслевого регулирования и множественностью интерпретаций понятий «семья» и «члены семьи» в разных правовых сферах. На основе проведенного анализа предложены пути решения, включающие внесение соответствующих изменений в Таможенный кодекс ЕАЭС. Особое внимание уделяется правоприменимой практике, статистическим данным по административным делам и их динамике, а также влиянию выявленных проблем на эффективность работы таможенных органов и уровень доверия граждан.

Ключевые слова: товары для личного пользования, физические лица, перемещение товаров, таможенные органы, пробел в праве, таможенное регулирование, дело об административном правонарушении, семья, члены семьи

Для цитирования: Шахматова Н.А. Проблемные вопросы при определении предназначения товаров, перемещаемых физическими лицами // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 115 – 119.

Поступила в редакцию: 1 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 3 января 2025 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

Problematic issues in determining the purpose of goods transported by individuals

^{1,2} Shakhmatova N.A.,
¹ Russian Customs Academy,
² Head of the Department of Control over the Observance of Legality in the field of Customs Affairs of the Legal Service of Sheremetyevo Customs

Abstract: the article considers the problem of determining the purpose of goods transported by individuals across the customs border of the Eurasian Economic Union (EEU) in the context of the lack of clear legal definitions of the concepts of "family" and "family members" in the Customs Code of the EEU. Insufficient elaboration of terminology leads to legal uncertainty in the classification of personal goods, which complicates law enforce-

ment practice and can become the basis for administrative disputes. The author analyzes existing approaches to solving this problem, including attempts to fill the legal gap by referring to the norms of family legislation of the Russian Federation. The possibility of using definitions from the Family Code of the Russian Federation and other regulations is considered, but difficulties associated with the difference in industry regulation and the multiplicity of interpretations of the concepts of "family" and "family members" in different legal spheres are revealed. Based on the analysis, solutions are proposed, including making appropriate changes to the Customs Code of the EAEU. Particular attention is paid to law enforcement practice, statistical data on administrative cases and their dynamics, as well as the impact of identified problems on the efficiency of customs authorities and the level of public trust.

Keywords: goods for personal use, individuals, movement of goods, customs authorities, legal gap, customs regulation, administrative offense case, family, family members

For citation: Shakhmatova N.A. Problematic issues in determining the purpose of goods transported by individuals. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 115 – 119.

The article was submitted: November 1, 2024; Approved after reviewing: January 3, 2025; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

С января 2018 года начал действовать единый свод таможенных правил – Таможенный кодекс ЕАЭС (далее – ТК ЕАЭС), который стал основополагающим документом, регламентирующим таможенные отношения во всех странах-участницах Евразийского экономического союза. Данный документ охватывает широкий спектр вопросов: от процедур перемещения товаров через границу до регламентации взаимоотношений между таможенными органами и владельцами грузов [9].

Кодекс детально прописывает механизмы таможенного контроля, декларирования, хранения и транспортировки товаров. В сферу его регулирования входят вопросы внесения таможенных платежей, включая специальные, антидемпинговые и компенсационные пошлины. Особое внимание уделяется правилам нахождения товаров как на территории Союза, так и за его пределами.

В процессе практического внедрения Таможенного кодекса ЕАЭС обнаружились существенные недоработки в части терминологического аппарата. В частности, недостаточная проработка понятийной базы затронула главу 37, посвященную регулированию перемещения личных товаров граждан через границу.

Материалы и методы исследований

В процессе исследования применен комплексный методологический подход, включающий анализ нормативно-правовых актов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Российской Федерации, судебной практики, а также статистических данных по административным правонарушениям в сфере таможенного регулирования. Основное внимание уделено изучению положений Таможенного кодекса ЕАЭС, в частности главы 37, регламентирующей порядок перемещения товаров личного пользования, а также выявлению терминологических пробелов, влияющих на правоприменительную практику.

В качестве основного метода исследования использован формально-юридический анализ, направленный на выявление несовершенства правовых норм и их влияния на правоприменение. Также применены сравнительно-правовой метод для сопоставления норм таможенного законодательства с нормами семейного и административного права, а также метод системного анализа, позволивший выявить взаимосвязь между отсутствием четких дефиниций в нормативных актах и возникающими проблемами в правоприменении. Статистический анализ данных о возбужденных и прекращенных делах об административных правонарушениях позволил количественно оценить масштабы проблемы и ее динамику.

Результаты и обсуждения

Согласно положениям ТК ЕАЭС (пп. 46 п. 1 ст. 2), к категории товаров личного пользования причисляются предметы и вещи, которые физические лица приобретают для удовлетворения персональных, домашних и семейных нужд, исключая любые коммерческие цели. Законодательство предусматривает несколько вариантов транспортировки таких товаров через границу Союза: они могут следовать с владельцем в качестве багажа, отправляться отдельно, пересыпаться по международной почте или доставляться альтернативными способами.

Хотя формулировка «для семейных нужд» подразумевает использование ввезенных товаров членами семьи лица, осуществившего их перемещение через таможенную границу ЕАЭС, возникает существенная

правовая неопределенность. Это связано с тем, что ни в ТК ЕАЭС, ни в сопутствующих нормативных актах таможенного законодательства не содержится четких дефиниций понятий «семья» и «члены семьи».

Данный терминологический пробел создает затруднения в правоприменительной практике таможенных органов.

Наблюдаемая ситуация может рассматриваться как классический пример правового пробела – отсутствия необходимых нормативных предписаний для регулирования конкретных правоотношений. В юридической практике пробел определяется как недостаток правовой регламентации реальных общественных отношений, требующих правового разрешения [2].

Хотя устранение подобных пробелов традиционно является прерогативой законодателя, таможенное регулирование опирается на комплексную правовую базу, включающую как ТК ЕАЭС, так и иные акты Союза и российское законодательство [8]. Однако анализ этих нормативных документов показывает, что определения понятий «семья» и «члены семьи» в них отсутствуют.

Учитывая системный характер права и взаимосвязь его различных отраслей, возможным решением представляется обращение к смежным правовым источникам. В частности, целесообразно использовать определения, содержащиеся в Семейном кодексе Российской Федерации, для восполнения существующего пробела [4].

Как отмечает С.С. Алексеев, восполнение правовых пробелов представляет собой особый метод правоприменения, при котором решение принимается в соответствии с законодательной волей, даже если она не получила явного выражения в конкретных правовых нормах [1, 3].

Попытка применить положения Семейного кодекса РФ к таможенным правоотношениям выявляет определенные сложности. Хотя термины «семья» и «члены семьи» встречаются во множестве статей данного кодекса (1, 2, 4, 5, 7, 60, 69, 98, 102, 106, 118, 146, 164), их трактовка весьма широка. Согласно анализу этого документа, к членам семьи причисляются:

- кровные родственники (родители, дети, бабушки, дедушки, внуки, братья, сестры);
- усыновители и усыновленные;
- свойственники (супруги, отчим/мачеха, пасынки/падчерицы).

Ситуация осложняется тем, что другие отрасли права предлагают собственные определения. Например, статья 31 Жилищного кодекса РФ ограничивает понятие членов семьи собственника жилья кругом лиц, проживающих совместно с ним: супругом, детьми и родителями.

Множественность интерпретаций создает серьезные препятствия в деятельности таможенной службы, что влечет за собой непоследовательность в процессе категоризации личных товаров.

ТК ЕАЭС в п. 4 ст. 256 устанавливает, что основанием для определения целевого назначения ввозимых предметов служит декларация физического лица. Однако на практике возникает очевидный диссонанс между нормативными требованиями и их фактической реализацией.

Когда физическое лицо указывает в документах, что импортируемые товары предназначаются для использования в кругу семьи (включая супругов и детей), таможенные службы обычно относят такие предметы к категории личного пользования. Разумеется, это происходит при условии соответствия дополнительным параметрам, таким как периодичность пересечения границы и специфические характеристики самих товаров [5,7].

Однако ситуация существенно усложняется, если лицо заявляет о ввозе товаров для более дальних родственников - дедушки, брата или дяди. В этом случае, несмотря на то что эти лица также являются членами семьи согласно Семейному кодексу РФ, отсутствие четких определений в таможенном законодательстве создает неопределенность в принятии решения о статусе таких товаров. Такие товары могут попасть под категорию не для личного пользования. Так как в статье 2 Семейного кодекса Российской Федерации указаны только супруги, родители и дети (усыновители и усыновленные).

Мудрое изречение Р. Декарта о том, что точное определение значений слов способно избавить человечество от половины заблуждений, как нельзя лучше отражает суть рассматриваемой проблемы [1].

Определение предназначения товаров имеет критическое значение в таможенной практике, поскольку напрямую влияет на правовые последствия. В частности, если товары, провезенные через «зеленый» коридор, классифицируются как коммерческая партия, это автоматически влечет возбуждение дела об административном правонарушении по части 1 статьи 16.2 КоАП России. Примечательно, что данная норма применяется даже в случаях, когда товары не превышают установленных лимитов в 10000 евро и 50 кг для авиаперевозок [10].

Решение таможенного инспектора относительно предназначения товаров играет ключевую роль в формировании доказательной базы при рассмотрении административных правонарушений, становясь фундаментальным фактором в определении самого факта нарушения.

Согласно информации из программного комплекса «Административные правонарушения», интегрированного в АИС «Правоохрана», динамика административных правонарушений демонстрирует значительные масштабы. В 2019 году было инициировано свыше 150 тысяч административных дел, причем более трети из них касались физических лиц. Следующий год показал снижение показателей до 114 тысяч дел, включая около 29 тысяч в отношении граждан. К 2021 году количество возбужденных дел вновь возросло до 138 тысяч, из которых более 40 тысяч затрагивали физических лиц.

Наиболее распространенным видом нарушений среди физических лиц остается состав, предусмотренный частью 1 статьи 16.2 КоАП России. По данной статье в 2019 году было возбуждено более 38 тысяч дел, в 2020 – свыше 25 тысяч, а в 2021 году показатель превысил 30 тысяч дел. Эти цифры наглядно демонстрируют существенную долю правонарушений, совершаемых физическими лицами, в общем объеме таможенных нарушений. При этом примечательно, что в 2020 году в соответствии со статьями 28.9 и 29.9 КоАП России производство было прекращено по 2462 административным делам. При этом таможенные органы прекратили 1572 дела (64%), а суды и иные органы исполнительной власти – 890 дел (36%), что составило 2,1% от общего количества возбужденных дел.

В 2021 году наблюдается снижение числа прекращенных дел до 1962, из которых таможенными органами прекращено 1157 дел (59%), судами и иными органами исполнительной власти – 805 дел (41%). Доля прекращенных дел от общего количества возбужденных составила 1,4%.

Заслуживает пристального внимания статистический анализ прекращенных административных производств, возбужденных по ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ, где основанием для прекращения послужило отсутствие самого события правонарушения, в том числе из-за обсуждаемых терминологических неточностей. Динамика таких дел демонстрирует определенные колебания: если в 2018 году было прекращено 16 производств, то в 2019 году этот показатель вырос почти вдвое, достигнув 31 дела. Последующие годы характеризовались снижением числа прекращенных дел – 8 случаев в 2020 году и 11 эпизодов в 2021 году [6].

Выводы

Доля прекращенных дел в общем массиве дел об АП незначительная, но эти дела возбуждались в отношении физических лиц, которые на основании своих эмоциональных переживаний, впечатлений, умозаключений, вследствие незаконного возбуждения дел об АП могут негативно оценить работу таможенных органов. С учетом того, что негативный опыт физическое лицо донесет до своего круга общения, а с развитием социальных сетей в сети Интернет этот круг не ограничен. Одно незаконно возбужденное дело об АП способно нанести огромный урон репутации и доверию со стороны населения к таможенным органам.

На основании вышеизложенного считаю первостепенной задачей внести в статью 2 ТК ЕАЭС изменения и дополнить ее понятиями «семьи» и «члены семьи».

Список источников

1. Алексеев С.С. Теория государства и права. М.: Изд-во Проспект, 2008. 480 с.
2. Астапова М.А. Проблемы в праве и применение права по аналогии // Печатается по решению редакционно-издательского совета ФГКОУ ВПО «Восточно-Сибирский институт МВД России». 2013. С. 8.
3. Балыгинских А.А. Перемещение товаров для личного пользования через таможенную границу ЕАЭС // Человеческий капитал как фактор инновационного развития: Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2020. С. 106.
4. Греков И.В. Совершенствование качества таможенных услуг и таможенного контроля товаров, перемещаемых физическими лицами для личного пользования в воздушных пунктах пропуска // Управленческое консультирование. 2019. № 5 (125). С. 114 – 120.
5. Жаборовский А.С. О некоторых вопросах правового регулирования перемещения товаров для личного пользования физических лиц в международных почтовых отправлениях // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2019. № 2. С. 89 – 96.
6. Информация Федеральной таможенной службы России [Электронный ресурс]. URL: www.customs.gov.ru (дата обращения: 1.05.2024)
7. Калинина К.И. Особенности перемещения товаров для личного пользования через таможенную границу // Актуальные вопросы экономической безопасности и таможенного дела: Сборник научных работ всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 53 – 56.

8. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2017 г. N 107 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования» [Электронный ресурс] // СПС Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_293595/ (дата обращения: 1.05.2024)

9. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 1.05.2024)

10. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/ (дата обращения: 1.05.2024)

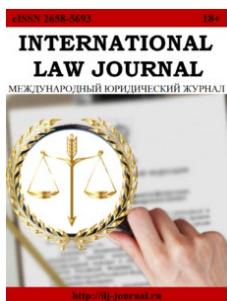
References

1. Alekseev S.S. Theory of State and Law. M.: Prospect Publishing House, 2008. 480 p.
2. Astapova M.A. Gaps in the Law and the Application of Law by Analogy. Published by the decision of the Editorial and Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia". 2013. P. 8.
3. Balyatinskikh A.A. Movement of goods for personal use across the customs border of the EAEU. Human capital as a factor in innovative development: Collection of articles from the International Scientific and Practical Conference. 2020. P. 106.
4. Grekov I.V. Improving the quality of customs services and customs control of goods moved by individuals for personal use at air checkpoints. Management Consulting. 2019. No. 5 (125). P. 114 – 120.
5. Zhaborovsky A.S. On some issues of legal regulation of the movement of goods for personal use of individuals in international postal items. Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy. 2019. No. 2. P. 89 – 96.
6. Information of the Federal Customs Service of Russia [Electronic resource]. URL: www.customs.gov.ru (date of access: 01.05.2024)
7. Kalinina K.I. Features of the movement of goods for personal use across the customs border. Current issues of economic security and customs affairs: Collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference. 2020. P. 53 – 56.
8. Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission of December 20, 2017 N 107 "On certain issues related to goods for personal use" [Electronic resource]. SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_293595/ (date of access: 01.05.2024)
9. Customs Code of the Eurasian Economic Union (Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union) [Electronic resource]. SPS Consultant-Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (date of access: 01.05.2024)
10. Federal Law of 03.08.2018 No. 289-FZ "On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. SPS "Consultant Plus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/ (date of access: 01.05.2024)

Информация об авторе

Шахматова Н.А., аспирант, Российская таможенная академия; начальник отдела контроля за соблюдением законности в области таможенного дела правовой службы Шереметьевской таможни

© Шахматова Н.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.132.8

Особенности производства осмотра места происшествия по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов

¹ Винокуров Э.А.,

¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

Аннотация: в статье автор затрагивает отдельные положения производства осмотра места происшествия по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов, а также некоторые особенности фиксации информации в протоколе, полученном в ходе указанного следственного действия.

Исследование было проведено с позиции организационно-процессуальных действий следователя (дознавателя) на всех взаимосвязанных этапах производства осмотра места происшествия.

На основании проведенного анализа автор приходит к выводу, что осмотр места происшествия по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов, представляет собой сложное организационно-процессуальное действие следователя (дознавателя), сложность которого обусловлена рядом положений: во-первых, подготовка и производство следственного осмотра, в части правовой регламентации основывается, как на ведомственных нормативных актах (приказы, указания и т.д.), которые имеют императивный характер для следователя (дознавателя) и направлены на решение вспомогательных и основных задач, так и на положениях действующего уголовно-процессуального законодательства; во-вторых, уголовно-процессуальный закон возлагает на следователя (дознавателя) обязанность по соблюдению четких предписаний закона (например, получение разрешения суда на производство осмотра в жилом помещении и т.д.); в-третьих, протокол осмотра места происшествия и зафиксированная в нем информация, может быть правовой основой для принятия процессуального решения, как на стадии возбуждения уголовного дела, так и в рамках установления обстоятельств совершения преступлений на стадии предварительного расследования, а в последующем и на судебных стадиях.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, организационные действия, процессуальные действия, объект осмотра, протокол осмотра, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов

Для цитирования: Винокуров Э.А. Особенности производства осмотра места происшествия по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 120 – 125.

Поступила в редакцию: 2 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 4 января 2025 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

Production features inspection of the accident site on crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances or their analogues

¹Vinokurov E.A.,
¹Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin

Abstract: in the article, the author touches upon certain provisions of the inspection of the scene of crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances or their analogues, as well as some features of recording information in the protocol obtained during the specified investigative action.

The study was conducted from the perspective of the organizational and procedural actions of the investigator (inquirer) at all interrelated stages of the inspection of the scene.

Based on the analysis, the author comes to the conclusion that the inspection of the scene of an incident for crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances or their analogues is a complex organizational and procedural action of the investigator (inquirer), the complexity of which is due to a number of provisions: firstly, the preparation and conduct of an investigative inspection, in terms of legal regulation It is based on departmental regulations (orders, instructions, etc.), which are imperative for the investigator (inquirer) and are aimed at solving auxiliary and basic tasks, as well as at the provisions of the current criminal procedure legislation; secondly, the criminal procedure law imposes on the investigator (inquirer) the obligation to comply with clear legal requirements (for example, obtaining court permission to conduct an inspection in a residential building etc.); Thirdly, the protocol of the inspection of the scene and the information recorded in it can be the legal basis for making a procedural decision, both at the stage of initiating a criminal case, and in the context of establishing the circumstances of the commission of crimes at the stage of preliminary investigation, and subsequently at the judicial stages.

Keywords: inspection of the scene, organizational actions, procedural actions, the object of the inspection, the inspection protocol, illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances or their analogues

For citation: Vinokurov E.A. Production features inspection of the accident site on crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances or their analogues. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 120 – 125.

The article was submitted: November 2, 2024; Approved after reviewing: January 4, 2025; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Преступления в области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов являются одной из актуальных проблем любого правового государства в современных реалиях. Это обусловлено, тем, что обозначенная проблематика, по своей структуре является многогранной: во-первых, совершаемые преступления способствует подрыву демографического потенциала страны, ухудшению показателей здоровья населения, снижению уровня общественного порядка и общественной нравственности; во-вторых, несовершенство уголовно правовой регламентации, а также нормативно-правовой базы в области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов, в определенных случаях исключают возможность органам предварительного расследования привлечь лиц к уголовной ответственности; в-третьих, при расследования преступлений данной категории, у органов предварительного расследования возникают отдельные проблемные аспекты, как при установления всех обстоятельств совершения преступлений на стадии предварительного расследования, так и собирания первоначальных доказательств при проверки сообщения о преступлении в данной сфере.

Также актуальность данного направления была отмечена и Министром внутренних дел Российской Федерации Владимиром Колокольцевым на заседании Объединенной коллегии МВД России и Таджикистана. Так, в частности Владимир Колокольцев отметил, что, в 2024 году было зарегистрировано 145 тыс. наркопреступлений, что составляет 10% от общего числа преступлений в стране. При этом правоохранительным органам удалось раскрыть только около 70% таких преступлений и изъять более 25 тонн наркотиков [7], что в свою очередь говорит, как о масштабах сложившейся проблемы, так и о сложности установления обстоятельств совершенных преступлений.

Поэтому сохраняющееся высокая общественная опасность данной категории преступлений представляет серьезную угрозу национальной безопасности России, несмотря на принимаемые государством меры.

Материалы и методы исследований

В данной статье мы хотели бы проанализировать некоторые особенности производства осмотра места происшествия по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов, при этом особое внимание уделить организационным и процессуальным аспектам производства указанного следственного действия, как с позиции мнений ученых процессуалистов, так и с позиции правоприменительной практики.

Результаты и обсуждения

К первоначальному следственному действию в ходе проверки по сообщению о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов относиться следственный осмотр. Это обусловлено тем, что, оно имеет важное значение для установления ряда обстоятельств совершения указанного преступления и по своей правовой природе является как первоначальным, так и безотлагательным действием.

Целью осуществления следственного осмотра по делам данной категории является получение первоначальной доказательственной базы о таких обстоятельствах, как: способ изготовления (производства и т.д.); в определенных случаях место, где были изготовлены (произведены и т.д.) наркотические средства или психотропные вещества; информацию о лицах, а также сведения об обстоятельствах, которые способствовали совершению преступлений и т.д. [9].

Анализ правоприменительной практики, а также позиций различных ученых, позволяет говорить о существовании большого количества различных объектов, осмотр которых позволит установить определенные обстоятельства совершения преступлений в области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов.

Так, например Е.Е. Космодемьянская, отмечает, что объектами осмотра данной категории преступлений могут являться, как сами наркотические средства (при этом особая роль отводится установлению места изготовления, например в лабораториях, подпольных цехах и т.д.), так и производные данных средств (например, полуфабрикаты, реактивы и т.д.), особое место среди объектов осмотра занимают полученные отходы после произведенных манипуляций по изготовлению наркотических средств (например, маковая соломка, побочные продукты, образующиеся при синтезе некоторых наркотических средств и т.д.) [4].

А.В. Киселев, в свою очередь, акцентируя внимания на место изготовления (производства), хранения и т.д. наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов выделяет следующие объекты осмотра: жилые и нежилые помещения; транспортные средства в том числе железнодорожный, воздушный и морской (речной) транспорт; поля, приусадебные участки и т.д.; участки местности, на которых производились задержания с поличным участников по данной категории преступлений [3].

Особо следует подчеркнуть, что в современных реалиях всеобщей цифровизации и компьютеризации преступления в данной области также могут быть совершены указанные преступления посредством использования персонального компьютера, планшета, смартфона и т.п., следовательно, указанные предметы также могут быть объектом осмотра [2].

Приведенный выше перечень объектов осмотра не является исчерпывающим, поскольку способы совершения соответствующих преступлений постоянно видоизменяются (появляются новые способы), а это в свою очередь приводит к появлению новых объектов, которые в свою очередь также могут быть объектом следственного осмотра.

Однако, среди выделяемых видов следственного осмотра, особое место занимает осмотр места происшествия, как первоначальный этап собирания информации об обстоятельствах совершения преступления в области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов.

Поэтому, в контексте проводимого анализа остановимся на организационных и процессуальных действиях следователя (дознавателя), осуществляемых при подготовке и производстве осмотра места происшествия, а также в рамках фиксации результатов в протоколе осмотра.

При этом, следует отметить, что организационные действия следователя (дознавателя), как правило основываются на ведомственных нормативных актах (приказы, указания и т.д.), с целью решения, как вспомогательных задач (например, установления отдельных элементов совершения преступления), так основных задач (например, установления места, времени, способа, лиц которые совершили преступления в области незаконного оборота наркотиков). Процессуальной же основой действия выступают положения уголовно-процессуального закона, которые обязывают следователя (дознавателя) получить разрешения суда на производство осмотра (в случае нетерпящих отлагательства вынести постановление о производстве осмотра), при этом целью такого действия является получение доказательственной информации по преступлениям в области незаконного оборота наркотиков, и с последующим использованием данной информ-

мации для принятия процессуального решения, как на стадии возбуждения уголовного дела, так и доказывания инкриминируемого деяния на стадии предварительного расследования, а в последующем и на судебных стадиях.

Подготовка к осмотру места происшествия включают в себя два взаимосвязанных этапа, это действия следователя (дознавателя) до выезда на осмотр, и первоначальные действия по прибытию на место происшествия.

Указанные действия, как правило содержат в себе, как элементы организационного, так и процессуального характера.

Организационный аспект, как правило заключается в осуществлении ряда взаимосвязанных действий: включения в состав следственно-оперативной группы необходимых специалистов исходя из полученной информации от оперативного дежурного; проверка исправности технических средств для осуществления обнаружения и фиксации следов преступления; при необходимости использования групп сопровождения «СОБР», «ГРОМ» и т.д.

Процессуальный аспект будет заключаться в: получении судебного решения на производства осмотра или же вынесения постановления со стороны следователя (дознавателя) в случае не требующих отлагательства (в тех случаях, если осмотр проводиться в жилище); подборе понятых; получения объяснения от лиц находящихся на месте происшествия и т.д. [3].

Следующим этапом осмотра места происшествия, является как правило исследовательский, и относиться в большей мере к процессуальному (следственному) действию, поскольку представляет собой строго регламентированное уголовно-процессуальным законом действие, целью которого является обнаружение и фиксация следов преступления, имеющих значение для уголовного дела по делам в области незаконного оборота наркотиков (ч. 1 ст. 176 УПК РФ).

Указанный этап, как правило необходимо начать с общего обзора, в процессе которого должно быть определено точное расположение места происшествия относительно каких-либо постоянных ориентиров. Таким образом, следователь (дознаватель) получит, как общее представление о характере и структуре места происшествия, так и об отдельных структурных элементах, указывающих на элементы совершения преступления [5].

Так, например, при осмотре места происшествия, объектом которого выступают различные жилые и/или нежилые помещения (например, дом, сарай, подвал и т.д.), можно прийти к выводу о конкретном виде преступления – изготовление, хранение, перевозка и т.д. наркотических средств и психотропных веществ.

Поэтому в протоколе осмотра необходимо отразить информацию: о местонахождении данного жилого и/или нежилого помещения с его описанием; о месте расположении и внешних элементах обнаруженных веществ; о том в чем были упакованы, как сами обнаруженные наркотические средства или психотропные вещества, а в случаях обнаружения сырья из которых были изготовлены наркотики, они также должны найти свое отражение в протоколе и т.д. [8].

В тех случаях, когда объектом осмотра является участок местности, на котором произрастает наркосодержащие растения, то в протоколе необходимо описать месторасположение данного участка по отношению к определенным ориентирам (жилым домам, дорогам и т.д.), его размеры, собственник; конкретизировать вид наркосодержащего растения, а также указать их количество и стадию вегетации; указать, произрастают ли наркосодержащие растения с другими культурами, или же нет и др. [1].

Также в правоприменительной практике имеют место случаи, когда в рамках следственного осмотра изымаются обнаруженные объекты, а более детальный их осмотр производиться уже в служебном кабинете. Как правило, такие действия направлены на установления формальных элементов состава преступления (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Подтверждением указанного положения является пример из правоприменительной практики. Так, объектом осмотра являлся бумажный конверт белого цвета, размером 219мм Х 109мм, изъятый в ходе осмотра места происшествия – лестничной площадки ..., проводимого по адресу: .... При вскрытии указанного бумажного конверта белого цвета был обнаружен: полимерный сверток; полимерный пакет с застежкой типа «зип-лок» с полосой синего цвета, внутри которого находится порошкообразное вещество белого цвета.

В случае, если объектом осмотра выступает не наркотическое средство, а устройство для его потребления, то описательная часть протокола осмотра содержит информацию о таких объектах.

Осмотром установлено: предметом осмотра является бумажный конверт белого цвета, размером 219мм Х 109мм, изъятый в ходе осмотра места происшествия – лестничной площадки ..., проводимого по адресу: .... При вскрытии бумажного конверта белого цвета был обнаружен предмет, состоящий из стеклянной трубки и полимерной трубки, со следами вещества коричневого цвета внутри [6].

Следует отметить, что в ходе осмотра места происшествия, в протоколе необходимо отражать способ обнаружения, фиксации и порядок изъятия объектов, несущих определенную информацию, и имеющих отношение к области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов.

Заключительный этап осмотра места происшествия, как правило содержит процессуальный и организационный элемент. Это обусловлено рядом обстоятельств: во-первых, уголовно-процессуальный закон предписывает следователю (дознавателю) фиксировать все действия, производимые в ходе осмотра; во-вторых, если в ходе осмотра были обнаружены следы преступления, то в протоколе должны быть указаны способы их обнаружения и в последующем изъятия, а также способы упаковки таких объектов [5, с. 217]. Например, при производстве осмотра изъяты: фрагмент липкой ленты-скотч зеленого цвета, прозрачный полимерный пакет с замком zip-lock, которые упакованы в бумажный конверт коричневого цвета, клапан которого опечатан фрагментом бумаги с оттиском круглой печати «указывается содержимое печати», снабжен пояснительной надписью «Пакет, в котором находится», далее рукописный текст следующего содержания: «остатки упаковочного материала, изъятые в ходе осмотра лесополосы, расположенной в 150 метрах от адреса: «....». Или, например, при производстве следственного действия изъято: порошкообразное вещество белого цвета в полиэтиленовом пакете с замком zip-lock, помещено в бумажный конверт белого цвета, на лицевой стороне которого имеется печатный текст следующего содержания: «Полиэтиленовый пакет с порошкообразным веществом белого цвета, изъято в ходе осмотра, проведенного по адресу: г. Белгород, примерно в 300 метрах от дома 2 по ул. Лирмонтова» [6]. В-третьих, законодатель возлагает на следователя (дознавателя) обязанность ознакомить всех участвующих лиц с протоколом осмотра и внести замечания в тех случаях, когда они имеются. В-четвертых, правильное изъятие следов преступления, их упаковка и транспортировка имеет существенное значение для установления ряда обстоятельств совершения преступления в области незаконного оборота наркотиков.

Выходы

На основании проведенного анализа можно констатировать, что осмотр места происшествия по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов, представляет собой сложное организационно-процессуальное действие следователя (дознавателя) на всех этапах его производства, сложность которого обусловлена рядом положений: во-первых, в рамках подготовки, а также в последующем при производстве осмотра, следователи (дознаватели) должны руководствоваться, как ведомственными нормативными актами (приказами, указаниями и т.д.), так и действующим уголовно-процессуальным законодательством; во-вторых, ведомственные нормативные акты содержат императивные предписания для исполнителей и направлены на решение вспомогательных и основных задач, в рамках организационного действия; в-третьих, объект осмотра (например, жилой дом, квартира и др., или нежилое строение: сарай, гараж и т.д., а в определенных случаях земельные участки, компьютеры и т.д.), указывает следователю (дознавателю), на этапе подготовки к осмотру, на необходимость четкого соблюдения требований закона (например, получения судебного постановления на производство осмотра жилого помещения или вынесения постановления в случаях нетерпящих отлагательств и т.д.), а также правильно, полно и своевременно фиксировать все производимые действия в ходе осмотра в протоколе; в-четвертых, протокол осмотра места происшествия и зафиксированная в нем информация, может быть использована для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела, а также в рамках доказывания инкриминируемого деяния на стадии предварительного расследования, а в последующем и на судебных стадиях при условии выполнения следователем (дознавателем) всех требований и предписаний.

Список источников

1. Гиндулин Р.Х., Егерева О.А. Особенности осмотра места происшествия при расследовании незаконного оборота наркотиков [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 29.09.2024)
2. Земцова С.И., Суров О.А., Галушин П.В. Организационно-тактические аспекты производства осмотра компьютера при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом «дизайнерских» наркотиков, совершаемых с использованием интернет магазинов [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 29.09.2024)
3. Киселев А.В. Первоначальный этап осмотра места происшествия как ядро тактической операции при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 29.09.2024)

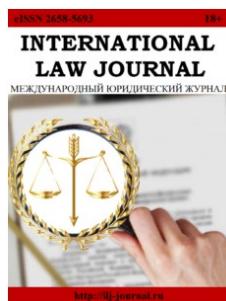
4. Космодемьянская Е.Е. Проблемные вопросы производства отдельных следственных действий при расследовании незаконного изготовления или производства наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 29.09.2024)
5. Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2013. 768 с.
6. Материалы, предоставленные объединёнными филиалами кафедры уголовного процесса и кафедры уголовно-правовых дисциплин Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина на базе ООД УМВД России по Белгородской области.
7. МВД: десятая часть всех преступлений связана с наркотиками [Электронный ресурс]. URL: <https://regions.ru/bezopasnost/mvd-desyataya-chast-vseh-prestupleniy-svyazana-s-narkotikami> (дата обращения: 28.09.2024)
8. Пьянзина Е.В. Особенности проведения осмотра места происшествия по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 30.09.2024)
9. Роганов С.А. Специфика осмотра места происшествия по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 29.09.2024)

References

1. Gindulin R.Kh., Egereva O.A. Features of the crime scene inspection during the investigation of illegal drug trafficking [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru> (date of access: 09/29/2024)
2. Zemtsova S.I., Surov O.A., Galushin P.V. Organizational and tactical aspects of the computer inspection during the investigation of crimes related to the illegal trafficking of "designer" drugs committed using online stores [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru> (date of access: 09/29/2024)
3. Kiselev A.V. The initial stage of the crime scene inspection as the core of the tactical operation during the investigation of crimes related to the illegal trafficking of drugs [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru> (date of access: 29.09.2024)
4. Kosmodemyanskaya E.E. Problematic issues of production of individual investigative actions during the investigation of illegal manufacture or production of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru> (date of access: 29.09.2024)
5. Forensic science: textbook. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect, 2013. 768 p.
6. Materials provided by the united branches of the Department of Criminal Procedure and the Department of Criminal Law Disciplines of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin on the basis of the Regional Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Belgorod Region.
7. Ministry of Internal Affairs: a tenth of all crimes are related to drugs [Electronic resource]. URL: <https://regions.ru/bezopasnost/mvd-desyataya-chast-vseh-prestupleniy-svyazana-s-narkotikami> (date of access: 09/28/2024)
8. Pyanzina E.V. Features of the inspection of the scene of the crime in criminal cases related to the illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru> (date of access: 09/30/2024)
9. Roganov S.A. Specifics of the inspection of the scene of the crime in cases of crimes related to the illegal trafficking of narcotic drugs [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru> (date of access: 09/29/2024)

Информация об авторе

Винокуров Э.А., кандидат юридических наук, доцент, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, VinokurovEA@yandex.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.04

Понятие права на образование в системе конституционных ценностей РФ

¹ Докучаева К.С., ¹ Плеханова А.В.,
¹ Пензенский государственный университет

Аннотация: реализация основных принципов Конституции нашей страны привлекает внимание многих специалистов, которые считают, что они служат краеугольным камнем в создании общенациональной правовой структуры, задают направление в определении базовых правовых идеалов для всех правовых сфер. Под конституционными ценностями понимаются ключевые идеи и направления, которые формируют основу нашей государственности. Эти идеи служат главными индикаторами правовой и национальной стратегии страны, занимая основное место в системе идеалов государства и населения. Основным источником конституционных принципов являются социальные идеалы, которые олицетворяют взаимодействие гражданина, социума и власти. Российская Конституция преобразует данные идеалы в закрепленные законом правовые ценности. При этом, одной из важнейших конституционных ценностей России, является право на образование. Образование представляет собой уникальное поле, на котором человек, социум и государство совместно работают над передачей не только учебного материала, но и способа восприятия мира, исторической памяти нации. Объектом исследования выступает право на образование граждан Российской Федерации. Цель исследования – комплексная характеристика понятия права на образование в системе конституционных ценностей России. **Научная новизна исследования** состоит в обобщении подходов к понятию и значению права на образование в системе конституционных ценностей Российской Федерации.

Ключевые слова: развитие права, право на образование, Конституция РФ, конституционные ценности РФ, конституционные цели, дошкольное образование, среднее образование, высшее образование

Для цитирования: Докучаева К.С., Плеханова А.В. Понятие права на образование в системе конституционных ценностей РФ // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 126 – 132.

Поступила в редакцию: 3 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 января 2025 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

The concept of the right to education in the system of constitutional values of the RF

¹ Dokuchaeva K.S., ¹ Plekhanova A.V.,
¹ Penza State University

Abstract: the implementation of the basic principles of the Constitution of our country attracts the attention of many specialists who believe that they serve as the cornerstone in the creation of a national legal structure and set the direction in defining basic legal ideals for all legal spheres. Constitutional values mean the key ideas and directions that form the basis of our statehood. These ideas serve as the main indicators of the country's legal and national strategy, occupying a major place in the system of ideals of the state and population. The main source of constitutional principles are social ideals that personify the interaction of a citizen, society and government. The Russian Constitution transforms these ideals into legal values enshrined in law. At the same time, one of the most important constitutional values of Russia is the right to education. Education is a unique field in which people, society and the state work together to convey not only educational material, but also a way of perceiving the world

and the historical memory of the nation. The object of the study is the right to education of citizens of the Russian Federation. The purpose of the study is a comprehensive description of the concept of the right to education in the system of constitutional values of Russia. Research methods – documentary method, general scientific methods (analysis, synthesis, generalization), comparative legal, logical and legal. The scientific novelty of the study lies in the generalization of approaches to the concept and meaning of the right to education in the system of constitutional values of the Russian Federation.

Keywords: development of law, right to education, Constitution of the Russian Federation, constitutional values of the Russian Federation, constitutional goals, preschool education, secondary education, higher education

For citation: Dokuchaeva K.S., Plekhanova A.V. The concept of the right to education in the system of constitutional values of the RF. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 126 – 132.

The article was submitted: November 3, 2024; Approved after reviewing: January 6, 2025; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

В наши дни процесс образования играет роль своеобразного моста между индивидом и общественным наследием. Через этот процесс человек интегрируется в социальное пространство, принимая его духовные ценности. Он стимулирует развитие личности, предоставляя возможность общения, самоосознания и профессионального роста. Образование объединяет в себе этические и культурные ценности, знания и опыт, необходимые для активного участия людей в современном социуме [9, с. 315].

По определению, образование – это прогресс индивида в области понимания ценного наследия человечества, выраженного в научных и творческих достижениях. Это также залог сохранения и прогресса национального культурного и материального наследия.

Материалы и методы исследований

При исследовании использовался документальный метод, общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение), сравнительно-правовой, логико-правовой.

Результаты и обсуждения

Образование можно рассматривать как компонент культурной парадигмы, как инструмент развития индивида и как ключ к формированию мировоззрения. Оно также играет значительную роль в контексте социального наследия и становления многогранной личности [11, с. 362].

Исследование образования привлекает ученых разных специальностей. В зависимости от дисциплины, образование изучается с разных сторон, учитывая свои основные принципы и задачи.

Образование является динамичным процессом. Оно объединяет в себе передачу знаний и специфики их практического применения. В данном контексте необходимо подчеркнуть ключевую роль образовательных учреждений в процессе передаче знаний.

Согласно действующему российской законодательству, образование рассматривается как комплексный процесс личностного роста, представляющий собой социальное достояние, служащее благополучию индивида, семьи и нации. Оно объединяет получаемые навыки, ценностное восприятие и профессиональное мастерство для гармоничного развития человека.

С юридической точки зрения, образование есть передача знаний и методик. Это явление можно характеризовать как комбинированный метод, сочетающий учебный процесс и личностное развитие, а также объем знаний, который человек приобретает в ходе обучения.

Такой подход предполагает, что образование играет ключевую роль на личностном, общественном и национальном уровнях. В контексте индивида – это развитие уникальных способностей и осознания. В масштабе общества и государства – это процесс развития культурных и интеллектуальных норм.

Полноценное развитие личности в контексте обучения зависит от активности самого ученика. Значимость этого процесса акцентирует внимание на основном праве на получение знаний как элемента основополагающих прав человека. Это право утверждено в Европейской конвенции о защите прав человека, подчеркивая его роль в структуре современного демократического мира [3, с. 12].

Каждый человек владеет неотъемлемыми личными свободами, и никакие исключения здесь не допускаются. Важно осознавать, что признавая эти свободы, реализуется принцип равенства и справедливости. Например, Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования, акцентирует внимание на избегании дискриминации, на фоне различных социальных и культурных аспектов, которые могут подорвать равноправие в сфере познания.

Понимание образования как фундаментального права коренится в человеческой природе. Задолго до создания сложных государственных механизмов, наши предки делились знаниями с молодым поколением. Этот интуитивный процесс обучения порождает потребность в его сохранении и защите от любых внешних воздействий. В истории известны моменты ущемления прав на образование по половому признаку или ограничения образовательных процессов со стороны религиозных организаций [5, с. 102].

В современном мире функционирует множество учреждений, задача которых – охрана и продвижение человеческих прав и свобод. Кроме того, работают специализированные системы, направленные на предотвращение нарушений в данной области. Эти системы включают в себя мониторинг действий стран в области реализации прав и свобод, рассмотрение жалоб и анализ конкретных ситуаций. Одним из ключевых органов в этом процессе является Офис Верховного комиссара ООН. Каждый человек имеет возможность обратиться к международным органам для защиты своих прав, в том числе и в области образования [12, с. 48].

Доступ к знаниям – фундаментальное право каждого индивида. На этом пути личностный рост идет параллельно с общественной выгодой, с учетом благополучия, как отдельного человека, так и целых сообществ и стран. Для гармоничного развития этой системы ключевую роль играют государственные органы, которые формируют актуальную образовательную среду.

Международное законодательство подчеркивает глобальное видение образования как базовой потребности, гарантируя, что каждый ребенок должен иметь право начать образование. При этом государство выступает как гарант доступности и бескорыстности этого процесса, а родители являются активными его участниками.

В международных актах отмечается важность как базового, так и последующего образования с потенциальной финансовой поддержкой, актуальность создания платформ для учащихся, принятия мер по увеличению посещаемости учебных заведений, а также мер, обеспечивающих качественный учебный процесс для детей с особыми потребностями [8, с. 184].

Необходимо учесть, что данные акты выставляют конкретные рамки доступа к обучению. К примеру, определены условия обучения детей соответствующего возраста, причем такие условия коррелируют с экономическим потенциалом конкретных стран, а обязанность государства гарантировать обучение, с учетом индивидуальных взглядов, не является всегда безоговорочной.

На уровне государственной политики, право каждого человека на знания прописано в ключевых законодательных актах.

Так, 43-я статья Основного закона РФ утверждает, что каждому гражданину гарантирована возможность получения знаний. В этом контексте подразумевается доступность и бесплатность начального и среднего образования в государственных учреждениях. Каждый гражданин также имеет право на бесплатное высшее образование, выбрав учебное заведение на конкурсной основе. Исходя из основных положений Конституции, можно выделить три ключевых принципа в данной области: свободу выбора образовательного пути, право на образование и долг его осуществления [6, с. 18].

В Законе об образовании подчеркивается, что каждый гражданин РФ имеет право на образование без каких-либо дискриминаций. Этот принцип подразумевает равные возможности образования для всех, независимо от личных и социальных характеристик.

Основной закон подчеркивает неотъемлемое право детей на базовое образование, подразумевая при этом обязанность, как государственных инстанций, так и местных органов обеспечивать такую возможность. В дополнение, родители или опекуны должны гарантировать, что их дети получат необходимый уровень знаний.

Главной ценностной концепцией, заложенной в фундамент национального законодательства, является не просто понятие "образование", а именно право каждого на доступ к нему, поддерживаемое государственными обязательствами.

В частности, Основной Закон устанавливает ключевые параметры данного права, подчеркивая доступность и безвозмездность начального, среднего и профессионального уровней в государственных и местных заведениях; конкурентный подход для получения бесплатного высшего образования; необходимость получения основного уровня образования; централизованный подход к формированию образовательных критерии с гарантией многогранности методов обучения.

Также, Основной Закон Российской Федерации выступает ключевым элементом для создания общего юридического поля, выделяя основополагающие принципы и ценности. Конституция выдвигает критерии, регулирующие основные стороны образовательного процесса. В качестве примера можно привести гарантию равных прав доступа к обучению для всех, независимо от их социального статуса или происхождения,

и поддержку принципов универсальности и демократии в образовательной системе.

Кроме того, в контексте Конституции, право на обучение рассматривается как одно из основных прав человека, дополняя и расширяя возможности каждого. Это особенно актуально для прав на специализированное и высшее образование, которые перекликаются с большинством других ключевых конституционных прав и свобод [1, с. 56].

В России учебный процесс не ограничивается только школьными рамками: многие избирают путь самообразования или домашнего обучения. Методы и подходы к изучению материала могут меняться в зависимости от времени, которое ученик готов уделить работе с преподавателем: есть варианты очного, смешанного и дистанционного форматов. Важно отметить, что после индивидуального или домашнего обучения обучающиеся могут пройти стандартное тестирование в учебных заведениях. Одна из уникальных черт российской системы образования – возможность выбора и комбинирования различных образовательных путей. Это создает основу для концепции "постоянного совершенствования", когда люди могут продолжать развиваться на протяжении всей жизни.

Безусловно, уровень организации системы образования во многом определяется национальной стратегией в этом области и степенью вовлеченности государства в учебный процесс. Государственная доктрина в области обучения предполагает осуществление ряда мероприятий с целью максимально эффективного применения образовательных инструментов для решения критически важных стратегических и глобальных вызовов. Знания и компетенции каждого гражданина становятся ключевыми активами, на которые государство делает ставку в контексте долгосрочного прогресса, ориентируясь на будущие поколения.

Фундамент образовательной инфраструктуры строится на базе экономического, политического и культурного контекста страны, включая её уникальные исторические атрибуты. Сфера обучения в России представляет собой динамичную систему, изменения в которой затрагивают большую часть населения.

Основные принципы политики Российской Федерации в области образования включают в себя [10, с. 253]:

- утверждение центральной роли образования в обществе;
- обеспечение безоговорочного доступа к знаниям;
- подход к обучению, акцентирующийся на человеческих ценностях, экологическом сознании и социальной ответственности;
- стремление к синергии образовательных практик России с зарубежными странами;
- гибкость в выборе образовательного пути;
- поддержка непрерывного обучения, отвечающего индивидуальным потребностям;
- поддержка автономии образовательных учреждений и академической свободы их сотрудников;
- прозрачность и ответственность в образовательной сфере;
- организация образовательного процесса, в который вовлечены все заинтересованные стороны;
- обеспечение конкуренции в образовательном пространстве.

Эффективное применение этих принципов требует, чтобы руководящий и преподавательский состав обладал достаточной профессиональной подготовкой и креативным подходом к своим обязанностям.

Основной задачей законодательного регулирования образования выступает предоставление необходимых гарантий со стороны государства, формирование инструментов для осуществления образовательных прав, нацеленность на совершенствование системы обучения, а также защита интересов всех ее участников. Основные направления в данной области включают в себя [4, с. 53]:

- поддержку права каждого россиянина на получение знаний;
- формирование благоприятной юридической и экономической среды для роста и функционирования национальной образовательной системы;
- установление гарантий для координации интересов всех участвующих в образовательном процессе и конкретизация юридического статуса каждого участника этого процесса;
- гарантирование возможности обучения на территории России для иностранцев;
- распределение ответственности в образовательной сфере между различными уровнями власти.

Совершенствование системы российского образования подразумевает активное участие каждого члена общества, включая семью, региональные и местные структуры власти, учебные и культурные сообщества. Главная цель – гармоничное развитие каждой личности, основанное на уважении к правам человека, стремлении к миру, терпимости и взаимопониманию между различными группами населения. Образование служит стержнем культурной и социальной жизни государства, заслугами которого являются усилия многих поколений.

В рамках законодательной инициативы по вопросам образования государство стремится: развивать об-

разовательное пространство, активно вкладываясь в этот процесс и находя подходы к оптимальному распределению ресурсов; создавать благоприятную среду для научно-практической работы; обеспечивать удобные условия для принятия и реализации современных законов; продвигать модели совместного управления образовательной системой со стороны государства и общества; усиливать законодательные основы образования с эффективным контролем исполнения; улучшать системный подход к обеспечению качества образования.

Эксперты утверждают, что основные обеспечения конституционных прав граждан страны основаны на нормативно-правовых актах, детализирующих эти права. Эти меры прочно связаны с реализацией законов в жизни и включают в себя работу органов управления, представителей местных властей и общественных организаций.

В контексте гарантирования права на обучение, государственные органы предпринимают следующие шаги [7, с. 56]:

- предоставляют условия и методики для обучения людей с особыми потребностями, адаптируя и корректируя программы для их успешного обучения (также акцент делается на интеграции таких личностей в стандартные образовательные процессы);

- оказывают поддержку талантливым индивидам, которые выделяются своими учебными и творческими достижениями в разнообразных сферах, от науки до культуры и физической активности;

- обеспечивают материальную поддержку тем, кто сталкивается с социальными трудностями в процессе их обучения, исходя из действующих российских законов.

В России для каждого гражданина предоставляется возможность обучаться на официальном государственном языке. При этом учебные учреждения могут предложить варианты обучения на различных языках, исходя из их учебных программ. Этот принцип равного доступа к образованию действует без учета этнического или религиозного происхождения учащегося. При этом, стоит учитывать, что русский язык остается центральным в образовательной системе, и те, кто им не владеет, могут столкнуться с препятствиями на образовательном пути.

Тем не менее, законы предоставляют основание для создания учебных заведений с преподаванием на других языках, соответствующих этнической принадлежности учащихся. Однако, окончив такую школу, ученик может столкнуться с трудностями при поступлении в ВУЗ, где обучение проводится преимущественно на русском.

Кроме того, образовательные программы, включая изучение русского и других языков, соответствуют государственным стандартам. Обучение на иностранных языках также возможно в рамках соответствующих программ и внутренних правил учебного учреждения.

На территории России учебные учреждения устанавливают языки обучения на основании местных регламентов, согласно общенациональным законам. При принятии решения о языке преподавания, включая русский и другие национальные языки, родители или опекуны учеников могут делать свой выбор. Этот процесс актуален при поступлении или перемещении в рамках учебных заведений, которые прошли государственную аккредитацию.

Выводы

Право каждого гражданина Российской Федерации на получение знаний можно рассматривать как инструмент для дальнейшего осуществления множества гражданских прав и свобод. Это основное право предоставляет платформу для активного участия в общественных процессах и дает доступ к многим профессиям. Образование становится стержнем в социокультурной стратегии нации, находясь во взаимосвязи с научными и экономическими процессами. Это приводит к выделению образовательного права как отдельного элемента законодательства во многих государствах. В данном контексте термин "право" характеризует установленные нормы и полномочия участников образовательного процесса [2, с. 35].

Образование выступает фундаментом для индивидуального и общественного роста. Это не только инвестирование в будущее страны, но и ключ к культурному и профессиональному развитию каждого. Стремление к знаниям и доступ к образованию должны быть основными приоритетами для каждого гражданина.

Имея необходимое образование, каждый человек открывает для себя новые горизонты в сферах творчества, начиная от искусства и заканчивая передовыми инновациями. Полный доступ к информационным и культурным ресурсам получают, прежде всего, те люди, которые обладают соответствующими знаниями. Образованные личности также могут более успешно внедряться в предпринимательскую и другую легальную деятельность. В общем и целом, право на образование занимает центральное место в разностороннем развитии человека и выступает важнейшей конституционной ценностью в современной России.

Список источников

1. Амхадова А.М. Конституционное право гражданина РФ на образование // Юридический факт. 2021. № 125. С. 54 – 57.
2. Аюшиев Д.Б. Конституционное право на образование и его организационно-правовое обеспечение в РФ // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 12-6 (68). С. 33 – 37.
3. Беляйкина А.И. Понятие и проблемы реализации конституционного права на образование // Правовая позиция. 2022. № 7 (31). С. 7 – 14.
4. Зимина С.А. Конституционное право граждан на образование: проблемы и перспективы его реализации в Российской Федерации // Человек. Общество. Инклюзия. 2020. № 4 (44). С. 48 – 55.
5. Костылева Е.Д. Конституционные ценности и цели как ограничители прав и свобод человека в решениях Конституционного Суда РФ // Современный юрист. 2020. № 2 (31). С. 98 – 108.
6. Кукеев А.К. Конституционно-правовые принципы права на высшее образование // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 15 – 21.
7. Радаева С.В., Агафонова Н.Ю. Актуальные проблемы реализации конституционного права на высшее образование // Образование и право. 2021. № 6. С. 54 – 58.
8. Тимофеева И.В., Снигиренко Е.Ф. К вопросу о гарантиях обеспечения и защиты конституционного права на образование // Закон. Право. Государство. 2023. № 1 (37). С. 182 – 186.
9. Тимофеева И.В. Современные проблемы реализации конституционного права на образование в Российской Федерации // Закон. Право. Государство. 2018. № 2 (18). С. 309 – 323.
10. Тронина Е.Г. К вопросу о конституционной природе права на образование в Российской Федерации // Современный ученый. 2021. № 4. С. 251 – 255.
11. Шерина А.А. Конституционное право на образование в России // Синергия Наук. 2021. № 60. С. 359 – 364.
12. Якушина О.С. Понятие и содержание конституционного права на образование // Проблемы законности. 2018. № 140. С. 44 – 52.

References

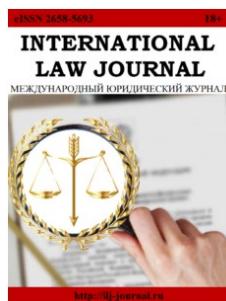
1. Amkhadova A.M. Constitutional right of a citizen of the Russian Federation to education. Legal fact. 2021. No. 125. P. 54 – 57.
2. Ayushiev D.B. Constitutional right to education and its organizational and legal support in the Russian Federation. Current scientific research in the modern world. 2020. No. 12-6 (68). P. 33 – 37.
3. Belyaykina A.I. Concept and problems of implementing the constitutional right to education. Legal position. 2022. No. 7 (31). P. 7 – 14.
4. Zimina S.A. Constitutional right of citizens to education: problems and prospects for its implementation in the Russian Federation. Man. Society. Inclusion. 2020. No. 4 (44). P. 48 – 55.
5. Kostyleva E.D. Constitutional values and goals as limitations of human rights and freedoms in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Modern lawyer. 2020. No. 2 (31). P. 98 – 108.
6. Kukeev A.K. Constitutional and legal principles of the right to higher education. Bulletin of the Prikamsky Social Institute. 2021. No. 1 (88). P. 15 – 21.
7. Radaeva S.V., Agafonova N.Yu. Actual problems of implementing the constitutional right to higher education. Education and Law. 2021. No. 6. P. 54 – 58.
8. Timofeeva I.V., Snigishchenko E.F. On the issue of guarantees for ensuring and protecting the constitutional right to education. Law. Law. State. 2023. No. 1 (37). P. 182 – 186.
9. Timofeeva I.V. Modern problems of the implementation of the constitutional right to education in the Russian Federation. Law. Law. State. 2018. No. 2 (18). P. 309 – 323.
10. Tronina E.G. On the issue of the constitutional nature of the right to education in the Russian Federation. Modern scientist. 2021. No. 4. P. 251 – 255.
11. Sherina A.A. Constitutional right to education in Russia. Synergy of Sciences. 2021. No. 60. P. 359 – 364.
12. Yakushina O.S. Concept and content of the constitutional right to education. Problems of legality. 2018. No. 140. P. 44 – 52.

Информация об авторах

Докучаева К.С., аспирант, Пензенский государственный университет, dokuchaewa.ksyu@yandex.ru

Плеханова А.В., аспирант, Пензенский государственный университет, asia_pl@mail.ru

© Докучаева К.С., Плеханова А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.637

Терминологический анализ законодательства России и Франции в рамках институтов ограничения и лишения родительских прав

¹ Мосиенко Т.А., ¹ Татарчук М.А.,
¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация: автор исследует терминологию институтов ограничения и лишения родительских прав России и Франции, а также общую терминологию нормативно-правовых актов указанных государств, направленных на обеспечение защиты прав несовершеннолетних в контексте детско-родительских отношений. Проведенный анализ национальных и зарубежных законоположений позволяет установить сходства и различия в истолковании однородных правовых понятий российским и французским законодателями, выявить проблемы правоприменения и пути их преодоления.

Ключевые слова: лишение родительских прав, ограничение родительских прав, родительская власть, деструктивная семья, токсичная семья, жестокое обращение, насилие, ребенок

Для цитирования: Мосиенко Т.А., Татарчук М.А. Терминологический анализ законодательства России и Франции в рамках институтов ограничения и лишения родительских прав// International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 133 – 141.

Поступила в редакцию: 4 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 января 2025 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

Terminological analysis of the legislation of Russia and France within the framework of the institutions of restriction and deprivation of parental rights

¹ Mosienko T.A., ¹ Tatarchuk M.A.,
¹ Rostov State University of Economics

Abstract: the author examines the terminology of the institutions of restriction and deprivation of parental rights in Russia and France, as well as the general terminology of the regulatory legal acts of these states aimed at ensuring the protection of the rights of minors in the context of parent-child relations. The conducted analysis of national and foreign legal provisions allows us to establish similarities and differences in the interpretation of homogeneous legal concepts by Russian and French legislators, to identify problems of law enforcement and ways to overcome them.

Keywords: deprivation of parental rights, restriction of parental rights, parental authority, destructive family, toxic family, cruel treatment, violence, child

For citation: Mosienko T.A., Tatarchuk M.A. Terminological analysis of the legislation of Russia and France within the framework of the institutions of restriction and deprivation of parental rights. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 133 – 141.

The article was submitted: November 4, 2024; Approved after reviewing: January 6, 2025; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Обеспечение реализации прав и интересов ребенка составляет одно из приоритетных направлений деятельности российского законодателя. Об этом свидетельствует конституционное закрепление принципа защиты детства [1]; возвращение в сознании россиян идеи ответственного родительства [2]; установление права ребенка на защиту от посягательства на его жизнь, здоровье, как физическое, так и психологическое, а также другие прямо закрепленные Семейным кодексом РФ [3] (далее – СК РФ) права; принятие субъектами законотворчества превентивных мер, направленных на беспрепятственное осуществление ребенком права на проживание в семье в условиях, содействующих его развитию как высоконравственного законопослушного субъекта, способного к здоровому социальному взаимодействию, а в случаях возникновения необходимости отбрания ребенка у недобросовестных родителей в целях обеспечения его безопасности – помещения его в условия, обеспечивающие несовершеннолетнему достойный уровень жизни [4], и т.д.

Отметим, что фигура несовершеннолетнего субъекта в рамках правоотношений любого порядка, занимает центральное место в законодательстве не только России, но и зарубежных государств. Так, ряд стран (включая Российскую Федерацию) обязали себя к соблюдению положений Конвенции о правах ребенка [5] и беспрекословному соблюдению его «наилучших интересов» независимо от того, оказывается ли ребенок задействован в правоотношениях с публичными, либо частными субъектами, в том числе его родителями.

Одной из стран-участниц Конвенции является Франция. Не одно лишь участие данного государства в столь значимом правовом акте международного масштаба обосновывает наш интерес к изучению французского законодательства о защите прав несовершеннолетних, но и то, что Франция, несмотря на ее разви- тость в правовом отношении, находится в процессе непрерывного роста, совершенствования, модернизации законодательства, регламентирующего обеспечение защиты прав детей.

Законодательство, как отечественное, так и зарубежное, устанавливает права и обязанности родителей, которыми они должны руководствоваться при осуществлении коммуникации с ребенком. Теоретическое закрепление данных правил носит превентивный характер, обозначая границы дозволенного поведения родителей. Однако, данных мер, как можно ожидать, недостаточно.

В случаях, когда субъектами правоотношений, а в контексте нашего исследования, родителями несовершеннолетнего, права последнего нарушаются; при наступлении регламентированных законом обстоятельств, государство оказывает санкционное воздействие на недобросовестных родителей в виде ограничения их в правах в отношении ребенка, либо вовсе в их полном лишении.

В свою очередь, масштаб проблемы реализации процедур ограничения и лишения родительских прав сохраняет свою значительность на протяжении, кажется, всего периода, в течение которого законодатель старательно предпринимает меры к урегулированию вопросов, связанных с наиболее эффективным обеспечением защиты прав ребенка. Так, в РФ, согласно материалам судебной статистики, в 2023 году было рассмотрено 34 882 заявления об ограничении и лишении родительских прав, из которых удовлетворены по итогу 29 083 [6], за первое полугодие 2024 года российскими судами было рассмотрено порядка 18 233 дел о лишении родительских прав, 3 821 дело – об ограничении родительских прав. Из них удовлетворены требования по 12 691 и 2 426 заявлениям соответственно [7]. Та же проблема актуальна и для Франции, где на сегодняшний день более 30 000 детей находятся в опасном положении ввиду неисполнения их родителями возложенных на них законом обязанностей в должном объеме [8].

По нашему мнению, важную роль в разработке юридических норм о родительских правах, правилах их осуществления, наказании за неправомерные действия родителей в отношении ребенка играет менталитет того народа, который должен адаптировать свое поведение к установленным позитивным правом рамкам.

Российское и Французское законодательства о защите прав несовершеннолетних во многом похожи, эта схожесть выявляется себя при общем анализе содержания российских и французских правовых актов. Многие понятия, используемые в текстах законов указанных государств отличаются друг от друга, но их общие смыслы совпадают. Встречаются и случаи, когда одни и те же термины оказываются истолкованы законодателями различным образом, что, с нашей точки зрения, представляет особый интерес для изучения.

Анализируя положения иностранного закона, мы надеемся извлечь из общего массива информации, представленной в доктрине права, открытых источниках информации, нормативно-правовых актах, актах юридической практики сведения, позволяющие разработать новые пути преодоления проблем защиты прав несовершеннолетних, применимые к российским юридической теории и практике.

Материалы и методы исследований

Фундамент данного исследования составили нормативно-правовые акты России и Франции, а также данные доктрины российского и зарубежного права, и зарубежных информационных ресурсов. Содержание данной работы также базируется на материалах правоприменительной практики, обосновывающих акту-

альность изучения терминологии институтов ограничения и лишения родительских прав.

Методология исследования представлена методами анализа и синтеза, обобщения, индукции и дедукции.

Результаты и обсуждения

Терминология институтов ограничения и лишения родительских прав различна в зависимости от сформировавшегося в обществе отношения к ребенку: либо как к полноценному субъекту отношений, не ограничиваемому в сознании граждан по возрастному признаку, либо как к субъекту, находящемуся во власти родителя, лицу, которое хотя и имеет предусмотренные законом права, но также и во многом ему обязано. При этом моральные нормы не всегда могут быть обрамлены в правовую форму, они существуют, но при этом остаются незримыми и зачастую проявляют себя не в теории, а в правоприменительной практике.

Исследуя проблематику ограничения и лишения родительских прав на терминологическом уровне мы обнаружили существенные различия в подходах граждан России и Франции к воспитанию детей. Так, отечественные авторы приходят к выводу о том, что в российском обществе доминирует приверженность к авторитарному стилю воспитания, жесткому контролю, доминированию родителя над ребенком. Как указывает один из них, старшее поколение отказывается проявлять лояльность к детям, независимо от их возраста, особенно это касается детей, отказывающихся от выполнения возлагаемых на них родителями обязанностей; значительная часть населения РФ выражает спокойное отношение к физическому наказанию ребенка, указывает на необходимость контроля круга общения ребенка вплоть до проверки переписки и выворачивания карманов [9]. Таким образом, европейское понятие «privacy» неприменимо к отношениям родителей и детей в России.

Конечно, результаты данного авторского исследования не могут указывать на то, что отношение российского общества к детям однозначно негативно, что для нашего общества свойственно оказание постоянного непрерывного колоссального давления на ребенка. Российские родители точно также питают любовь к своим детям, стремятся к их защите, но субъективное понимание ими того, каким должно быть проявление этой любви и заботы – это то, что не может быть уложено в рамки права.

Субъективизм находит свое отражение и в материалах судебной практики. Так, юридическая практика последних лет показывает, что суды неоднозначно воспринимают нарушающее права детей поведение родителей, в одних случаях предоставляя последним шанс на искупление вины, а в других – прибегая к строжайшей мере наказания: лишению родительских прав.

В 2021 г. Булунским районным судом Республики Саха (Якутия) было рассмотрено дело по иску органов опеки и попечительства о лишении родительских прав не исполняющей свои обязанности матери [10]. Как было установлено судом, женщина злоупотребляла алкогольными напитками, равнодушно относилась к естественным потребностям своих детей, вела асоциальный образ жизни, в состоянии опьянения была склонна к насилию, наносила телесные повреждения своим несовершеннолетним детям (4 и 7 лет) более того – ответчик по делу неоднократно привлекалась к административной ответственности за неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних (ст. 5.35 КоАП РФ) [11], появление в общественных местах в состоянии опьянения (ст. 20.21 КоАП РФ), а также к уголовной ответственности по ст. 111 УК РФ [12] «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью». По мнению уполномоченных органов, совокупность изложенных фактов свидетельствовала об опасности родителя, характеризуемого подобным образом, для несовершеннолетних, а поведение ответчика содержало основания для лишения родительских прав, предусмотренные ст. 69 Семейного кодекса РФ.

Сотрудники образовательных учреждений (воспитатель детского сада и педагог школы, которые посещали дети, также подтвердили, что семья, в которой воспитываются несовершеннолетние является неблагополучной, о чем свидетельствует не только поведение матери детей, но и их педагогическая запущенность).

Однако, суд пришел к выводу о том, что лишение родительских прав в данном случае преждевременно, у данной семьи есть шанс на восстановление социально-одобряемого положения. Таким образом, исковые требования органов опеки о лишении ответчика родительских прав не были удовлетворены. Права матери в отношении потерпевших детей были ограничены.

Прямо противоположной оказалась позиция Алтайского районного суда Республики Хакасия по делу 2022 года [13], в котором ответчиком, по итогу лишенным родительских прав оказалась мать трех несовершеннолетних детей. Исходя из материалов, представленных суду управлением образования Алтайского района, женщина оставила детей без родительского внимания и заботы, передав на воспитание бабушке несовершеннолетних. Интереса к их жизни не проявляла, свои родительские обязанности не выполняла. Организацией воспитания и образования детей не занималась. Эмоциональной привязанности к детям не

имела. Ответчик не создала семейно-бытовые условия для содержания несовершеннолетних, дети проживали в антисанитарных условиях во «времянке». Также ответчик не имела места постоянной работы, не трудоустраивалась официально.

Семья была поставлена на профилактический учет как находящаяся в социально опасном положении. С момента начала социальной реабилитации семьи ответчик ни разу не впустила соответствующих специалистов в жилое помещение, от оказываемой помощи отказалась. В судебное заседание не явилась. Суд пришел к выводу о том, что изложенные обстоятельства и описанные условия представляют угрозу для жизни и здоровья несовершеннолетних.

Французский подход, который, мы, впрочем, не можем назвать положительным со всех сторон, показывает, что ребенок занимает в жизни родителей промежуточное положение: он также подвергается воспитательному воздействию [14], однако в ряде случаев французские родители придерживаются мягкого подхода в общении с детьми, соблюдая границы личного пространства последних [15, 16]. Французское законодательство также является более деликатным по отношению к детям. В процессе анализа положений Гражданского кодекса Франции (далее – ГКФ) [17] – ведущего правового акта, регламентирующего права ребенка в данном государстве, нами было установлено, что текст документа подробно не регламентирует обязанности детей, вместо этого он описывает обязанности родителей несовершеннолетнего по отношению к нему и права последнего.

Не содержит ГКФ даже указания на обязанности совершеннолетнего ребенка по отношению к родителям, подобного ст. 87 СК РФ. Ст. 371-1 ГКФ указывает, что ребенок находится под властью родителей до достижения им возраста совершеннолетия; ст. 371 – что ребенок в любом возрасте обязан почитать своих отца и мать. На этом французский законодатель решил ограничиться. Остается без ответа вопрос: чем должно быть измерено «почтение», дефиниция которого в законе не раскрыта.

Социальный и законодательный подход к личности ребенка, как видим, неизбежно отражается на терминологии права, используемой в текстах НПА, регламентирующих его права и их защиту.

Наибольший интерес для нас представляют понятия, которыми зарубежный законодатель оперирует в рамках институтов ограничения и лишения родительских прав. Здесь мы должны сделать оговорку следующего характера: термин «ограничение» не используется французским законодателем как таковой. Вместо него в законе можем встретить «частичное лишение» родительских прав (ст. 378 ГКФ, ст. 2, ст. 7 Закона № 2024-233, направленного на защиту детей-жертв домашнего насилия [18]).

Родительские права также именуются иначе, чем в российском праве, а именно, как «родительская власть» (абз. 2 ст. 371-2 ГКФ), отельные иностранные информационные ресурсы оперируют понятием «родительский авторитет» [19].

Термин «родительские права» употребляется российским законодателем в ст. 69-74 СК РФ, однако его дефиниция также не раскрывается. Материалы судебной практики, такие как Постановление Верховного Суда РФ № 44 (далее – Постановление) [20], к тексту которого мы не раз обратимся в процессе исследования, также не интерпретирует родительские права как нечто обобщенное. Юридические теория и практика РФ предлагают изложение сущности родительских прав посредством их перечисления: права родителей на воспитание и образование ребенка (ст. 63 СК РФ), право родителей на защиту интересов ребенка (ст. 64 СК РФ) и т.д.

Термин «родительская власть» во французском праве имеет следующее нормативно–закрепленное определение: «совокупность прав и обязанностей, направленных на обеспечение наилучших интересов ребенка» (ст. 371-1 ГКФ).

Доктрина российского права предлагает изменение действующего семейного законодательства путем внесения в текст СК РФ дефиниции родительских прав [21, с. 367; 22, с. 48; 23, с. 375], однако мы не видим в этом необходимости ввиду того, что общее определение родительских прав, закрепляемое в законе, тем более, такое общее, каким его предлагают формулировать авторы или французский законодатель, не окажет существенного влияния на юридическую практику в общем, и судебную практику – в частности.

Учитывая описанный нами ранее не единобразный подход российских судей к оценке обстоятельств в качестве оснований ограничения и лишения родительских прав, полагаем необходимым большее внимание уделять пониманию правопримениителем таких используемых в законе понятий как: лишение родительских прав, их ограничение, жестокое обращение с ребенком, уклонение от выполнения родительских обязанностей, а также такого оценочного понятия, как «неблагополучная семья», встреченного нами в судебных решениях.

Термин «лишение» фигурирует в текстах как российских, так и французских правовых актов, регламентирующих порядок защиты прав несовершеннолетних. При этом, значение его схоже применительно к

обоим из рассматриваемых нами правопорядков – прекращение юридической связи родителя и ребенка. Как в российском, так и во французском праве, личные неимущественные и имущественные обязательства ребенка перед родителем прекращаются в полном объеме, а обязательства имущественного характера лишенного родительских прав родителя в отношении данного несовершеннолетнего сохраняются (ст. 379 ГКФ, п. 2 ст. 71 СК РФ).

Лишение родительских прав – строжайшая мера наказания за неисполнение субъектом родительских обязанностей. Ее предшественником по силе правового давления, оказываемого на виновное (а также безвинное) лицо является ограничение родительских прав. На это указывает ст. 73 СК РФ.

Вновь отметим, что ГКФ не оперирует термином «ограничение» родительских прав, вместо него использована формулировка «частичное лишение родительской власти». Существенное отличие российского и зарубежного законодательства кроется в том, что основанием такого частичного лишения являются исключительно виновные действия лица в отношении ребенка. Степень вреда, причиненного несовершеннолетнему, его возможные последствия, оцениваются судьей. Таким образом, при совпадении одних и тех же обстоятельств, исходя из буквального толкования зарубежного закона, лицо может быть как лишено родительских прав полностью, так и «частично». Это, в прочем, не касается прямо закрепленных в законе конкретных факторов, свидетельствующих о необходимости прекращения родительской власти в полном объеме: совершение лицом преступления в отношении ребенка или его родителя; соучастия родителя в таком преступлении; сексуального насилия над ребенком.

В указанных обстоятельствах выявляется проблема правоприменения, связанная с необходимостью истолкования определения «жестокое обращение».

СК РФ в ст. 69 указывает, что жестокое обращение есть причинение физического или психического насилия ребенку, покушение на его половую неприкосновенность. То же определение жестокости предлагает ВС РФ в уже упомянутом нами ранее Постановлении № 44.

Отметим, что жестокое обращение с ребенком является уголовно наказуемым деянием согласно российскому (ст. 156 УК РФ) и французскому законам.

Доктрина отечественного права предлагает более широкое истолкование данного термина. Так, жестокость подразумевает под собой умышленные действия (или бездействие) родителя (родителей), причиняющие ущерб физическому и психическому здоровью ребенка: нанесение ему физическихувечий; телесные наказания; сексуальное насилие всех видов (инцест, вовлечение ребенка в занятие проституцией, привлечение к съемке в порнографических фильмах и т.д.); психическое (эмоциональное) насилие, выраженное в отсутствии любви к ребенку; унижение его человеческого достоинства; грубость (словесные оскорблении, угрозы); пренебрежение естественными потребностями ребенка (отсутствие бытовых условий для нормальной жизнедеятельности несовершеннолетнего, неоказание ребенку необходимой медицинской помощи, нарушение сна ребенка, несоблюдение норм гигиены и т.п.) [24, с. 53].

ГКФ указывает, что жестокость – это, главным образом, «инцестуозное» сексуальное насилие (ст. 378 ГКФ, ст. 1 Закона № 2024-233). Жестокостью также именуются «банальные формы насилия»: шлепки, затрещины, пощечины, подзатыльники. Французские информационные ресурсы относят к насильтственным действиям укусы, поджоги, удушение, сексуальныеувечья и прикосновения к ребенку, издевательство и угрозы, лишение ребенка ухода.

Такие авторы, как Ю.А. Западнова [27, с. 77] полагают, что оценка жестокости на основании судебского субъективизма недопустима. Верховному Суду РФ следовало бы дать разъяснения, содержание описание жестокого обращения с ребенком, включающее перечисление всех возможных действий, которые могли бы быть идентифицированы подобным образом.

По нашему мнению, ключевым моментом является то, что законодатель на сегодняшний день уловил основной смысл, сущность жестокости как таковой. Создание закрытого перечня насильтственных действий, закрепленного в тексте закона, либо Постановления Пленума ВС РФ невозможно, так как вело бы к ограничению действий судьи по защите прав ребенка, в отношении которого родителями могут быть совершены насильтственные действия, выходящие за пределы жестко регламентированного списка. Мы склонны полагать, что даже в том случае, если бы российский законодатель предпринял попытку к созданию такого перечня, последний бы оканчивался расширительной формулировкой «и т.д.», «и т.п.», или привычной «и другие». С аналогичной проблемой, как видим, сталкивается и зарубежное право.

Обратимся к представленным нами ранее материалам судебной практики. Как видим, одним из фактов влияния на ограничение и лишение родительских прав является статус семьи как неблагополучной. Французское законодательство, как было нами замечено, не использует данный термин.

Описание неблагополучных семей приводят разнообразные французские информационные ресурсы, ко-

торые предлагают определение таких семей как «неструктурированных», «дисфункциональных» [28], «токсичных» [29]. При этом, источники указывают, что та или иная семья может быть охарактеризована в качестве неблагополучной как вследствие вполне типичных, по нашему мнению, причин: пагубных зависимостей родителей несовершеннолетнего и других членов его семьи, совместно проживающих с ребенком; наличием у указанных лиц психических расстройств, угрожающих ребенку; общим невыполнением родителями их обязанностей – бездействием, безразличием к ребенку и его судьбе, его жизни здоровью, так и в тех случаях, если родители проявляют «чрезмерную активность» в отношении своего чада – являются перфекционистами, оказывающими эмоциональное давление на ребенка ввиду предъявления к нему завышенных требований, приводящих к психологическому перенапряжению несовершеннолетнего, развитию у него тревожных состояний; осуществляют тотальный контроль ребенка – вмешиваются в его личное пространство, читают его переписки, мешают ему самостоятельно определять круг его общения, ограничивают общение с друзьями; часто необоснованно критикуют.

Отдельные из указанных нами французских авторов вовсе полагают, что для Франции является абсолютной нормой жизнь в неблагополучной, токсичной семье. Таких семей большинство поскольку французская система воспитания строится на доминировании и патриархальном подходе.

В российском законодательстве обнаруживаем похожий по смысловой окраске термин «семья, находящаяся в социально опасном положении» [30], т.е. семья, где родители не исполняют возложенные на них законом обязанности, отрицательно влияют на поведение детей и жестоко обращаются с ними. Некоторые источники отмечают, что «семья, находящаяся в социально-опасном положении» и «неблагополучная семья» – тождественные понятия.

Так, мы можем наблюдать вполне очевидный пробел как в отечественном, так и в зарубежном законодательстве.

Учитывая изложенное полагаем возможным внесение изменений в законодательство Российской Федерации изменений, согласно которым словосочетание «неблагополучная семья» также должна быть внесена в текст тех законов, которые так или иначе связаны с осуществлением работы социальных служб с такими семьями, в первую очередь, в текст Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Выводы

Несомненно, правопорядок каждого государства имеет свои особенности: смысловые и терминологические. Признавая положительные черты французского законодательства, наличие которых мы не можем, и не будем отрицать (например, существование и действие во Франции отдельного органа судебской власти, занимающегося семейными делами или закрепленного в законе принципа беспрекословного почтения детьми их родителей и пр.), мы должны, тем не менее, отметить, что французское законодательство также является несовершенным в части оперирования отдельными рассмотренными в рамках настоящего исследования терминами.

Неопределенность интерпретаций положений закона неизбежно приводит к проблемам юридической практики, а они, в свою очередь, к неоказанию ребенку, попавшему в сложную жизненную ситуацию и нуждающемуся в защите, необходимой помощи и поддержки со стороны государства. Та же проблема, к нашему сожалению, характерна для Российского правоприменения. Однако, по нашему мнению, российское право является более конкретизированным. Изменения, которые предлагают вносить в него отдельные авторы либо не могут быть произведены ввиду проиллюстрированных нами причин, либо должны быть введены в право крайне осторожно.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022
2. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Российская газета. 27.01.1996. № 17.
4. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.

5. Конвенция ООН «О правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Выпуск XLVI.
6. Судебная статистика РФ. Гражданское судопроизводство. <https://stat.xn-7sbqk8achja.xn-plai/stats/gr/t/22/s/21>
7. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8773>
8. Защита прав ребенка во Франции. <https://sovetnik.eu/zashhita-prav-rebenka-vo-francii.html>
9. Отношение к детям в российском обществе и семье. <https://www.svoboda.org/a/24210534.html>
10. Решение Булунского районного суда Республики Саха (Якутия) от 15.03.2021 по делу № 2-ZH-12/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. <https://sudact.ru/regular/doc/R7fsFT86Ormb>
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
13. Решение Алтайского районного суда Республики Хакасия от 16.05.2022 по делу № 2-250/2022. <https://actofact.ru/case-19RS0005-2-250-2022-m-166-2022-2022-03-24-0-0>
14. Принципы воспитания деток во Франции. <https://vk.com/@superdeti.media-principle-vospitaniya-detok-vo-francii>
15. Les attitudes et croyances parentales et leur impact sur le développement des enfants. <https://www.enfant-encycopedie.com/habilites-parentales/selon-experts/les-attitudes-et-croyances-parentales-et-leur-impact-sur-le>
16. L'attitude ambivalente des Français envers les enseignants. <https://www.carenews.com/l-enfant-hopital/news/l-attitude-ambivalente-des-francais-envers-les-enseignants>
17. Code de l'action sociale et des familles. https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006074069/
18. LOI № 2024-233 du 18 mars 2024 visant à mieux protéger et accompagner les enfants victimes et covictimes de violences intrafamiliales. <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000049291163>
19. La déchéance de l'autorité parentale: Comprendre les enjeux et le processus juridique. <https://www.fopenitentiaire.fr/la-decheance-de-lautorite-parentale-comprendre-les-enjeux-et-le-processus-juridique/>.
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.
21. Буйденко Н.В. Теоретические аспекты семейного права в вопросе лишения родительских прав // Вестник науки. 2023. № 5 (62). Т. 3. С. 365 – 371.
22. Белanova Г.О. Понятие родительских прав в российском семейном праве // Закон и право. 2021. № 1. С. 47 – 49.
23. Чеснокова Ю.В. Правовое регулирование родительских прав в Российской Федерации // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. № 3 (20). Т. 6. С. 375 – 378.
24. Котельникова О.А. Жестокое обращение с детьми: правовые и социально-криминологические аспекты // Философия права. 2022. № 3 (102). С. 51 – 57.
25. Во Франции принят закон против наказания детей. <https://rg.ru/2019/07/04/vo-francii-priniat-zakon-protiv-nakazaniia-detej.html>
26. Enfant victime de maltraitance. <https://www.service-public.fr/particuliers/vosdroits/F952>
27. Западнова Ю.А. Жестокое обращение с детьми и формы его проявления: вопросы квалификации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1 (69). С. 74 – 78.
28. Avez-vous grandi dans une famille dysfonctionnelle? Savez-vous ce qu'est une famille non structurée et ses conséquences sur le développement émotionnel? Découvrez tout sur le sujet. <https://www.psychologue.net/articles/famille-dysfonctionnelle-comment-affectent-elles-le-developpement-psychologique-des-enfants>
29. Est-ce que moi aussi j'ai une famille dysfonctionnelle ou toxique? <https://www.femmes-cycliques.com/post/c-est-quoi-une-famille-dysfonctionnelle-aussi-appelC3A9e-toxique>. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). Official Internet portal of legal information. <http://pravo.gov.ru, 06.10.2022>
2. Order of the Government of the Russian Federation of 25.08.2014 No. 1618-r "On approval of the Concept of state family policy in the Russian Federation for the period up to 2025". Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 35. Art. 4811.
3. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 23.11.2024). Rossiyskaya Gazeta. 27.01.1996. No. 17.
4. Federal Law of 24.04.2008 No. 48-FZ (as amended on 08.08.2024) "On Guardianship and Trusteeship". Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 17. Art. 1755.
5. UN Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 20.11.1989). Collection of International Treaties of the USSR. 1993. Issue XLVI.
6. Judicial Statistics of the Russian Federation. Civil Procedure. <https://stat.xn-7sbqk8achja.xn-plai/stats/gr/t/22/s/21>
7. Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8773>
8. Protection of children's rights in France. <https://sovetsnik.eu/zashhita-prav-rebenka-vo-francii.html>
9. Attitude towards children in Russian society and family. <https://www.svoboda.org/a/24210534.html>
10. Decision of the Bulunsky District Court of the Republic of Sakha (Yakutia) dated 03/15/2021 in case No. 2-ZH-12/2021. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. <https://sudact.ru/regular/doc/R7fsFT86Ormb>
11. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 12/26/2024). Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1. Art. 1.
12. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 28.12.2024). Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
13. Decision of the Altai District Court of the Republic of Khakassia dated 16.05.2022 in case No. 2-250/2022. <https://actofact.ru/case-19RS0005-2-250-2022-m-166-2022-2022-03-24-0-0>
14. Principles of raising children in France. <https://vk.com/@superdeti.media-principy-vospitaniya-detok-vo-francii>
15. Les attitudes et croyances parentales et leur impact sur le développement des enfants. <https://www.enfant-encyclopedie.com/habilites-parentales/selon-experts/les-attitudes-et-croyances-parentales-et-leur-impact-sur-le>
16. L'attitude ambivalente des Français envers les enseignants. <https://www.carennews.com/l-enfant-hopital/news/l-attitude-ambivalente-des-francais-envers-les-enseignants>
17. Code de l'action sociale et des familles. https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006074069/
18. LOI No. 2024-233 du 18 Mars 2024 visant à mieux protéger et accompagner les enfants victimes et covictimes de violences intrafamiliales. <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000049291163>
19. La déchéance de l'autorité parentale: Comprendre les enjeux et le processus juridique. <https://www.fopenitentiaire.fr/la-decheance-de-lautorite-parentale-comprendre-les-enjeux-et-le-processus-juridique/>.
20. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.11.2017 No. 44 "On the practice of applying legislation by courts in resolving disputes related to the protection of the rights and legitimate interests of a child in the event of an immediate threat to his life or health, as well as in the restriction or deprivation of parental rights". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. No. 1.
21. Buidenko N.V. Theoretical aspects of family law in the issue of deprivation of parental rights. Bulletin of science. 2023. No. 5 (62). Vol. 3. P. 365 – 371.
22. Belanova G.O. The concept of parental rights in Russian family law. Law and Right. 2021. No. 1. P. 47 – 49.
23. Chesnokova Yu.V. Legal regulation of parental rights in the Russian Federation. Baltic Humanitarian Journal. 2017. No. 3 (20). Vol. 6. P. 375 – 378.
24. Kotelnikova O.A. Child abuse: legal and socio-criminological aspects. Philosophy of Law. 2022. No. 3 (102). P. 51 – 57.
25. France adopts law against punishment of children. <https://rg.ru/2019/07/04/vo-francii-priniat-zakon-protiv-nakazaniia-detej.html>
26. Enfant victime de maltraitance. <https://www.service-public.fr/particuliers/vosdroits/F952>

27. Zapadnova Yu.A. Child abuse and its forms of manifestation: issues of qualification. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 1 (69). P. 74 – 78.

28. Are you grandma in a family dysfunctional? Do you think that a family is not structured and does it depend on emotional development? Stay focused on the subject. <https://www.psychologue.net/articles/famille-dysfonctionnelle-comment-affectant-thees-le-development-psychologique-des-children>

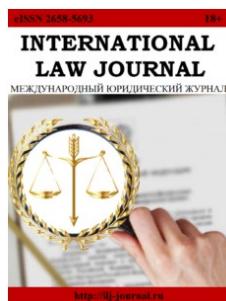
29. Is it that I also have a family dysfunctional or toxic? <https://www.femmes-cycliques.com/post/c-est-quoi-une-famille-dysfonctionnelle-aussi-appelC3A9e-toxique>. Federal Law of 24.06.1999 No. 120-FZ (as amended on 29.05.2024) "On the Fundamentals of the System for the Prevention of Neglect and Delinquency of Minors". Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 26. Art. 3177.

Информация об авторах

Мосиенко Т.А., кандидат юридических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), mosienko5858@mail.ru

Татарчук М.А., аспирант, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), kafedra37@bk.ru

© Мосиенко Т.А., Татарчук М.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 349.412

Особенности участия юридических лиц в земельных правоотношениях

¹ Погосян П.К.,
¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена анализу особенностей участия юридических лиц в земельных правоотношениях. На основе анализа научной литературы, законодательства и судебной практики автор выявляет основные особенности, свойственные юридическим лицам как субъектам земельных правоотношений. В частности, автором обосновывается, что наряду с общим правилом об участии юридических лиц в земельных правоотношениях на равных началах с иными субъектами, участие юридических лиц в земельно-правовых отношениях предполагает их определенную специфику. Так, анализируя выявленные особенности, автор обосновывает факторы (критерии) их наличия, предлагая их систематизацию по группам. В частности, автором обосновывается, что некоторые особенности участия юридических лиц в земельных правоотношениях связаны с их формальным статусом юридического лица, что предполагает возможность приобретения ими определенных эксклюзивных прав (например, статус застройщика) либо возможность установления связей с иными субъектами, не свойственными для иных участников правоотношений (например, участие иностранных резидентов в уставном капитале юридического лица либо его иностранное происхождение). Наконец, автор обосновывает, что особенности участия юридических лиц в земельных правоотношениях также могут определяться особенностями осуществляемого ими вида деятельности, что также, исходя из принципа специальной правоспособности, является особенностью участия юридических лиц в отношениях, регулируемых земельным правом.

Ключевые слова: земельное правоотношение, земельный участок, земельное право, земельная правосубъектность, юридические лица, земельные права компаний

Для цитирования: Погосян П.К. Особенности участия юридических лиц в земельных правоотношениях // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 142 – 146.

Поступила в редакцию: 7 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 января 2025 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

The specifics of the participation of legal entities in land relations

¹ Pogosyan P.K.,
¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the analysis of the specifics of the participation of legal entities in land relations. Based on the analysis of scientific literature, legislation and judicial practice, the author identifies the main features peculiar to legal entities as subjects of land legal relations. In particular, the author substantiates that, along with the general rule on the participation of legal entities in land relations on an equal basis with other entities, the participation of legal entities in land relations presupposes their specific characteristics. Thus, analyzing the identified features, the author substantiates the factors (criteria) of their presence, suggesting their systematization by groups. In particular, the author substantiates that some features of the participation of legal entities in land relations are related to their formal status as a legal entity, which implies the possibility of acquiring certain exclusive rights (for example, the status of a developer) or the possibility of establishing links with other entities

that are not typical for other participants in legal relations (for example, the participation of foreign residents in the authorized capital of a legal entity or its foreign origin). Finally, the author substantiates that the specifics of the participation of legal entities in land relations may also be determined by the specifics of their type of activity, which is also, based on the principle of special legal capacity, the specifics of the participation of legal entities in relations regulated by land law.

Keywords: *land legal relationship, land plot, land law, land legal personality, legal entities, land rights of companies*

For citation Pogosyan P.K. The specifics of the participation of legal entities in land relations:. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 142 – 146.

The article was submitted: November 7, 2024; Approved after reviewing: January 9, 2025; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Цель исследования – изучение особенностей участия юридических лиц в земельных правоотношениях.

Задачи – на основе анализа научной литературы, законодательства и судебной практики выявить специфику участия юридических лиц в земельных правоотношениях, определив критерии и факторы такой специфики, а также предложить их классификацию

Гипотеза – юридические лица являются особыми субъектами права, при этом свойственные им особенности их участия в правоотношениях не являются исключением для сферы земельного права. Представляется, что ряд факторов, характеризующих юридические лица в целом или некоторые в отдельности могут порождать специфику их участия в правоотношениях по поводу использования, охраны и распоряжения земельными объектами, при этом такая специфика не свойственна иным субъектам земельных правоотношений.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, отечественного и иностранного законодательства.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная литература, материалы судебной практики.

Результаты и обсуждения

Положения пунктов 1 и 2 ст. 5 Земельного кодекса РФ ("ЗК РФ") [1] признают юридических лиц в качестве полноценных участников земельных правоотношений на равных началах с гражданами (физическими лицами) и публичными образованиями (государством, его субъектами и муниципалитетами), в том числе предусматривая за юридическими лицами возможность приобретать права на земельные участки. Такое положение вещей гармонизируется с предусмотренным ч. 1 ст. 19 Конституции РФ [2] принципом формального равенства всех перед законом.

Несмотря на верность вышеописанного положения вещей, как минимум, как общего правила, следует отметить наличие определенной специфики в сфере земельных правоотношений, которая может свидетельствовать о некой юридической дифференциации правового положения юридических лиц по сравнению с физическими лицами. Учитывая комплексный характер правового регулирования земельных правоотношений, в особенности свойственное им переплетение сфер частного и публичного права [3], представляется необходимым предложить систематизацию признаков и критериев, по которым возможно выявление особенностей правового положения юридических лиц в рамках земельных правоотношений.

В первую очередь, анализируя особенности правосубъектности юридических лиц в земельно-правовой сфере, следует учесть общевиалистические особенности юридического лица как особого правового субъекта, обладающего фикционной природой, которая накладывает ряд особенностей участия такого рода субъектов в правоотношениях по поводу владения и пользования землей. Например, в части совершения сделок с земельными участками такого рода особенности могут быть обусловлены действующим для юридических лиц режимом совершением гражданско-правовых сделок, что, в частности, выражается в необходимости одобрения некоторых сделок, запрете совершения определенных категорий сделок (дарения), и так далее [4].

При этом, следует отметить, что в определенных случаях само наличие статуса юридического лица предполагает возможность реализации таким субъектом определенных эксклюзивных прав и обязанностей,

которые недоступны иным разновидностям субъектов земельных правоотношений. В качестве примера возможно обратиться к ситуации с возможностью получения застройщиками прав аренды на земельные участки при применении особых оснований и процедур их предоставления государством, при этом, исходя из п. 1 ст. 2 профильного Федерального закона N 214-ФЗ [5], сам по себе правовой статус "застройщик" может быть приобретен исключительно юридическим лицом.

Помимо изложенного, существование особенностей регулирования земельных отношений с участием юридических лиц может быть обусловлено критерием разновидности организационно-правовой формы юридического лица. Например, как следует из положений п. 2 ст. 39.9 ЗК РФ, такое особенное вещное право на земельный участок, как право постоянного (бессрочного) пользования может быть предоставлено только закрытому перечню субъектов, среди которых такие виды юридических лиц, как государственные и муниципальные учреждения, а также казенные предприятия. Из данного регулирования следует, что, к примеру, общество с ограниченной ответственностью в принципе не способно выступать обладателем права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, что, однако, является доступной опцией для государственного предприятия.

Продолжая выявление ключевых критериев, определяющих особенности правового регулирования земельных отношений с участием юридических лиц, следует отдельно остановиться на критерии связи юридического лица с иностранным государством (наличие так называемого иностранного элемента). Представляется, что релевантные для сферы земельного права разновидности иностранных элементов могут быть условно поделены на две категории – прямой, то есть непосредственно вытекающий из связи юридического лица с иностранным государством (например, при инкорпорации компании за рубежом), и косвенный, то есть при наличии лишь опосредованной связи юридического лица с иностранным государством (например, при участии в российском юридическом лице иностранного инвестора).

Как справедливо отмечается в диссертационном исследовании А.В. Жукова, страна происхождения юридического лица, а также фактор наличия иностранного участия в его капитале, являются факторами, предопределяющими содержание земельной правосубъектности юридического лица [6]. Данный тезис наглядно подтверждается массивом законодательства, запрещающего (ограничивающего) приобретение прав на земельные участки юридическими лицами, имеющими иностранное происхождение либо преобладающее участие иностранных лиц в их капитале [7].

Демонстрируя действия данного ограничения на практике, представляется возможным обратиться к Постановлению Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.11.2018 по делу N A56-87684/2017 [8], в рамках которого судом была признана недействительной сделка по отчуждению земельных участков сельскохозяйственного назначения в пользу юридического лица с долей иностранного участия в его уставном капитале свыше 50 процентов, что прямо запрещено положением статьи 3 закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения [9].

Таким образом, можно согласиться с правильностью постановки тезиса о том, что критерий национальной принадлежности юридического лица или источника финансирования его деятельности в качестве вкладов в уставный капитал также предопределяет особенности содержания земельной правосубъектности юридического лица, объем и пределы которой могут варьироваться в зависимости от модальности реализации данного критерия. При этом следует отметить, что такая особенность формирования земельной правосубъектности является исключительной особенностью юридических лиц как участников земельных правоотношений: например, навряд ли можно представить себе возможность реализации критерия "иностранныго участия в капитале" применительно к гражданам (физическим лицам).

Наконец, завершая анализ критериев и факторов, которыми определяется особенность участия юридических лиц в сфере земельных правоотношений, следует также остановиться на критерии вида деятельности, осуществляемого юридическим лицом, которым, как будет продемонстрировано далее, также определяется земельная правоспособность юридического лица.

Прежде всего, следует отметить, что такое положение вещей органично соответствует устоявшемуся теоретико-догматическому, а также позитивно-правовому (п. 1 ст. 49 ГК РФ [10]) взгляду на специальный характер правоспособности юридических лиц, суть которого заключается в том, что набор прав и обязанностей юридического лица предопределяется целями осуществляющей таким юридическим лицом деятельности [11].

Аналогичный принцип определения правоспособности юридического лица может наблюдаться в земельно-правовой сфере. В частности, установленные ст. 93 ЗК РФ разновидности земель в виде земель обороны и безопасности могут быть использованы только строго ограниченным перечнем субъектов, среди

которых предусмотрены только такие разновидности юридических лиц, деятельность которых связана с обороной или иной военной (военно-промышленной) деятельностью.

Изложенное позволяет утверждать о том, что особенности (вид) осуществляющей юридическим лицом деятельности также может выступать фактором, содержательно влияющим на особенности участия соответствующего юридического лица в земельных правоотношениях.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Установлено, что юридические лица, будучи особыми субъектами права, являются полноценными участниками земельных правоотношений, осуществляя свои права и обязанности в сфере земельно-правового регулирования на общих началах с иными субъектами земельных правоотношений (гражданами и публичными образованиями).

Обосновано, что особенности участия юридических лиц в земельных правоотношениях могут вытекать из самого статуса такого субъекта как юридического лица, за счет которого возможна реализация эксклюзивных правомочий в сфере земельных правоотношений (например, получение в аренду публичных земельных участников застройщиком, статус которого может иметь только юридическое лицо).

Продемонстрировано, что организационно-правовая форма юридического лица также может влиять на содержание набора правомочий такого субъекта в земельно-правовой сфере, в том числе предусматривая права, которыми не могут обладать иные субъекты (например, право постоянного или бессрочного пользования земельным участком у казенных предприятий).

Приведены аргументы в поддержку тезиса о том, что фактор иностранного происхождения юридического лица, а также фактор иностранного участия в его уставном капитале влияют на содержание правоспособности юридического лица в земельных правоотношениях.

Обосновано, что вид осуществляющей юридическим лицом деятельности также может порождать особенности участия такого субъекта в сфере земельных правоотношений, что обусловлено свойственным некоторым юридическим лицам специалитетом правоспособности.

Исходя из проведенного анализа, представляется возможным предложить следующую классификацию основных факторов и критериев, которыми определяются особенности участия юридических лиц в земельных правоотношениях:

- 1) эксклюзивность формального статуса юридического лица как особого субъекта права;
- 2) разновидности организационно-правовой формы юридического лица;
- 3) иностранное происхождение юридического лица либо иностранное участие в его уставном капитале;
- 4) особенности вида осуществляющей юридическим лицом деятельности.

Список источников

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ // Российская газета. N 211-212. 30.10.2001.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
3. Абанина Е.Н., Аверьянова Н.Н., Анисимов А.П. и др. Актуальные проблемы теории земельного права России: монография / под общ. ред. А.П. Анисимов. М.: Юстицинформ, 2020. С. 55 – 57.
4. Мальбин Д.А. Особенности определения воли юридических лиц на выбытие имущества из владения // Журнал российского права. 2024. № 8. С. 82 – 92.
5. Федеральный закон от 30.12.2004 N 214-ФЗ "Об участии в долевом строительстве много квартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" // Российская газета. N 292. 31.12.2004.
6. Жуков А.В. Юридические лица как субъекты земельных правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград. 2017. С. 8.
7. Елисеева И.А. О реализации иностранными гражданами и иностранными юридическими лицами права собственности на земельные участки в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 8. С. 65 – 68.
8. Постановлению Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.11.2018 по делу N A56-87684/2017 // СПС "Консультант Плюс".
9. Федеральный закон от 24.07.2002 N 101-ФЗ "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" // Российская газета. N 137. 27.07.2002.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. N 238-239. 08.12.1994.

11. Алексеев С.С., Алексеева О.Г., Беляев К.П. и др. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 1. С. 266.

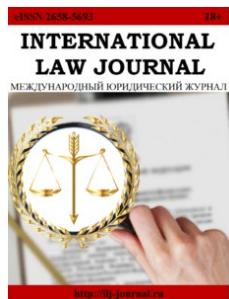
References

1. Land Code of the Russian Federation of 25.10.2001 N 136-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 211-212. 30.10.2001.
2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
3. Abanina E.N., Averianova N.N., Anisimov A.P. et al. Actual problems of the theory of land law in Russia: monograph. under the general editorship of A.P. Anisimov. M.: Yustitsinform, 2020. P. 55 – 57.
4. Malbin D.A. Features of determining the will of legal entities to withdraw property from possession. Journal of Russian Law. 2024. No. 8. P. 82 – 92.
5. Federal Law of 30.12.2004 N 214-FZ "On participation in shared construction of apartment buildings and other real estate objects and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta. N 292. 31.12.2004.
6. Zhukov A.V. Legal entities as subjects of land legal relations: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Volgograd. 2017. P. 8.
7. Eliseeva I.A. On the implementation of ownership rights to land plots in the Russian Federation by foreign citizens and foreign legal entities. Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2019. No. 8. P. 65 – 68.
8. Resolution of the Arbitration Court of the North-West District dated 01.11.2018 in case No. A56-87684/2017. SPS "Consultant Plus".
9. Federal Law of 24.07.2002 No. 101-FZ "On the Turnover of Agricultural Land". Rossiyskaya Gazeta. No. 137. 27.07.2002.
10. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ. Rossiyskaya Gazeta. No. 238-239. 08.12.1994.
11. Alekseev S.S., Alekseeva O.G., Belyaev K.P. and others. Civil law: textbook: in 2 volumes. edited by B.M. Gongalo. Moscow: Statut, 2016. Vol. 1. P. 266.

Информация об авторе

Погосян П.К., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, voida31@mail.ru

© Погосян П.К., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 004.89

Внедрение технологий искусственного интеллекта в правоохранительную деятельность: перспективы и потенциальные угрозы

¹ Романенко Е.А., ¹ Бокова А.О.,
¹ Центральный филиал Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева

Аннотация: авторами проводится комплексный анализ перспектив применения технологий искусственного интеллекта в рамках реализации уголовно-правовой политики государства и связанных с ним рисков.

В статье рассматриваются основные перспективы применения технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в правоохранительной деятельности Российской Федерации, проводится классификация основных видов искусственного интеллекта и типов его обучения, анализируются ключевые аспекты возможного использования ИИ при осуществлении правоохранительными органами своей деятельности. Особое внимание уделяется возможным рискам, связанным с его применением, а также предлагаются конкретные меры по их минимизации и обеспечению наиболее эффективного внедрения в правоохранительную деятельность. Делается попытка доказать тот факт, что применение ИИ в правоохранительной деятельности способно кардинально изменить подход к расследованию преступлений, обеспечив не только качественное, всестороннее и полное расследование преступных деяний, но и высокоточное прогнозирование совершения различных правонарушений, ведь его применение значительно сократит время, повысит качество работы правоохранительных органов в целом.

Авторы приходят к выводу о том, что ИИ представляет собой обширную область компьютерной науки, ориентированную на создание систем, способных выполнять задачи, которые обычно требуют применения человеческого интеллекта. Предлагают рассмотреть ИИ по типам обучения – обработка естественного языка и машинное обучение. Более подробно останавливаются на 2 типе. Пытаются доказать, что именно машинное обучение является наиболее эффективным. Оно помогает выявлять различные закономерности, могущие остаться незамеченными при использовании традиционных аналитических методов. Приводят различные примеры таких технологий.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, искусственный интеллект, виды искусственного интеллекта, обучение искусственного интеллекта, перспективы, возможные риски, предложения по минимизации рисков

Для цитирования: Романенко Е.А., Бокова А.О. Внедрение технологий искусственного интеллекта в правоохранительную деятельность: перспективы и потенциальные угрозы // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 147 – 152.

Поступила в редакцию: 10 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 января 2025 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

Implementation of artificial intelligence technologies in law enforcement: prospects and potential threats

¹ Romanenko E.A., ¹ Bokova A.O.,

¹ Central branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Abstract: the authors carry out a comprehensive analysis of the prospects for the use of artificial intelligence technologies in the framework of the implementation of the criminal law policy of the state and the risks associated with it.

The article examines the main prospects for the use of artificial intelligence (AI) technologies in law enforcement activities in the Russian Federation, classifies the main types of artificial intelligence and types of its training, and analyzes key aspects of the possible use of AI in the conduct of law enforcement activities. Particular attention is paid to the possible risks associated with its use, and specific measures are proposed to minimize them and ensure the most effective implementation in law enforcement activities. Attempts are being made to prove the fact that the use of AI in law enforcement activities can radically change the approach to crime investigation, providing not only a high-quality, comprehensive and complete investigation of crimes.

The authors conclude that AI is an extensive field of computer science focused on creating systems capable of performing tasks that usually require the use of human intelligence. It is proposed to consider AI by types of learning – natural language processing and machine learning. They discuss type 2 in more detail. They are trying to prove that machine learning is the most effective. It helps to identify various patterns that may go unnoticed when using traditional analytical methods. Various examples of such technologies are given.

Keywords: law enforcement, artificial intelligence, types of artificial intelligence, artificial intelligence training, prospects, possible risks, proposals for minimizing risks

For citation: Romanenko E.A., Bokova A.O. Implementation of artificial intelligence technologies in law enforcement: prospects and potential threats. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 147 – 152.

The article was submitted: November 10, 2024; Approved after reviewing: January 11, 2025; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Оглядываясь на реалии современной государственно-правовой деятельности, становится очевидным, что технологический прогресс оказывает значительное влияние на все сферы государства и общества, способствуя их стремительному изменению. На сегодняшний день мы можем с уверенностью утверждать, что применение технологий искусственного интеллекта (ИИ) становится все более актуальным во всех сферах жизни общества, и правовая сфера в данной связи не является исключением. По данным СМИ, значительная частью юридического сообщества Российской Федерации активно используют технологии искусственного интеллекта в своей деятельности [1].

Материалы и методы исследований

По нашему мнению, важнейшим элементом всей юридической сферы деятельности является государственная уголовно-правовая политика, направленная на обеспечение не только поддержания законности и порядка в рамках государственно-правовой деятельности, но и соблюдения прав законных интересов граждан, а также назначения справедливого наказания лицам, совершившим противоправное деяние различной степени общественной опасности. На наш взгляд, введение технологий ИИ в данной сфере обладает рядом существенных перспектив, открывающих широкие возможности для не только для качественного повышения эффективности работы правоохранительных органов, но и для оптимизации всей правоохранительной деятельности в целом. Однако, наряду с преимуществами, применение технологий, основанных на алгоритмах искусственного интеллекта (ИИ) несет в себе и ряд рисков, требующих не только внимательного анализа, но и тщательного проработанного правового регулирования. В настоящее время, применении ИИ в правоохранительной деятельности способно кардинально изменить подход к расследованию преступлений, обеспечив не только качественное, всестороннее и полное расследование преступных деяний, но и высокоточное прогнозирование совершения различных правонарушений, поскольку его применение значительно сократит время, затрачиваемое на анализ данных, а также повысит качество работы правоохранительных органов в целом, так как ИИ способен обеспечить максимальную производительность, осуществляя свою деятельность фактически беспрерывно, на одинаково высоком уровне. Однако, без должного контроля со стороны государства, использование ИИ может привести к нарушению прав человека, что может

повлечь за собой самые серьезные негативные последствия не только для отдельной личности, но и для всего общества и государства.

Целью данной статьи является проведение комплексного анализа перспектив применения технологий искусственного интеллекта в рамках реализации уголовно-правовой политики государства и связанных с ним рисков. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: определить понятие и виды искусственного интеллекта, изучить положительные аспекты возможного применения технологий ИИ в целях улучшения функционирования правоохранительной системы государства, идентифицировать возможные риски применения ИИ в рамках осуществления правоохранительной деятельности, предложить комплекс рекомендаций по минимизации данных рисков и повышению эффективности применения технологий ИИ в современной действительности.

Для успешной реализации поставленных целей и задач нами предполагается использование комплекса различных общенациональных и частно-научных методов, таких как диалектический, сравнительно-правовой, социологический и аналитический методы, а также эмпирические исследования, основанные на статистических данных, и иные методы.

Результаты и обсуждения

В современной литературе понятие искусственного интеллекта находит множество самых различных определений. На наш взгляд, искусственный интеллект (ИИ) представляет собой обширную область компьютерной науки, ориентированную на создание систем, способных выполнять задачи, которые обычно требуют применения человеческого интеллекта.

ИИ следует делить по типам обучения – обработка естественного языка и машинное обучение. Более подробно остановимся на 2 типе.

В настоящий момент существуют три типа машинного обучения:

– супервизорное обучение – тип машинного обучения, при котором используется размеченный набор данных, где каждый входной элемент имеет соответствующий выходной элемент. При данном типе обучения модель обучается на этих парах «вход-выход», чтобы научиться предсказывать выходные данные для новых входных данных. Примеры технологии такого обучения являются классификация изображений, прогнозирование цен и другие задачи.

– несупервизорное обучение – при данном типе обучения ИИ-модели обучаются на неразмеченных данных, и их задача в процессе обучения заключается в обнаружении скрытых структур, объединяющих те или иные объемы данных. Примерами данной технологии являются объединение различных данных в кластеры, а также уменьшение объема различных объектов, и т.д.

– обучение с подкреплением – при применении данного типа обучения, ИИ-модель обучается через взаимодействие с окружающей средой, получая различное вознаграждение или негативную реакцию в ответ на свои действия. Яркими примерами такого обучения являются игры, такие как Go или шахматы, управление роботами и другие [2].

В настоящее время мы можем с уверенностью сказать, что технологии ИИ возможно использовать в правоохранительной деятельности. Наиболее иллюстративным примером такого использования является анализ больших объемов данных, связанных с преступной деятельностью [3]. Наиболее эффективным в данной связи является машинное обучение, которое помогает выявлять различные закономерности, могущие остаться незамеченными при использовании традиционных аналитических методов. Ярким примером применения такой технологии является процесс, при котором ИИ-системы анализируют различные данные о множестве совершенных преступлений для выявления их общих паттернов и определения возможного совершения иных правонарушений, что помогает правоохранительным органам более эффективно распределять ресурсы [4, 5]. Наиболее наглядным примером реализации такой технологии является активно реализуемая в США система PredPol, которая использует алгоритмы машинного обучения для прогнозирования вероятности совершения преступлений в различных районах определенной местности и передачи таких прогнозов сотрудникам правоохранительных органов. В настоящее время, по данным СМИ, на базе подобной системы развернуто более 50 локальных систем прогнозирования совершения правонарушений в департаментах полиции США разных штатов [6].

Также в данной связи стоит отметить, что с помощью методов машинного обучения также возможно предсказывать вероятность совершения различных правонарушений в будущем, что позволяет правоохранительным органам предпринимать различные меры превентивного характера, направленные на качественное предотвращение совершения различных правонарушений. Наиболее ярким примером реализации данного способа обучения искусственного интеллекта является так же активно используемая в США система COMPAS, основным принципом работы которой является использование алгоритмов машинного

обучения для прогнозирования совершения осужденным повторных преступлений и назначения такому лицу наиболее эффективного наказания. оценивающие риск повторного преступления [7].

Кроме того, ИИ также может применяться и при проведении оперативно-розыскной деятельности во множестве самых различных направлений, от автоматизации некоторых следственных действий, до повышения эффективности расследований в целом, что положительно зарекомендовало себя и за рубежом [7, 5]. В данной связи отметим, что наиболее примечательным, на наш взгляд, является использование технологий ИИ для автоматического анализа больших объемов цифровых данных с целью выявления наиболее важной информации по конкретному вопросу, а также автоматизация процесса распознавания лиц на видеозаписях с камер наблюдения, что потенциально способно улучшить качество расследования, сократив сроки проведения различных следственных действий.

Также нельзя не отметить того факта, что использование ИИ может значительно снизить нагрузку на современную судебную систему Российской Федерации. Нельзя отрицать, что уровень нагрузки на отечественную судебную систему в настоящий момент является крайне высоким. Согласно докладу председателя Верховного Суда РФ Ирины Леонидовны Подносовой: «Судами общей юрисдикции, включая мировых судей, и арбитражными судами в 2023 году только по первой инстанции окончено производство по более чем 39-ти миллионам дел. В первом квартале 2024 года судами Российской Федерации уже рассмотрено более 10 миллионов дел, что на 13% больше, чем за аналогичный период прошлого года» [8]. В условиях высокой нагрузки на суды считаем необходимым отметить, что применение ИИ в данной сфере будет способно оказать существенное влияние на решение данной проблемы, действующей на судебные органы Российской Федерации. Так, наиболее важным, в данной связи, на наш взгляд, является тот факт, что использование ИИ-систем способно обеспечить автоматизацию рутинных задач, таких как принятие и обработка типовых процессуальных документов, составление расписания судебных заседаний и некоторые другие. Кроме того, стоит отметить, что ИИ может предоставлять судьям и адвокатам определенную аналитическую информацию, основанную на условиях конкретного дела и анализе соответствующей, либо схожей судебной практики [9], что, на наш взгляд, может существенно улучшить качество отправляемого правосудия, и, как следствие, способствовать формированию качественной правоприменительной практики. Также, стоит упомянуть и о том, что использование систем, основанных на алгоритмах ИИ, позволяет анализировать большие массивы данных судебной практики для выявления в ней определенных закономерностей, что, на наш взгляд, может быть использовано для обеспечения формирования ее единообразного применения и позволит существенно облегчить работу Верховному Суду [9].

Однако, применение систем, основанных на технологиях искусственного интеллекта также сопряжено с различными рисками самого разнообразного характера, которые также необходимо учитывать [10], поскольку без соответствующей проработки они способны оказать существенное негативное влияние не только на определенную личность, но и на общество в целом.

Также в данной связи необходимой мерой является разработка единых стандартов безопасности и протоколов сертификации для систем ИИ с целью обеспечения их соответствия фундаментальным правовым стандартам с целью обеспечения качественного контроля за деятельностью ИИ без привлечения большого числа высококвалифицированных специалистов.

Кроме того, также нельзя не отметить того факта, что в целом для обеспечения эффективного внедрения ИИ в правоохранительную деятельность необходимо обеспечить подготовку и обучение специалистов, работающих с этими технологиями для того, чтобы все работники данных органов могли эффективно их использовать и критически оценивать результаты их деятельности. На наш взгляд, такое обучение должно включать в себя формирование понимания принципов работы ИИ, развитие навыков анализа данных и повышение уровня цифровой грамотности в целом.

Выводы

Подводя итог исследования, можно с уверенностью сказать, что внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность правоохранительных органов в Российской Федерации представляет собой перспективное направление, способное решить множество существующих проблем. Однако, как показывает проведенный в исследовании анализ, их использование также связано с рядом серьезных рисков, и должно происходить постепенно и исключительно при наличии четких нормативных стандартов регулирования применения ИИ в данной деятельности.

Кроме того, отметим, что системы ИИ, внедряемые в деятельность правоохранительных органов, должны быть исключительно «слабыми», поскольку сильный искусственный интеллект чужд фундаментальных понятий человеческого мировоззрения, таких как мораль, этика и так далее. Как верно подчеркнул в своем выступлении на ПМЮФ В.Д. Зорькин: «Возможно ли оцифровать человечность, любовь, эмпатию – всё то,

что слагает нашу идентичность? Отвечаем: нет. А потому мыслительный процесс искусственного интеллекта никогда не будет подобен человеческому» [11], ввиду чего системы искусственного интеллекта, внедряемые в правоохранительную деятельность, должны быть созданы и использоваться для оптимизации конкретных задач, однако принятие ключевого решения всегда должно осуществляться человеком.

Список источников

1. Более 40 процентов юристов уже используют искусственный интеллект в работе [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/07/15/bolee-40-procentov-iuristov-uzhe-ispolzuiut-iskusstvennyj-intellekt-v-rabote.html> (дата обращения: 28.07.2024)
2. Болтачев Э.Ф., Россихина Л.В. Методы машинного обучения для определения эффективности использования кадровых ресурсов органами внутренних дел // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2019. № 2. С. 54 – 60.
3. Вахманина Н.Б., Иванов Э.А. Возможности использования программ транскрайберов при производстве следственных действий // Российский следователь. 2019. № 2. С. 6 – 9.
4. Донченко Д.С., Садовникова Н.П., Парыгин Д.С. Прогнозирование степени тяжести последствий ДТП с использованием методов машинного обучения // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2019. № 4 (31). С. 176 – 180.
5. Федорович В.Ю. Внедрение технологий информации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития О.В. Химичева, А.В. Андреев современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 205 – 210.
6. Преступление и предсказание [Электронный ресурс]. URL: <https://fsa3d.com/2020/04/24/crime-prediction-solutions-19/> (дата обращения: 27.09.2024)
7. Grother P., Ngan M., Hanaoka K. Ongoing Face Recognition Vendor Test (FRVT). Part 2: Identification // Technical Report 8238, National Institute of Standards and Technology (NIST). November 2018. DOI: 10.6028/NIST.IR.8238
8. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации Ирины Леонидовны Подносовой на Пленарном заседании Совета Судей Российской Федерации 21 мая 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrif.ru/files/33582/> (дата обращения: 28.09.2024)
9. Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени Кутафина. 2021. № 5. С. 188 – 191.
10. Апостолова Н.Н. Искусственный интеллект в судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 3. С. 135 – 141.
11. Валерий Зорькин высказался против наделения искусственного интеллекта правосубъектностью [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/valeriy-zorkin-vyskazalsya-protiv-nadeleniya-iskusstvennogo-intellekta-pravosubektostyu/> (дата обращения: 30.09.2024)

References

1. More than 40 percent of lawyers already use artificial intelligence in their work [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2023/07/15/bolee-40-procentov-iuristov-uzhe-ispolzuiut-iskusstvennyj-intellekt-v-rabote.html> (date of access: 07/28/2024)
2. Boltachev E.F., Rossikhina L.V. Machine learning methods for determining the efficiency of using human resources by internal affairs bodies. Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2019. No. 2. P. 54 – 60.
3. Vakhmyanina N.B., Ivanov E.A. Possibilities of using transcriber programs in the production of investigative actions. Russian investigator. 2019. No. 2. P. 6 – 9.
4. Donchenko D.S., Sadovnikova N.P., Parygin D.S. Forecasting the severity of road accident consequences using machine learning methods. Bulletin of the Voronezh Institute of High Technologies. 2019. No. 4 (31). P. 176 – 180.
5. Fedorovich V.Yu. Implementation of information technologies and artificial intelligence as promising areas of development of modern criminal proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2. P. 205 – 210.
6. Crime and prediction [Electronic resource]. URL: <https://fsa3d.com/2020/04/24/crime-prediction-solutions-19/> (date accessed: 27.09.2024)

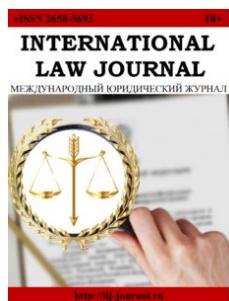
7. Grother P., Ngan M., Hanaoka K. Ongoing Face Recognition Vendor Test (FRVT). Part 2: Identification. Technical Report 8238, National Institute of Standards and Technology (NIST). November 2018. DOI: 10.6028/NIST.IR.8238
8. Report of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation Irina Leonidovna Podnosova at the Plenary Session of the Council of Judges of the Russian Federation on May 21, 2024 [Electronic resource]. URL: <https://www.vsrif.ru/files/33582/> (date accessed: 28.09.2024)
9. Momotov V.V. Artificial Intelligence in Legal Proceedings: Status, Prospects of Use. Bulletin of Kutafin University. 2021. No. 5. pp. 188–191.
10. Apostolova N.N. Artificial Intelligence in Legal Proceedings. North Caucasian Legal Bulletin. 2019. No. 3. P. 135 – 141.
11. Valery Zorkin Speaks Out Against Granting Artificial Intelligence Legal Capacity [Electronic Resource]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/valeriy-zorkin-vyskazalsya-protiv-nadeleniya-iskusstvennogo-intellekta-pravosubektnostyu/> (accessed: 30.09.2024)

Информация об авторах

Романенко Е.А., кандидат юридических наук, доцент, SPIN-код 6982-1214, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, sonik24012005@mail.ru

Бокова А.О., SPIN-код: 8118-4604, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, a.o.bokova@gmail.com

© Романенко Е.А., Бокова А.О., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.1

Основания для избрания меры пресечения в виде домашнего ареста и их доказывание

^{1, 2} Сидоров Я.Ю.,
¹ судья Центрального районного суда г. Хабаровска,
² Российской университет правосудия, Дальневосточный филиал

Аннотация: в современных условиях от правильности избрания судами мер пресечения зависит не только эффективность уголовного судопроизводства, но и отношение граждан к системе российского правосудия. При этом особую актуальность приобретают проблемы, связанные с избранием домашнего ареста в качестве меры пресечения, являющейся наряду с заключением под стражу мерой, ограничивающей право лица на свободу передвижения, однако более «мягкой» с точки зрения ее применения. Несмотря на наличие в нормах действующего законодательства этой более «мягкой» меры пресечения, ее применение сопряжено с рядом проблем практического характера. Во-первых, наблюдается формальный подход органов предварительного расследования, закладывающий ничем не подтвержденные предположения относительно наличия у обвиняемого (подозреваемого) возможности совершить одно из действий, перечисленных в ст. 97 УПК РФ, и не предоставляемых суду достаточной информации о личности лица, в отношении которого избирается мера пресечения. Во-вторых, важно отметить и проблему неправильного толкования положений ст. 107 УПК РФ о применении домашнего ареста, приводящую к установлению в судебных решениях более лояльных условий отбывания домашнего ареста, чем это предусмотрено нормами российского законодательства. В указанных условиях решением проблемы может стать только разработка законодательных положений, четко регламентирующих как порядок принятия судами решения об избрании домашнего ареста, так и механизм его отбывания обвиняемыми (подозреваемыми) в совершении противоправного действия. Однако выработка соответствующих законодательных положений требует проведения дополнительных научных исследований.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, избрание мер пресечения, домашний арест, заключение под стражу, ограничение свободы

Для цитирования: Сидоров Я.Ю. Основания для избрания меры пресечения в виде домашнего ареста и их доказывание // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 153 – 157.

Поступила в редакцию: 10 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 12 января 2025 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

Grounds for choosing a preventive measure in the form of house arrest and their proof

^{1, 2} Sidorov Ya.Yu.,
¹ Judge of the Central District Court Khabarovsk,
² Russian University of Justice (Far Eastern Branch)

Abstract: in modern conditions, the correctness of the election of preventive measures by the courts depends not only on the effectiveness of criminal proceedings, but also on the attitude of citizens to the Russian justice system. At the same time, the problems associated with the choice of house arrest as a preventive measure, which, along with detention, is a measure restricting a person's right to freedom of movement, but more "soft" in terms of its application, are becoming particularly relevant. Despite the existence of this more "mild" preventive measure in the

norms of current legislation, its application is associated with a number of practical problems. Firstly, there is a formal approach of the preliminary investigation bodies, laying down unsubstantiated assumptions about whether the accused (suspect) has the opportunity to commit one of the actions listed in Article 97 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and not providing the court with sufficient information about the identity of the person in respect of whom a preventive measure is being chosen. Secondly, it is important to note the problem of misinterpretation of the provisions of Article 107 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the application of house arrest, which leads to the establishment in court decisions of more loyal conditions for serving house arrest than provided for by the norms of Russian legislation. In these conditions, the solution to the problem can only be the development of legislative provisions that clearly regulate both the procedure for making a decision by the courts on the election of house arrest and the mechanism for its serving by the accused (suspects) of committing an illegal act. However, the development of appropriate legislative provisions requires additional scientific research.

Keywords: criminal proceedings, election of preventive measures, house arrest, detention, restriction of freedom

For citation: Sidorov Ya.Yu. Grounds for choosing a preventive measure in the form of house arrest and their proof. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 153 – 157.

The article was submitted: November 10, 2024; Approved after reviewing: January 12, 2025; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Теоретические и практические вопросы избрания мер пресечения и особенности их дальнейшего применения в современной уголовно-правовой науке являются не только актуальными, но и дискуссионными. Особенности научных споров об избрании мер пресечения позволяют сделать вывод о двух основных направлениях таких споров. Во-первых, в специализированной литературе отсутствует однозначная позиция об обоснованности принятия судами решений об избрания мер пресечения с учетом подходов к доказыванию оснований избрания [6, 7].

Во-вторых, немало споров возникает относительно исполнения избранной судами меры пресечения [9, 10, 11]. Здесь наибольший научный интерес представляют не столько поведенческие аспекты лица, в отношении которого избрана соответствующая мера, сколько сформулированные судами в судебных решениях условия исполнения избранных мер пресечения применительно к такой мере, как домашний арест. Такая позиция обусловлена тем, что вышеуказанная мера пресечения не предполагает содержание соответствующего лица под стражей.

Материалы и методы исследований

При написании статьи использовались преимущественно частно-научные методы исследования. Среди таких методов – метод толкования (интерпретации) права и формально-юридический метод. Среди используемых общих методов научного исследования – метод анализа и синтеза, метод научного обобщения. В основу статьи легли содержание нормативных правовых актов Российской Федерации, материалы судебной практики по вопросам избрания мер пресечения, а также научные труды, посвящённые исследуемой проблематике.

Результаты и обсуждения

Положениями ст. 107 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] определен перечень оснований для избрания соответствующих мер пресечения. Так, при избрании домашнего ареста необходимо судебное решение, а также отсутствие оснований для назначения более мягкой меры пресечения. Если акцентировать внимание на исполнении анализируемой меры пресечения, то главным условием ее исполнения является необходимость нахождения в изоляции и только в жилом помещении. При этом речь идет не о любых жилых помещениях, а о тех, в которых лицо проживает на законных основаниях (собственник, наниматель и пр.).

В отдельных случаях возможны исключения из общего правила, установленного уголовно-процессуальным законодательством. Среди таких случаев – состояние здоровья лица, в отношении которого избирается соответствующая мера. Если состояние здоровья вышеуказанного лица предполагает его постоянное нахождение в лечебном учреждении, то местом содержания под домашним арестом может быть определено соответствующее лечебное учреждение.

Однако, в отношении содержания под домашним арестом в лечебном учреждении необходимо отметить, что такая возможность установлена не законодательно, а вытекает исключительно из правоприменительной практики, поскольку по общему правилу законодатель и правоприменитель в качестве обязательного условия ставят только жилое помещение. В качестве жилого помещения может выступать не только помещение, входящее в жилищный фонд, но и любое иное помещение, отвечающее тем требованиям, которые предъявляют к жилому помещению, например, дачный домик.

Что касается правовых оснований для избрания такой меры пресечения, как домашний арест, то здесь можно выделить как общие (определенные для всех мер пресечения, предусмотренных нормами уголовно-процессуального законодательства) основания, так и специальные. Перечень общих оснований закреплен положениям ч. 1 ст. 97 УПК РФ, а перечень специальных оснований положениями ст. 107 УПК РФ. В силу вышеуказанных положений уголовно-процессуального законодательства основания и порядок избрания домашнего ареста аналогичны основаниям и порядку избрания заключения под стражу.

Вместе с тем, проблема явного дисбаланса в пользу избрания последней в последние несколько лет становится все более актуальной [7]. Так, анализ правоприменительной практики показывает, что суды при принятии соответствующего решения в большей степени опираются на ходатайства органов предварительного расследования с учетом представленных материалов и доказательств. Такие материалы и доказательства не всегда позволяют суду надлежащим образом оценить личностные характеристики лица, в отношении которого выносится решение, и иные обстоятельства [8].

С указанной позицией сложно согласиться, поскольку при избрании мер пресечения, во-первых, отсутствует процесс состязательности сторон. Во-вторых, в условиях законодательно ограниченного времени на принятие решения в большей степени суд, руководствуясь принципом добросовестности при исполнении органами предварительного следствия своих должностных обязанностей, полагается именно на те материалы, которые представлены для оценки, обоснованно считая их достоверными. Данный факт порождает ряд проблем практического характера.

Так, обосновывая заключение под стражу, органы предварительного расследования в качестве оснований указывают ничем не подтвержденные предположения относительно наличия у обвиняемого (подозреваемого) возможности совершить одно из действий, перечисленных в ст. 97 УПК РФ.

В указанных условиях важность приобретает доказывание обстоятельств обоснованности избрания в качестве меры пресечения именно домашнего ареста. Доказывание с процессуальной точки зрения не является сложным, поскольку опирается на имеющиеся у органов предварительного следствия доказательства. Однако вопрос относимости доказательств является открытым. Так, согласно ч. 3 ст. 108 УПК РФ к ходатайству об избрании меры пресечения прилагаются материалы, которые подтверждают его обоснованность. Отсюда следует, что суд при принятии решения должен изучить все имеющиеся доказательства и исходя из учета всех обстоятельств и приложенных к ходатайству документов принять решение о том, целесообразно ли избрание указанной в ходатайстве меры пресечения или возможно избрание более мягкой меры пресечения. Однако, как уже неоднократно было отмечено ранее, явный перевес в сторону более строгой меры пресечения связан именно с содержанием материалов, предоставляемых органами предварительного расследования, что подтверждается материалами правоприменительной практики.

Так, например, в одном из дел, рассмотренных Ленинским районным судом г. Томска [4] неснятая и не погашенная судимость за совершение тяжкого преступления была основным аргументом органов предварительного расследования в ходатайстве об избрании заключения под стражу.

Вместе с тем, органам предварительного расследования было известно, что на момент совершения преступления лицо, подозреваемое в его совершении, было социально адаптировано, официально трудоустроено и имело постоянное место проживания, о чем суду сообщено не было. Также суду не было сообщено, что у подозреваемого имелось тяжкое заболевание, предусматривающее необходимость прохождения лечения в специальном лечебном учреждении.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение Ленинского районного суда г. Томска, указал на формальный подход суда к избранию меры пресечения, не изучившего как тяжесть совершенного деяния, так и личность, и процессуальный статус лица, подозреваемого в совершении противоправного деяния [4].

Анализ вышеуказанного дела позволяет поставить обоснованный вопрос о том, действительно ли имеет место именно формальный подход суда к избранию меры пресечения. С учетом того факта, что суд опирается на те материалы и доказательства, которые представляют органы предварительного расследования, выводы о формализме со стороны судебных органов видятся более чем странными. Действительно, с одной стороны, решение об избрании меры пресечения относится именно к компетенции суда. С другой стороны, суд при принятии решения руководствуется имеющимися у него доказательствами, обосновывающими

необходимость избрания соответствующей меры пресечения и представленными органами предварительного расследования.

Тем не менее, это не исключают возможность суда при решении вопроса об избрании меры пресечения продлить срок задержания подозреваемого (обвиняемого) до 72 часов с целью предоставления участникам уголовного судопроизводства возможности предоставления дополнительных доказательств, обосновывающих наличие или отсутствие дополнительных доказательств для удовлетворения заявленного ходатайства, либо отказа в нем. Отсюда следует, что при отсутствии достаточной информации, предоставляющей возможность суду изучить личность лица, в отношении которого избирается соответствующая мера пресечения, и при возможности применить более мягкую меру пресечения, процессуальный статус лица не имеет определяющего значения.

Схожий подход без учета обстоятельств совершения противоправного деяния, характеристики личности подозреваемого и тяжести совершенного преступления использовался и Анапским городским судом Краснодарского края. Как отмечено судом апелляционной инстанции при отмене решения, судом первой инстанции учтена только тяжесть совершенного деяния и не учтены личность обвиняемого, его семейное положение и наличие иждивенцев, отсутствие судимостей, положительные характеристики, наличие регистрации и постоянного места жительства на определенной территории [5].

Кроме проблем формального подхода органов предварительного расследования, апеллирующих в ходатайствах о наличии у обвиняемого (подозреваемого) возможности совершить одно из действий, перечисленных в ст. 97 УПК РФ, и не представляющих суду достаточной информации о личности лица, в отношении которого избирается мера пресечения, важно отметить и проблему установления в судебных решениях более лояльных условий отбывания домашнего ареста, чем это предусмотрено нормами российского законодательства.

Так, Фрунзенским районным судом Санкт-Петербурга лицу, в отношении которого избран домашний арест, были разрешены прогулки и не было принято во внимание, что согласно положениям ст. 107 УПК РФ домашний арест в качестве меры пресечения заключается в нахождении подозреваемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает, то есть в полной изоляции [2].

Схожая позиция содержится и в решении Чертановского районного суда г. Москвы, разрешившего подозреваемому покидать жилое помещение, в котором он отбывает домашний арест, и менять вышеуказанное место проживания без разрешения следователя [3].

Выводы

Подводя итог, можно сделать вывод о наличии ряда проблем практического характера при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения. Во-первых, возникают вопросы относительно подхода органов предварительного расследования к формированию материалов и доказательств, направляемых в суд одновременно с ходатайством и не представляющих суду достаточной информации о личности лица, в отношении которого избирается мера пресечения. Во-вторых, важно отметить и проблему расширенного толкования судами положений ст. 107 УПК РФ и допускающими в своих решениях более лояльных условий отбывания домашнего ареста, чем это предусмотрено нормами российского законодательства. В указанных условиях решением проблемы может стать только разработка законодательных положений, четко регламентирующих как порядок принятия судами решения об избрании домашнего ареста, так и механизм его отбывания обвиняемыми (подозреваемыми) в совершении противоправного деяния. Однако выработка соответствующих законодательных положений требует проведения дополнительных научных исследований.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. № 249. 2001. 22 дек.
2. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12.04.2022 № 77-1168/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Апелляционное постановление Московского городского суда от 19.03.2020 № 10-5145/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Апелляционное постановление Томского областного суда от 18 декабря 2020 г. № 222413/2020 22К-2413/2020 по делу № 3/120/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 19.02.2020 по делу № 22-1455/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Алексеев И.М., Данильян А.С., Данильян С.А. Домашний арест и запрет определенных действий: проблемы теории и практики // Вестник краснодарского университета МВД России. 2021. № 3 (53). С. 53 – 57.
7. Барабаш А.С. Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С. 117 – 131.
8. Вильданова М.М., Галиновская Е.А., Ганичева Е.С. и др. Комментарий судебной практики. Выпуск 28 / отв. ред. К.Б. Ярошенко. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Инфотропик Медиа, 2023. 284 с.
9. Ксендзов Ю.Ю. Меры пресечения в виде запрета определенных действий, залога, домашнего ареста: вопросы их соотношения и практики применения // Право и политика. 2020. № 8. С. 67 – 84.
10. Марковичева Е.В. Трансформация домашнего ареста как меры пресечения в российском уголовном процессе // Правосудие. 2023. № 3. С. 140 – 153.
11. Петровских А.С., Смактин Е.В. Запрет определенных действий: толкование и проблемы применения // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 4. С. 19 – 24.

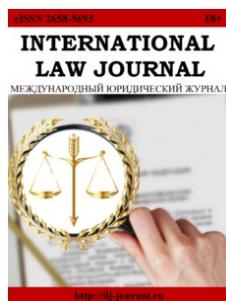
References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ. Rossiyskaya Gazeta. No. 249. 2001. December 22.
2. Cassation ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction of 12.04.2022 No. 77-1168/2022. SPS "ConsultantPlus".
3. Appellate ruling of the Moscow City Court of 19.03.2020 No. 10-5145/2020. SPS "ConsultantPlus".
4. Appellate ruling of the Tomsk Regional Court dated December 18, 2020 No. 222413/2020 22K-2413/2020 in case No. 3/120/2020. SPS "ConsultantPlus".
5. Appellate ruling of the Krasnodar Regional Court dated February 19, 2020 in case No. 22-1455/2020. SPS "ConsultantPlus".
6. Alekseev I.M., Danilyan A.S., Danilyan S.A. House arrest and prohibition of certain actions: problems of theory and practice. Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3 (53). P. 53 – 57.
7. Barabash A.S. Grounds for choosing detention, house arrest, bail and their proof. Russian Law Journal. 2016. No. 4. P. 117 – 131.
8. Vildanova M.M., Galinovskaya E.A., Ganicheva E.S. et al. Commentary on judicial practice. Issue 28. ed. K.B. Yaroshenko. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Infotropic Media, 2023. 284 p.
9. Ksendzov Yu.Yu. Preventive measures in the form of a ban on certain actions, bail, house arrest: issues of their relationship and practice of application. Law and Politics. 2020. No. 8. P. 67 – 84.
10. Markovicheva E.V. Transformation of house arrest as a preventive measure in Russian criminal proceedings. Justice. 2023. No. 3. P. 140 – 153.
11. Petrovskikh A.S., Smakhtin E.V. Prohibition of certain actions: interpretation and problems of application. Russian law: education, practice, science. 2018. No. 4. P. 19 – 24.

Информация об авторе

Сидоров Я.Ю., судья Центрального районного суда г. Хабаровска, старший преподаватель, Российский университет правосудия, Дальневосточный филиал, sidorov.iar@mail.ru

© Сидоров Я.Ю., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.631

Публично-правовые ограничения в обучении искусственного интеллекта, международный и национальный опыт

¹Чумаченко В.А.,
¹Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: исследование раскрывает комплекс нормативно-правовых ограничений, действующих при обучении систем искусственного интеллекта (ИИ) на международном и национальном уровнях. Законодательные рамки устанавливают требования к защите персональных данных граждан, соблюдению фундаментальных прав личности, определяют механизмы надзора за созданием и внедрением интеллектуальных систем. Сравнительный анализ регуляторных подходов ведущих государств – Евросоюза, Соединенных Штатов, КНР и Российской Федерации позволяет выработать рекомендации по модернизации правовой базы в сфере развития технологий ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, обучение ИИ, публично-правовые ограничения, международное право, национальное законодательство, регулирование данных, этика ИИ

Для цитирования: Чумаченко В.А. Публично-правовые ограничения в обучении искусственного интеллекта, международный и национальный опыт // International Law Journal. 2025. Том 8. № 1. С. 158 – 163.

Поступила в редакцию: 12 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 13 января 2025 г.; Принята к публикации: 14 февраля 2025 г.

Public law restrictions on artificial intelligence training, international and national experience

¹Chumachenko V.A.,
¹St. Petersburg State University

Abstract: the study reveals a set of regulatory and legal restrictions that apply to the training of artificial intelligence (AI) systems at the international and national levels. The legislative framework establishes requirements for the protection of citizens' personal data, respect for fundamental human rights, and define oversight mechanisms for the creation and implementation of intelligent systems. A comparative analysis of the regulatory approaches of the leading countries - the European Union, the United States, China and the Russian Federation - allows us to develop recommendations for modernizing the legal framework in the field of AI technology development.

Keywords: artificial intelligence, learning and, public law restrictions, international law, national legislation, data regulation, ethics of AI

For citation: Chumachenko V.A. Public law restrictions on artificial intelligence training, international and national experience. International Law Journal. 2025. 8 (1). P. 158 – 163.

The article was submitted: November 12, 2024; Approved after reviewing: January 13, 2025; Accepted for publication: February 14, 2025.

Введение

Развитие систем искусственного интеллекта радикально меняет социальную структуру глобального общества, затрагивая множество ключевых секторов – здравоохранение, просвещение, юриспруденцию и административное управление. Внедрение интеллектуальных алгоритмов стало фундаментальным элементом цифровизации, позволяя автоматизировать сложные процессы, обрабатывать масштабные информационные массивы и формировать решения посредством самообучающихся систем. Стремительное распространение подобных технологий создает необходимость формирования правовых механизмов контроля над процессами машинного обучения, включая этические нормы, информационную безопасность, алгоритмическую прозрачность и защиту от предвзятости принимаемых решений.

Современная технологическая революция ставит перед государственными регуляторами множественные задачи по соблюдению баланса прогресса и общественной безопасности. Масштабные наборы информации, применяемые при разработке систем искусственного интеллекта, создают значительные риски утечки персональных сведений, предвзятого анализа данных и манипуляций при автоматическом принятии решений. Формирование комплексной нормативной базы приобретает первостепенное значение как для отдельных государств, так и для международного сообщества в целом.

Законодательное регулирование систем машинного обучения существенно различается между ведущими мировыми державами. Правовая система Евросоюза выстраивает комплексную регуляторную структуру, направленную на соблюдение гражданских прав при разработке искусственного интеллекта. Американская модель регулирования базируется преимущественно на принципах саморегулирования отрасли через добровольные профессиональные стандарты. Правительство КНР реализует государственную стратегию контроля разработок машинного обучения, уделяя первостепенное внимание информационной безопасности и контролю контента. Российское законодательство находится на начальном этапе формирования нормативной базы, при этом активно развивается регулирование защиты персональных данных граждан и цифровых технологий.

Стремительное развитие искусственного интеллекта требует создания сбалансированной нормативно-правовой базы, учитывающей интересы разработчиков технологий и потребности общества в защите фундаментальных прав. Правовое регулирование сферы ИИ балансирует между двумя крайностями - отсутствием необходимых механизмов контроля, создающим риски нарушения прав граждан, и излишне строгими ограничениями, способными существенно замедлить инновационное развитие. Разработка оптимальной модели публично-правового регулирования процессов обучения систем искусственного интеллекта становится приоритетной задачей современной юридической науки и правоприменительной практики.

Цель исследования – проанализировать международный и национальный опыт правового регулирования обучения ИИ, выявить ключевые тенденции и предложить рекомендации по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Материалы и методы исследований

В рамках данного исследования использовались комплексные методы, направленные на анализ публично-правовых ограничений в обучении искусственного интеллекта, их международного и национального регулирования.

Основное внимание уделялось изучению нормативно-правовых актов, регулирующих данную сферу в различных странах, что позволило выявить ключевые подходы к формированию законодательства в области ИИ.

Результаты и обсуждения

В ходе исследования было выявлено, что регулирование обучения искусственного интеллекта представляет собой сложный и многоаспектный процесс, в котором сочетаются правовые, этические и технологические элементы. На международном уровне страны используют различные модели регулирования, каждая из которых имеет свои преимущества и недостатки. Одни государства ориентируются на жесткое государственное регулирование, устанавливая строгие требования к процессу обучения алгоритмов, тогда как другие делают ставку на принципы саморегулирования и рыночной конкуренции [3].

Европейский Союз разработал детализированную правовую основу для регулирования ИИ, включая принятый Акт об искусственном интеллекте, который вводит строгие требования к разработчикам алгоритмов и устанавливает четкие правила по защите персональных данных. США, напротив, придерживаются более гибкого подхода, при котором регулирование возлагается на отдельные отрасли, а ключевую роль играют рекомендации и стандарты, разработанные негосударственными организациями. Китай выбрал централизованную модель, предполагающую жесткий контроль за процессами обучения и внедрения ИИ, осо-

бенно в тех сферах, которые затрагивают государственные интересы и вопросы национальной безопасности [10].

В России подход к регулированию пока находится в стадии формирования. Законодательство в данной сфере в основном затрагивает защиту персональных данных, а более детальные механизмы регулирования ИИ пока не разработаны. Существует потребность в унификации и систематизации правовых норм, регулирующих обучение алгоритмов, поскольку разрозненные положения, содержащиеся в различных законах и подзаконных актах, не дают целостной картины регулирования [6].

Анализ существующих правовых моделей в различных странах можно представить в виде табл. 1.

Таблица 1
Подходы к регулированию обучения ИИ в различных странах.

Table 1

Approaches to regulating AI training in different countries.

Страна/Регион	Основные правовые нормы	Ключевые ограничения	Механизмы контроля
ЕС	Акт об искусственном интеллекте, GDPR	Запрет на социальный рейтинг, строгие требования к ИИ высокого риска	Обязательная сертификация, проверка алгоритмов на прозрачность
США	Blueprint for an AI Bill of Rights, отраслевые стандарты	Ограничения в области дискриминации, требование прозрачности алгоритмов	Надзор со стороны отраслевых регуляторов, инициативы саморегулирования
Китай	Закон о личной информации, регулирование данных	Цензура алгоритмов, лицензирование разработчиков	Государственный контроль за обучением и использованием ИИ
Россия	Закон о персональных данных, Концепция регулирования ИИ	Ограничения на обработку персональных данных, отсутствие четких стандартов для ИИ	Разрозненное регулирование, отсутствие единого контролирующего органа

Одним из ключевых вопросов, требующих решения в процессе регулирования ИИ, является баланс между технологическим развитием и соблюдением прав человека. Чрезмерно жесткие ограничения могут привести к замедлению внедрения ИИ и снижению конкурентоспособности разработчиков, тогда как отсутствие регулирования повышает риски нарушения конфиденциальности, дискриминации и других негативных последствий [11].

Особый интерес представляет вопрос регулирования доступа к данным, поскольку процесс обучения ИИ напрямую зависит от качества и объема используемой информации. В Европейском Союзе, например, существует строгий режим защиты персональных данных, что ограничивает возможности использования реальных данных для обучения ИИ. В то же время Китай активно использует государственные базы данных для совершенствования алгоритмов, но такой подход сопряжен с рисками нарушения конфиденциальности граждан [5, 8].

Сравнительный анализ законодательства в сфере обучения ИИ позволил выявить основные преимущества и недостатки различных моделей регулирования, которые отражены в следующей табл. 2.

Таблица 2
Преимущества и недостатки различных моделей регулирования ИИ.

Table 2

Advantages and disadvantages of different models of AI regulation.

Подход к регулированию	Преимущества	Недостатки
Жесткое регулирование (ЕС, Китай)	Обеспечивает высокий уровень защиты данных, снижает вероятность дискриминации и неконтролируемого использования ИИ	Может замедлить развитие технологий, повышает издержки на соответствие нормативным требованиям

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Гибкий подход (США)	Позволяет быстро адаптировать регулирование к технологическим изменениям, стимулирует инновации	Создает правовую неопределенность, что может привести к злоупотреблениям и нарушениям
Фрагментарное регулирование (Россия)	Учитывает особенности отдельных отраслей, не создает административных барьеров для разработчиков	Отсутствие единой стратегии приводит к неэффективности регулирования, создавая пробелы в правоприменении

На основании анализа можно сделать вывод, что идеальной модели регулирования обучения ИИ не существует. Страны выбирают разные подходы в зависимости от своих политических, экономических и социальных приоритетов. В странах с развитой системой защиты персональных данных уделяется больше внимания прозрачности алгоритмов и предотвращению дискриминации, тогда как в государствах с централизованным управлением акцент делается на контроле за технологическим развитием и использовании ИИ в интересах государства [3].

Россия, находясь на этапе формирования законодательства в данной сфере, может учесть международный опыт и разработать такую модель регулирования, которая сочетала бы в себе принципы прозрачности, защиты данных и стимулирования технологического роста. Важно, чтобы регулирование не только обеспечивало правовую определенность для разработчиков, но и способствовало развитию инноваций, создавая благоприятные условия для внедрения передовых технологий [6].

На основе проведенного анализа можно предложить ряд рекомендаций, направленных на развитие системы регулирования обучения ИИ в России с учетом международного опыта.

В табл. 3 представлены рекомендации, направленные на развитие системы регулирования обучения ИИ в России с учетом международного опыта.

Таблица 3
Рекомендации, направленные на развитие системы регулирования обучения ИИ в России с учетом международного опыта.

Table 3

Recommendations aimed at developing a system for regulating AI training in Russia, taking into account international experience.

Рекомендация	Обоснование
Разработка комплексного закона об обучении ИИ	Закон должен содержать четкие определения, механизмы сертификации и контроль за использованием алгоритмов, что позволит устраниить правовую неопределенность.
Усиление контроля за использованием персональных данных	Разработка детализированных норм позволит сбалансировать защиту конфиденциальности граждан и необходимость работы с большими массивами данных.
Введение обязательных требований к прозрачности алгоритмов	Обеспечит контроль за процессами принятия решений ИИ, снизит риски дискриминации и повысит доверие к технологиям.
Создание специализированного органа по регулированию ИИ	Специализированная структура позволит оперативно адаптировать законодательство к изменениям и контролировать внедрение технологий.
Развитие международного сотрудничества в области регулирования ИИ	Создание единых стандартов и участие в международных инициативах обеспечит интеграцию в глобальную цифровую экономику.
Стимулирование научных исследований и разработок в сфере ИИ	Предоставление грантов и налоговых льгот поможет стимулировать развитие технологий, повысит конкурентоспособность отечественных разработчиков.

Прежде всего, учитывая текущие темпы развития ИИ, необходимо разработать и принять комплексный закон или несколько законов, которые бы регулировали процессы обучения и внедрения ИИ в различных сферах – такого подхода придерживаются многие исследователи. Такой закон должен содержать четкие определения ключевых понятий, включая критерии классификации алгоритмов, требования к их обучению, а также механизмы контроля и сертификации. Это позволит создать единые правила для всех участников рынка и устранит правовую неопределенность, с которой сталкиваются разработчики [1].

Кроме того, следует усилить контроль за использованием персональных данных в процессе обучения ИИ. Разработка более детализированных норм в этой сфере позволит найти баланс между защитой конфиденциальности граждан и возможностью для разработчиков обучать модели на реальных или синтетических данных. Одним из возможных решений может стать создание государственных платформ анонимизированных данных, которые могли бы использоваться для обучения алгоритмов без риска нарушения прав граждан [8].

Еще одной важной рекомендацией является введение обязательных требований к прозрачности алгоритмов. Это позволит пользователям и регулирующим органам лучше понимать, на основании каких данных принимаются решения, а также обеспечит защиту от дискриминации и иных нежелательных эффектов, связанных с неконтролируемым использованием ИИ. Введение сертификации алгоритмов, аналогичной зарубежной модели, может стать эффективным инструментом регулирования, который обеспечит доверие к технологиям и предотвратит их потенциальные злоупотребления [3].

Дополнительно стоит обратить внимание на необходимость создания специализированных органов, отвечающих за надзор и регулирование в сфере ИИ. Такие структуры могли бы выполнять функции по разработке рекомендаций, проведению сертификации алгоритмов и мониторингу их использования в различных сферах. Опыт ведущих стран показывает, что наличие специализированных агентств позволяет более эффективно адаптировать законодательство к изменяющейся технологической среде.

В долгосрочной перспективе важно обеспечить стимулирование научных исследований и разработок в области ИИ, предоставляя гранты и налоговые льготы для компаний, работающих в данной сфере. Такой подход позволит не только повысить уровень технологий в стране, но и создаст конкурентные преимущества для российских разработчиков на мировом рынке [2].

Выводы

Таким образом, исследование показало, что регулирование обучения искусственного интеллекта является важнейшей задачей современного общества, требующей комплексного подхода и учета множества факторов. Различные страны используют свои модели правового регулирования, однако ни одна из них не является универсальной. Оптимальный подход должен сочетать в себе защиту прав граждан, прозрачность алгоритмов и стимулирование технологического развития.

Россия, находясь на этапе формирования законодательства в данной сфере, имеет возможность учесть международный опыт и разработать такую систему регулирования, которая будет способствовать развитию технологий, обеспечивая при этом защиту общественных интересов. Введение четких стандартов, усиление контроля за использованием данных, создание специализированных органов и развитие международного сотрудничества станут важными шагами на пути к эффективному правовому регулированию ИИ в стране.

В заключении, необходимо отметить следующее. Развитие искусственного интеллекта должно сопровождаться не только техническими инновациями, но и созданием надежной правовой базы, обеспечивающей безопасность, прозрачность и этичность его использования. Технологический прогресс должен идти рука об руку с ответственным правовым регулированием, способствующим формированию доверия к ИИ и его гармоничному внедрению в общество.

Список источников

1. Архипов В.В., Грачева А.В., Наумов В.Б., Полякова Т.А., Минбалаев А.В. Определение искусственного интеллекта в контексте российской правовой системы: критический подход //Государство и право. 2022 № 1 С. 168 – 178.
2. Лаптев В.А. Искусственный интеллект в системе правовых инструментов стабилизации политических режимов мировых держав // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 831 – 847.
3. Минбалаев А.В. Регулирование искусственного интеллекта: за и против // ББК 67.401. 114я431 О-136. 2023. С. 11.

4. Полякова Т.А. Правовые вопросы использования технологий искусственного интеллекта в информационном обществе и в государственном управлении // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3 (77). С. 85 – 93.
5. Романовская О.В. Публично-правовые основы цифровой экономики // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12. № 3 (47). С. 63 – 73.
6. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 46 – 73.
7. Харитонова Ю.С., Савина В.С., Паньини Ф. Гражданско-правовая ответственность при разработке и применении систем искусственного интеллекта и робототехники: основные подходы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 58. С. 683 – 708.
8. Boddington P. Towards a Code of Ethics for Artificial Intelligence. Springer, 2017. 124 p. DOI: 10.1007/978-3-319-60648-4
9. European Commission. Proposal for a Regulation on a European Approach for Artificial Intelligence. Brussels, 2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX3A52021PC0206> (дата обращения: 05.10.2024)
10. Gasser U., Almeida V. A Layered Model for AI Governance // IEEE Internet Computing. 2021. Vol. 25. Issue 6. P. 13 – 20. DOI: 10.1109/MIC.2021.3110833
11. Goodman B., Flaxman S. European Union Regulations on Algorithmic Decision-Making and a “Right to Explanation” // AI Magazine. 2017. Vol. 38. Issue 3. P. 50 – 57. DOI: 10.1609/aimag.v38i3.2741

References

1. Arkhipov V.V., Gracheva A.V., Naumov V.B., Polyakova T.A., Minbaleev A.V. Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach. State and Law. 2022 No. 1 P. 168 – 178.
2. Laptev V.A. Artificial intelligence in the system of legal instruments for stabilizing political regimes of world powers. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2023. Vol. 25. No. 4. P. 831 – 847.
3. Minbaleev A.V. Regulation of artificial intelligence: pros and cons. BBK 67.401. 114ya431 O-136. 2023. P. 11.
4. Polyakova T.A. Legal issues of using artificial intelligence technologies in the information society and in public administration. The rule of law: theory and practice. 2024. No. 3 (77). P. 85 – 93.
5. Romanovskaya O.V. Public and legal foundations of the digital economy. Science. Society. State. 2024. Vol. 12. No. 3 (47). P. 63 – 73.
6. Filipova I.A. Legal regulation of artificial intelligence: the experience of China. Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Vol. 2. No. 1. P. 46 – 73.
7. Kharitonova Yu.S., Savina V.S., Pagnini F. Civil liability in the development and use of artificial intelligence and robotics systems: main approaches. Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2022. No. 58. P. 683 – 708.
8. Boddington P. Towards a Code of Ethics for Artificial Intelligence. Springer, 2017. 124 p. DOI: 10.1007/978-3-319-60648-4
9. European Commission. Proposal for a Regulation on a European Approach for Artificial Intelligence. Brussels, 2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX3A52021PC0206> (access date: 10/05/2024)
10. Gasser U., Almeida V. A Layered Model for AI Governance. IEEE Internet Computing. 2021. Vol. 25. Issue 6. P. 13 – 20. DOI: 10.1109/MIC.2021.3110833
11. Goodman B., Flaxman S. European Union Regulations on Algorithmic Decision-Making and a “Right to Explanation”. AI Magazine. 2017. Vol. 38. Issue 3. P. 50 – 57. DOI: 10.1609/aimag.v38i3.2741

Информация об авторе

Чумаченко В.А., аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, chumach1999@mail.ru

© Чумаченко В.А., 2025